ПИОНЕР

ФЕВРАЛЬ ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», 1954 год 2

На ёлке в Большом Кремлёвском дворце.

ПИОНЕР

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

№ 2 февраль 1954 г.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

ДЕНЬ, КОТОРЫЙ НЕ ЗАБУДЕТСЯ

Ребята осматривают «Царь-колокол».

В зимние каникулы я видел много интересного: наш отряд ездил в Ясную Поляну, мы побывали на тульских заводах. Но самым замечательным для меня был день, когда я попал на ёлку в Кремль.

Билет на ёлку мне дали в школе. Я так обрадовался, что просто не мог дождаться часа, когда можно будет идти. Мне очень хотелось побывать в Кремле. Ведь в Кремле на съездах, на совещаниях собираются самые замечательные, знаменитые люди нашей страны, руководители партии и правительства. А вот сейчас, в зимние каникулы, Кремль предоставлен нам, советским детям.

Елка начиналась в четыре, но мы с ребятами пришли к Спасским воротам гораздо раньше.

И вот наконец мы в Кремле. Мне показалось, будто я попал в старинный город: таких домов, таких красивых белых церквей я ещё никогда не видел. Я сейчас же отыскал «Царь-колокол» и побежал к нему. Он оказался ещё огромнее, чем мне представлялось. Этому колоколу больше двухсот лет, сто три года он пролежал в земле. Потом мы увидели «Царь-пушку» и пошли к ней.

Незаметно пролетело время, пора было идти на ёлку. Торжественно, под музыку, вошли мы в огромный белый зал. Это Георгиевский зал — зал русской славы. На его белых стенах золотыми буквами записаны имена солдат, полководцев, батальонов, доблестно защищавших нашу Родину. Здесь, в этом прекрасном, величественном зале, в мае 1945 года наш народ праздновал свою победу над фашизмом.

Такой гигантской и нарядной ёлки я ещё никогда не видел! Кругом всё было так красиво, торжественно, так весело было в зале!..

Нам сказали, что сегодня на ёлку пришли корейские дети. Я видел их; они стояли возле сцены и с восторгом смотрели на ёлку.

Потом начался концерт. Он был очень хороший. Но всё-таки я его не дослушал: не терпелось всё осмотреть поподробнее. Мы с ребятами пошли в Грановитую палату,— здесь цари принимали послов, здесь праздновал Полтавскую победу Пётр I... Потом мы поднялись в терема, они удивительно красивые, расписные, со сводчатыми потолками, с узорными печами из цветного кафеля, с оконцами из цветного стекла,— казалось, будто всё это в сказке.

Осмотрели мы и кремлёвские соборы. Благовещенский собор небольшой, но очень красивый. Его построили русские мастера ещё в XV веке. В соборе хранится много икон, написанных замечательным художником Андреем Рублёвым.

Успенский собор ещё величественнее и богаче; в нём совершались разные торжественные церемонии, здесь короновались на царство русские цари. В соборе я долго рассматривал деревянный шатёр Ивана Грозного — там очень красивая, тонкая резьба. Этот шатёр, как почти всё в соборе, сделан руками замечательных русских мастеров.

Потом мы все отправились в Оружейную палату. Там собраны разные сокровища. Я видел знаменитую Шапку Мономаха, трон, на котором сидел Иван Грозный, старинную утварь, царские одежды, карету, в которой ездил Пётр I, когда он был ещё мальчиком... Так много видели мы, что всего и не перечислишь.

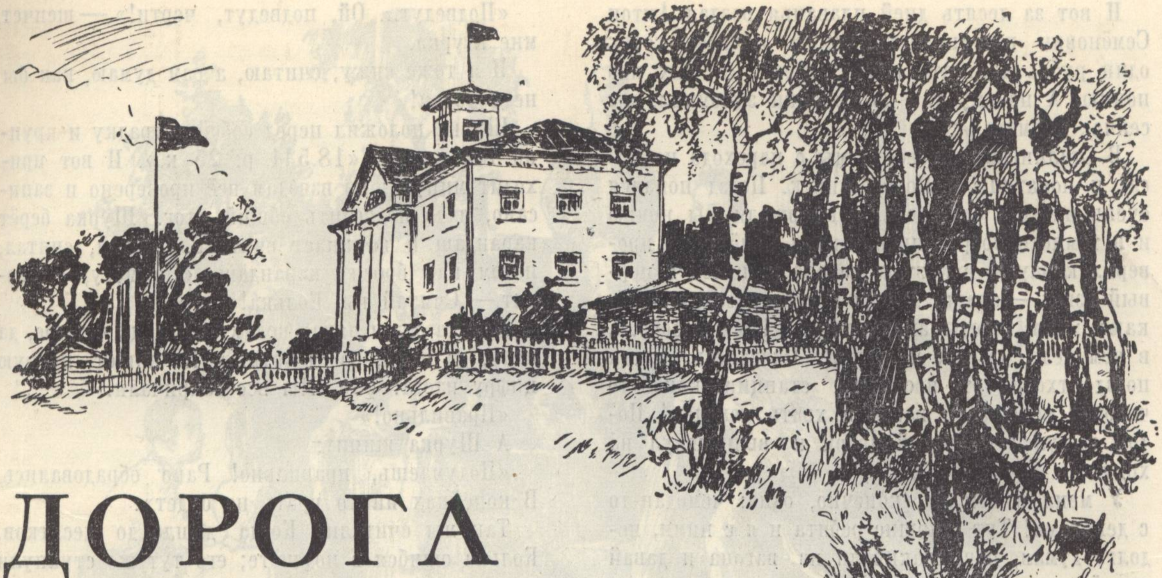
Когда мы уже уходили из Кремля, то снова прошли мимо Большого Кремлёвского дворца, где стоит ёлка. И тут только я увидел, что на дверях центрального входа написано с одной стороны «Верховный Совет СССР», а с другой — «Верховный Совет РСФСР». Значит, наша ёлка стоит в том самом здании, где собирается Верховный Совет.

Я возвращался домой, а перед глазами у меня всё ещё были красавица-ёлка, терема, Кремлёвский дворец... Иду, задумался, вдруг слышу: «Мальчик, ты не по переходу идёшь!» Это, оказывается, милиционер мне говорит, а я и в самом деле не в том месте улицу перехожу...

Я посмотрел на милиционера, и он улыбнулся: наверно, догадался, откуда я иду... Это был замечательный день, и я никогда в жизни его не забуду.

Олег Крикунов

Москва, 110-я школа, 7-й «А» класс.

ДОРОГА В ЖИЗНЬ

Ф. Вигдорова *(Окончание)* **Рисунки Н. Калиты.**

СЛУЧАЙ В ПОХОДЕ

— Так вот,— сказал я,— было это в прошлом году. Я тогда уже работал в коммуне воспитателем. Готовились мы к походу. Я уж вам как-то говорил, что летом мы всегда путешествовали — по Волге ли, по Крыму ли, но непременно отправлялись далеко, в новые места. Прошлым летом поехали мы на Кавказ. К вокзалу шли строем, а строй у нас был красивый, впереди свой оркестр. Вы скажете: а вещи как же? Вещи мы складывали в грузовик, там было всё: еда, посуда, чемоданы с одеждой. Грузовики шли за последним взводом — за нашими малышами. Однако, хотя в строю ничего нести не полагается, старшие ребята в первом взводе несли чемодан. А получилось это вот почему.

Обычно, готовясь к лету, каждый коммунар у нас откладывал понемногу из своего заработка на заводе. Накапливалось порядочно, у иных — больше сотни. К этому походу у ребят набралось пятьдесят пять тысяч рублей. А коммунаров четыреста; прикиньте-ка: сколько это в среднем на брата?

Переглянулись мои слушатели: быстро сосчитать такое в уме!

— Примерно по сто тридцать,— подсказал Алексей Саввич.

— Видите, сумма серьёзная. Стали мы думать: если раздать эти деньги ребятам на руки, растратят зря и на Кавказ приедут ни с чем. И придумали положить в общий чемодан, а уж на Кавказе раздать, и тогда пусть каждый покупает что ему хочется. Положили мы эти деньги в чемодан. Они едва уместились — как-никак пятьдесят пять тысяч, и всё пятёрками да трёшками. Антон Семёнович посмотрел, посмотрел и говорит: «Раз деньги на моей ответственности, стало быть, этот чемодан должен нести я?»

Попробовали мы чемодан на вес — килограммов двадцать, не меньше. Разве же можно, чтобы Антон Семёнович такую махину тащил на себе всю дорогу? И вот решили мы дать этот чемодан на хранение первому взводу — комсомольцам. Они, конечно, согласились; и постоянно у них во взводе мельтешил этот самый чемодан.

А поход был нешуточный — семьсот километров поездом до Горького. Четыре дня побыли в Горьком — походили, посмотрели, где жил Алексей Максимович, где работал, какие там ещё памятные, интересные места, устроили экскурсию на автозавод. Потом вниз по Волге. Плыли не спеша, останавливались в каждом городе. И Антон Семёнович понемногу стал раздавать ребятам деньги — с таким расчётом, чтоб и на Кавказ хватило. При каждой раздаче составлялся список, и ребята расписывались. Списки были в другом чемодане, где помещалась вся наша канцелярия,— этот чемодан тоже был в ведении комсомольцев, но его не носили с собой, а клали в обоз.

И вот за десять дней плаванья раздал Антон Семёнович восемнадцать тысяч пятьсот сорок один рубль двадцать пять копеек, до сих пор помню. А почему так до копейки запомнил, вы сейчас поймёте.

В Сталинграде пересели мы с парохода на поезд и покатили в Новороссийск. Поезд попался очень плохой, без света, а выезжали мы ночью и в темноте погрузились. Антон Семёнович проверил караулы в каждом вагоне и пошёл в первый взвод — спать. А утром, едва рассвело, толкают меня: просыпайся скорей! Едва разобрал, в чём дело, да так и ахнул. Оказалось, когда поезд отходил от последней станции, какой-то человек вскочил в вагон и хвать чемодан! Потом кинулся к другой двери и выпрыгнул на ходу.

У меня в мыслях, конечно, одно: чемодан-то с деньгами! Тут старшие ребята и я с ними, недолго думая, повыскакивали из вагона и давай прочёсывать всё вокруг. Но вор как сквозь землю провалился. Мы были на последнем перегоне к Новороссийску и знали, что там коммунары пробудут два дня перед посадкой на пароход. Стало быть, нагоним. Что вам долго рассказывать! Два дня мы рыскали по округе, устали, конечно, замучились, а хуже всего — пришли к своим в Новороссийск с пустыми руками. Тут оказалось — спросонок я не понял, а потом не спрашивал,— что вор-то схватил не тот чемодан, который с деньгами, а другой — со всякой нашей канцелярией. Так что горевать особенно не о чем было, кроме как о собственной нерасторопности. И очень совестно было перед Антоном Семёновичем. Но потом выяснилось ещё одно обстоятельство. Собирает Антон Семёнович совет командиров и говорит: «В чемодане лежали расписки ребят в получении денег. Значит, я теперь не могу отчитаться в расходе восемнадцати с половиной тысяч рублей. Как быть?»

Тогда секретарь совета командир Шурка Жевелий говорит:

«Надо взять новые расписки».

Мы слушаем и думаем про себя: это верно, расписки надо взять, другого выхода нет. Но ведь, может, кто и забудет, спутает. А может быть и хуже: получил пятнадцать, а напишет десять — вот что плохо. У нас ведь ребята разные, есть такие, что пришли совсем недавно прямо из тюрьмы...

И вот на общем собрании Антон Семёнович сказал ребятам, чтобы каждый написал на отдельной бумажке расписку на все деньги, сколько получил в дороге. Каждый сел, припомнил, написал. Вечером в совете стали приводить эти расписки в порядок — как ни говорите, четыреста штук! Разложили мы их по взводам, и каждый взвод отдельно подсчитывает.

«Подведут... Ой, подведут, черти!» — шепчет мне Шурка.

И я тоже сижу, считаю, а сам думаю, как бы не подвели!

Шурка положил перед собой тетрадку и крупно так вывел: «18.541 р. 25 к.». И вот приходит минута: по взводам всё проверено и записано, надо подводить общий итог. Шурка берёт карандаш и начинает считать. Считал, считал, потом как бросит карандаш. «Не могу,— говорит.— Считай ты, Колька!»

Колька сел и начал вслух: «Три, да четыре, да пять, да один, да девять...» И пишет первую цифру итога: «5». Мы все закричали:

«Правильно!»

А Шурка шипит:

«Подумаешь, правильно! Рано обрадовались. В копейках никто врать не будет».

Так мы считали. Когда дошло до десятков, Колька ошибся в подсчёте; его тут же стукнули по затылку, и никто за него не заступился. А под окном столпились коммунары и ждут.

Наконец подсчитали. Объявляет Колька общую цифру: «18.506 рублей 25 копеек». Стало быть, недочёт тридцати пяти рублей всего-навсего! Ну, это ещё не беда. Тут только мы почувствовали, до чего устали от волнения; кажется, легче было вагон дров переколоть. Но всё-таки противно: есть кто-то подлый среди нас. Хоть мы и думали про себя, как бы не подвели, а всё-таки надеялись, что всё сойдётся... Шурка высунулся в окошко и говорит:

«Подсчитали. Тридцать пять целковых не хватает».

Там тоже молчат, не радуются. Шурка и говорит:

«А все отдали бумажки?»

«Все»,— отвечают ему.

И тут Шурка как хлопнет себя по лбу.

«Ах, я старый чурбан! — кричит.— Ах, собака! Нате!»

Выхватил из кармана бумажку и бросил на стол, а на ней расписка, что Александр Жевелий получил в счёт заработка тридцать пять рублей. Мы все и хохочем и ругаем его,— дескать, вот голова дырявая, из-за тебя зря расстраивались. А Колька подскочил к окну и кричит: «Правильно! Тютелька в тютельку! Копейка в копейку!» За окном все, как один: «Ур-ра!» А Антон Семёнович спокойно так говорит:

«А по-моему, иначе просто быть не могло».

Вот вам и вся история. Так-то!

— Ух ты! — сказал Петька.

Другие тоже как-то облегчённо зашевелились вокруг меня. И тут я перехватываю странный, напряжённый взгляд Репина. Он сразу отводит глаза и с наигранным безразличием произносит:

— Король, а горн ты что, загнал?

Король рванулся к Репину, я едва успел схватить его за плечи.

— Чего? — Король недоуменно подымает брови.

Всплеснулся шум и тотчас замер. Всё стихло, как перед грозой. Удивительно: никто, никто, даже Петька не только не начал разговора о горне, но, казалось, и не вспоминал о нём. А вот Репин помнил, всё время помнил.

— Горн, говорю, спустил по дешёвке?

— Да какой горн? Про что ты?

— В то утро, как вы ушли, пропал горн. Ты, что ж, не знаешь?

— Да ты что, спятил?! — Король вскочил; голос у него был сиплый, неузнаваемый. — Ты что? Ты... чтоб я... чтоб я взял?! Ах ты!..

Он рванулся к Репину, я едва успел схватить его за плечи:

— Погоди, Дмитрий!

— Нет, я ему сейчас морду... Я ему... Я...

Репин встал, побледневший, но спокойный.

— Все так думают, не я один, — сказал он с вызовом.

— Не ври! — громко и зло сказал Жуков. — Никто и не вспомнил, один ты.

— Мы не брали, — растерянно заговорил Разумов. — Что вы, ребята? Мы и не знали...

— Можно подумать, что вы вообще никогда ничего не брали, — усмехнулся Репин.

И тут Разумов как-то неуверенно, неумело замахнулся и ударил Андрея по лицу. Ни я, никто другой не успел помешать ему: мы давно вскочили и стояли настороже, готовые разнять, развести, готовые удержать Короля, но мы меньше всего ждали, что в драку полезет Разумов.

Чьи-то руки схватили Разумова, кто-то оттащил Андрея. Всё это долго рассказывать и описывать, а в действительности промелькнули какие-то доли секунды, мы не успели ни вздохнуть, ни опомниться, ни сообразить, что такое уродливое и отвратительное произошло сейчас у нас на глазах.

До чего же у меня чесались руки схватить Репина за шиворот и встряхнуть хорошенько, встряхнуть так, чтоб всё стало на место в этой вывихнутой, себялюбивой душе!

— Кулаком ничего не докажешь, — сказал я.

— А мы... Мы не собираемся доказывать! — крикнул Король.

— И не нужно доказывать. Слушай, Репин, — продолжал я, в упор глядя на Андрея. — Ты мне говорил недавно про горн. Что я тебе сказал?

Репин сжал губы и отвернулся. Кругом было тихо, слышалось только дыхание ребят.

— Я тебе сказал, что не верю в это, — подчёркивая каждое слово, напомнил я.

— Семён Афанасьевич! — Жуков стоит подтянутый, серьёзный, таким он бывает, когда ведёт наши собрания или выступает в совете детского дома. — Ведь Репин мне сегодня то же

самое говорил! А я ему сказал, чтоб он забыл и не повторял. Зачем ты вылез? — круто повернулся он к Андрею.

— Новое дело: зачем! А как же ему не вылезти? — нарушил насторожённое молчание Подсолнушкин.— Разве он может, чтоб всё как следует?

— Злости в нём много,— откликнулся Сергей Стеклов.

— Злостью можно и подавиться! — неожиданно объявил Петька.

Я встретился взглядом с Алексеем Саввичем, его глаза смеялись.

— Значит, так,— я снова обратился к Королю и Разумову, которого всё ещё придерживали за локти, хотя в этом явно не было никакой нужды.— Забудьте, что сказал Репин. Забудьте, потому что никто с ним не согласен.

— Да и он-то говорит... без веры,— после короткой паузы, подыскав нужное слово, прибавил Жуков.

— Разрешите мне сказать, Семён Афанасьевич,— заговорила Екатерина Ивановна. До сих пор она молча стояла поодаль у двери, вглядываясь в лица ребят.— Я думаю, все со мной согласятся, когда я скажу, что все мы рады возвращению Королёва и Разумова. Королёв с самого начала помогал поднимать наш дом, он полюбил его, а ушёл... ушёл, не подумав. И Разумов ушёл с ним, не подумав, просто по дружбе. Не знаю, как вы, а я всегда была уверена, что они вернутся. Надо это забыть и думать о сегодняшнем дне. Вот, например: в каком отряде они теперь будут?

Мгновение ребята молчали. Это было короткое, но напряжённое молчание, всем было как-то не по себе.

Неловкость нарушил Володин:

— Так ведь у них свой отряд... Наш то есть! Как были в третьем, так и опять!.. Это ничего!

Он оглядывался на своих, словно ожидая подкрепления. Смутная нотка неуверенности всё же была в его голосе, но я опять почувствовал: его смущает не то, что сам он оказался в двойственной позиции. Дело ясное, у Короля свой отряд, и он может туда вернуться, это справедливо и естественно. Но вот командиром ребята его ставить опасаются, а рядовым, наравне с десяти — одиннадцатилетними, под команду Володина или кого другого, захочет ли Король, не обидно ли ему будет?

— А вы сами куда хотите? — спросила Екатерина Ивановна.

— Всё равно,— сквозь зубы сказал Король.— Хоть и в третий... Чего ж...

Он всё ещё был весь, как сжатый кулак, готовый к отпору, к удару. А Разумов сник, плечи опустились, и он упорно глядел в землю.

— Семён Афанасьевич, а если к нам? Я предлагаю к нам, а? — сказал вдруг Жуков.

Я ответил:

— Думаю, это правильно.

— Идите к нам,— просто и как-то очень гостеприимно сказал Саня.— У нас ребята постарше, чем в третьем. И вообще...

Он открыто и прямо смотрел на Короля и всем своим видом досказывал: «И вообще у нас хороший народ, не пожалеете. А не хотите, не обидимся. Но только, не хвалясь, советуем, лучше не найти».

Король взглянул на Разумова, но тот так и не поднял головы, и Король решил за двоих:

— Ладно, к вам.

— Значит, с этим в порядке,— сказал я.— Ну, а Репину что запишем? Веди собрание, Жуков.

И снова на крыльце стало тихо. Я вспомнил о Колышкине, отыскал его глазами. Ну, конечно. Он оглушён, точно всё вокруг обрушилось и земля колеблется под ногами. Да, так и есть: мысль Колышкина, всё его бытие неизменно, точно в стену, упиралось в жёсткую и насмешливую власть Репина, из воли Репина он не смел выйти, не смел и думать об этом — и вдруг какая-то неведомая сила сокрушила Репина! Точно не стало глухой стены вокруг Колышкина и его разом обдуло всеми ветрами. Никогда я не видел это бледное лицо таким изумлённым, таким... проснувшимся. Он озирался, точно впервые увидев, что вокруг — живые люди.

Но мне некогда было долго разглядывать Колышкина, я лишь посмотрел на него одним взглядом — вот на такого, ошарашенного, с раскрывшимися глазами. Надо смотреть и слушать, ничего не упуская — кто знает, может быть, в какую-то минуту снова надо будет вмешаться...

Жуков спокойно обводил глазами ребят, ожидая ответа на свои слова о Репине. Молчание затягивалось. И тут шагнул вперёд Подсолнушкин.

— Известно,— начал он, и все обернулись в его сторону. Он поправил пояс, переступил с ноги на ногу. Он не смущался устремлёнными на него взглядами, он просто обдумывал, как бы лучше, понятнее высказать свою мысль, и говорил ещё более солидно и независимо, чем всегда.— Известно,— повторил он,— так спокон веку было: что Репин скажет, то и будет. У Колышкина в отряде разве Колышкин — командир? Репин! Чего смотришь, Колышкин? Неправду я говорю? А в Репине такая вредность сидит: что захочу, то пускай и делают, та́к не сделают — куплю, только чтобы было по-моему...— Подсолнушкин смолк, остановленный сложностью собственной мысли; слов, способных её выразить, не находилось. Он набрал в грудь побольше воздуха. — Предлагаю! — сказал он громко и сердито.—

Пускай уходит отсюда! Скатертью дорога! А хочет остаться — пускай помогает. Пускай живёт, как живут люди! Всё!

И он сел на ступеньку — нахмуренный, недовольный, но, как всегда, исполненный сознания собственного достоинства.

Замечаю в толпе лицо Глебова. Он, который никогда не останавливался перед любым грубым, дерзким словом, изумлён и потрясён этой сдержанной и сильной обвинительной речью, да ещё — подумать только! — речью против Репина! А вот Коробочкин — этот смотрит, точно перед ним разыгрывается захватывающий спектакль. Смотри, смотри, Коробочкин, ты не ушёл, и, видишь, не зря ты остался!

Репин проводит рукой по лбу, по бледной щеке, но голос его звучит ровно:

— Не твоя забота, Подсолнушкин, рассуждать, как я должен поступить. Я поступлю, как захочу. Захочу — уйду, захочу — останусь, а ты мне не указчик.

Так. Вот теперь пора вмешаться.

— Подсолнушкин тебе, может, и не указчик,— говорю я,— а мы все вместе можем указать. По-моему, Подсолнушкин правильно сказал: мы тут не пустяками занимаемся — у нас дело, мы работаем. Не хочешь помогать, уходи... Жуков, голосуй!

— Кто за предложение Подсолнушкина? — спрашивает Саня.

Решительно поднимают руки сам Подсолнушкин, Сергей Стеклов. Секунда колебания. Подняли руки Володин, Петька, Суржик. Ещё какие-то секунды — и кругом целый лес поднятых рук. Только один Колышкин смотрит в землю, будто ничего не слышит, и руки не поднимает.

— Сделаю так, как захочу,— сквозь зубы повторяет Репин.

— Там посмотрим, — спокойно отвечает Жуков.

ТРУДНАЯ ЗАДАЧА

Репин не ушёл. Мне кажется, я понимаю ход его мыслей: уйти так — это означало бы признать полное своё поражение. Уж если уходить, то независимо, гордо, потому что сам захотел, а не потому, что какой-то там Подсолнушкин или Жуков сказал: «Уходи». Нет, уйти так бесславно он не мог.

Чего-чего, а выдержки у парня хватало. Он вёл себя в точности так же, как всё последнее время: подчинялся режиму, сносно работал в мастерской — руки у него были умные. Как говорили, прежде он был одним из самых ловких карманников среди ленинградской беспризорщины, а теперь эти ловкие, небольшие, но крепкие руки легко, без усилия усваивали всякую новую работу, овладевали каждым новым инструментом.

А всё-таки он был сам не свой — всё его самообладание не могло меня обмануть. Его внутренне всего пошатнуло. Может быть, это было первое в его жизни поражение. Он был умён и хорошо видел, что от его прежней власти не осталось и следа: ребята защищены и больше ни в чём не зависят от него. Своим влиянием на Колышкина и ещё на трёх—четырёх ребят из своего отряда он не дорожил: он умел разбираться в людях и понимал, что и десяток покорных Колышкиных не прибавит ему блеска и славы. Я чувствовал, знал по прежним нашим разговорам: ему важно, что думаю о нём я. Всё, что было сказано тогда, уязвило его глубоко и надолго. Как видно, уродливо разросшееся самолюбие было самой определившейся чертой в его характере, и ничто не могло задеть его больнее, чем презрение. А я знал, презрение — лекарство сильное, но опасное; недаром кто-то сказал, что оно проникает даже сквозь панцырь черепахи. Им можно отравить, и тогда обратного хода не будет. Да, Репин был для меня задачей трудной и тревожной; я ни на час не мог забыть о нём.

Другой задачей неожиданно оказался Разумов. Как будто все его силы ушли на пощёчину Репину: он бродил вялый, потухший, не подымая глаз. Всё валилось у него из рук. Разумов подолгу застывал у верстака, не двигаясь, не оборачиваясь на оклики и словно забыв обо всём. Он плохо ел, беспокойно спал по ночам. Он не принимал участия ни в каких играх.

— Слушай, Семён,— озабоченно сказала мне Галя.— Разумов приходит ко мне и всё толкует, что он никогда не воровал и о той пропаже ничего не знает. Я ему сказала, что никто и не сомневается в этом.

— А он что?

— Говорит, что слишком уж всё совпало: их уход и пропажа. И что все, конечно, думают на них. И никакие уговоры его не берут.

Я видел, как Разумов отводил в сторону то одного, то другого из ребят, и знал, что он твердит всё то же:

— Конечно, всё так совпало... Только мы не брали... Разве мы могли бы...

И неизвестно, кто чувствовал себя более неловко: Разумов или тот, кому приходилось его выслушивать. Ребята чувствовали в его излияниях что-то болезненное, чего не успокоить словом,— а нет ничего хуже, как глядеть на чужую боль, не умея облегчить её.

С Разумовым говорила Галя, говорили Екатерина Ивановна и Алексей Саввич, говорил я. Он повторял одно и то же:

— Если б можно было думать ещё на когонибудь. А то получается ясней ясного: мы уходим — горн пропадает...

— Послушай,— сказала ему Галя.— Ты бы поверил, что я украла?

Он оторопело посмотрел на неё и не нашёлся, что ответить.

— Ну, а если бы все улики были против меня? И больше не на кого было бы думать? И один бы сказал, что сам видел, как я украла, и другой? Ты бы поверил?

— Да что вы, Галина Константиновна! Нипочём бы не поверил!

— Честное слово?

— Честное слово.

— А как же мы, по-твоему, должны думать, будто вы украли? Неужели только потому, что с виду всё против вас?

— Так ведь вы нас мало знаете...

— Разве ты знаешь меня больше, чем я тебя?

— Нет... но ведь все знают, что и Плетнёв и Король... что бывало раньше... что случалось... И поэтому...

Галя подробно пересказала мне этот разговор.

— Нет, ты подумай! — с сердитым недоумением воскликнула она.— Его не убедишь! Что ему ни говори, он словно не слышит.

— Разумов прямо закоченел в своём отчаянии,— говорила и Екатерина Ивановна.— Не знаю, что и придумать! Он меня очень тревожит, Семён Афанасьевич, ведь сразу видно, что ему совсем плохо.

Екатерине Ивановне Разумов рассказал свою историю. Родители его разошлись три года назад («Я только перешёл в третью группу»). Семья жила тогда в Саратове. Потом в течение двух лет они съезжались и разъезжались, ссорились и мирились. Каждый тянул мальчишку к себе, каждый говорил о другом самое чёрное, самое горькое, что мог придумать: «Твой отец — обманщик и негодяй», «Твоя мать — подлая женщина». А во дворе был приятель — Сенька Плетнёв, сверстник, но с характером крепким и властным. Этому было море по колено, он давно советовал Владимиру плюнуть на всё и уйти. («Он-то сирота, он с дедом жил. Но уже лучше, когда совсем ни отца, ни матери, чем так, как у меня»,— сказал Разумов). Кончилось тем, что они ушли вместе — покатили зайцами в Москву, потом в Казань, там познакомились и подружились с Королём, и уже все втроём двинулись в Ленинград. Здесь перезимовали в Берёзовой поляне, а с теплом, понятно, собирались странствовать дальше.

— Знаете, я слушала его и всё думала: он как раз удивительно не приспособлен для такой бродячей жизни,— заключила Екатерина Ивановна, пересказав мне эту несложную и невесёлую биографию.— Мне кажется, из всех наших ребят — во всяком случае, из тех, что постарше,— он самый «не беспризорный» по характеру, самый домашний. Ему, может быть, больше не хватает матери, чем даже нашему Лёне, хоть тот и совсем малыш. Недаром он всё к кому-нибудь прислонялся: то к Плетнёву, то к Королю. Может быть, он потому и со мной так откровенно разговаривал... В сущности, он стал рассказывать о себе прежде, чем я начала спрашивать.

Она была, конечно, права. Разумов нуждался

Галя и Разумов сидели рядом на крылечке флигеля.

в мягком, немужском внимании. Он, пожалуй, побаивался только строгой на вид Софьи Михайловны. С Антониной Григорьевной у него были наилучшие отношения — это его я застал в числе её добровольных помощников по кухонным делам, когда впервые осматривал дом,— и с Галей он тоже говорил охотнее и откровеннее, чем со мной или Алексеем Саввичем.

Однажды перед вечером, работая у себя в кабинете, я через раскрытое окно услышал отрывок беседы Гали с Разумовым. Они сидели рядом на крылечке флигеля — она с шитьём в руках, он с лобзиком и куском фанеры. С первых фраз я понял: Разумов, должно быть, повторял Гале то, что я уже знал от Екатерины Ивановны, и вот продолжение:

— Понимаете, всё получилось не так. Мне не хотелось уходить. И Королю. А Плетнёв всё говорил: «Пойдём, уговорились ведь». Но и он тоже сомневался. А когда Жуков вывесил скатерть, Король обозлился... И Плетнёв. Он сразу сказал: «Ноги моей здесь больше не будет».

— Как ты думаешь, где он сейчас?

— Он на нас совсем разозлился. Махнул на юг. Но он вернётся. Он с Королём очень дружит.

— А с тобой?

— Со мной?

Пауза. Должно быть, Разумов впервые в жизни задумался: дружба ли то, что связывает его с Плетнёвым?

— Знаете, мы с Арсением с пяти лет знакомы. В одном дворе жили. У него бабушка была очень хорошая. А потом она умерла. А дед... Ну, с дедом Сеньке плохо было...

Я снова взглядываю в окно. Галя сосредоточенно шьёт. Она замечательно умеет слушать, это я и по себе знаю, и Разумову, видно, приятно при ней вслух разбираться в своих мыслях, в своём прошлом: давно я не видел его таким спокойным.

— Он обо мне всегда заботился, Сенька. Он никогда один куска не съест, всегда поделится. И он очень смелый. Даже отчаянный. Сколько раз его забирали в милицию! Ох, я боялся! А он всегда приходил назад. Соврёт что-нибудь, уж не знаю, и отпускают его. Он... вы ещё не знаете, какой! Он не хотел, чтоб я воровал. Он говорил: «Тебе нельзя!» Вот хотите верьте, хотите нет, а я ни разу ничего не украл. Сенька не велел...

Галя перекусила нитку.

— Но ты говоришь, он всем с тобой делился?

— Да.

— Ты меня извини, Володя, но, по-моему, это одно и то же, если ты даже своими руками и не брал ничего.

Пауза.

— Вот видите, вы сами говорите...— угасшим голосом произнёс Разумов.

— Что ж я говорю? Всё это было прежде. А о прошлом тут никто не вспоминает. Я тебе и в тот раз сказала: все знают, что ты и Король не имеете никакого отношения к пропаже горна. Ребята у нас очень прямые, они не стали бы притворяться, если б действительно думали на вас.

— Они просто слушаются Семёна Афанасьевича. А Семён Афанасьевич просто для воспитания... Разве я не понимаю?

Галя смеётся:

— Плохо же ты знаешь Семёна Афанасьевича! Он если и хочет что скрыть, так не умеет...

Ну нет, выслушивать рассуждения насчёт своего характера я не намерен. Закрываю папку с бумагами, выхожу на крыльцо и, не торопясь, шагаю мимо Гали и Разумова. Застигнутые врасплох, они умолкают. Выглядят они при этом довольно забавно...

...Вечер. Галя укладывает ребят. Костик прыгает в кровати и хохочет, когда ему удаётся вывернуться из галиных рук. Леночка молча, пыхтя и отдуваясь, стаскивает с себя платье, но когда я пытаюсь ей помочь, она заявляет:

— Сама! Я сама!

— Мне кажется,— говорит вдруг Галя,— он не успокоится, пока не разъяснится эта проклятая история...

И хотя перед этим мы говорили о том, что башмаки у Костика и Леночки окончательно развалились и надо же наконец выбрать время и купить новые, я тотчас понимаю, о ком и о чём идёт речь.

НОЧНАЯ ТРЕВОГА

Было около пяти часов вечера, и почтальон принёс почту. Обычно её перехватывали ребята, на ходу просматривали газеты и являлись ко мне с самыми свежими новостями.

На этот раз они бежали ко мне с криком:

— Смотрите, Семён Афанасьевич, смотрите скорей!

Ко мне протянулось сразу несколько рук с газетами. Я не сразу понял, в чём дело. В СССР приехал Эдуард Эррио? Ну и что же? А, вот оно: «Под Харьковом Эррио посетил детскую трудовую коммуну имени Дзержинского... Он внимательно знакомился с бытом коммунаров, бывших беспризорников и малолетних преступников,— читаю я.— Он был поражён чистотой и порядком в коммуне, обилием цветов и свежего воздуха».

Десять раз кряду я перечитал эти скупые строчки, словно надеялся вычитать из них больше — хоть одну подробность, хоть одно имя. «...поражён чистотой, обилием цветов и свежего воздуха». Да, это поражало и изумляло всех, кто бывал там, но не всякий умел понять по-настоящему, что произошло в коммуне имени Дзержинского,— как дети снова становились детьми, как

толпа бездомных подростков обрела счастливый дом...

Эти несколько строк о коммуне были для меня приветом издалека, точно я получил письмо от друга. Я никогда не забывал о своём доме, всегда помнил коммуну, но в тот день я уж до самой ночи ни о чём другом думать не мог. И так хотелось мне попасть туда ну хоть на час — другой, посмотреть на всех, пожать руку Антону Семёновичу — и назад, домой, в Берёзовую. И ещё долго после отбоя мы с Галей вспоминали разные разности.

— А помнишь, как пришёл в коммуну Ваня Гальченко?

— Ну, как же! Дождь, слякоть. Идёт совет командиров, а Бегунок то и дело выскакивает на улицу, поджидает. Они познакомились в городе, и Бегунок обещал ему, что примут.

— А помнишь, как он объяснял про родителей? Выходило, что и отец у него не родной, и мать не родная...

— А ты помнишь, как Мизяк разбил стекло и...

И тут-то, словно продолжение нашего разговора, раздалось: бац! Дзинь! Звон стекла, чей-то вопль и потом отчётливо:

— Лови! В коридоре!

Я выскочил на крыльцо. Здесь уже толпились разбуженные шумом ребята.

— Поймали? Где? Кто? — слышалось со всех сторон.

И почти тотчас от будки закричали:

— Есть! Ведём!

Из густой, вязкой осенней тьмы вынырнули Алексей Саввич и старший Стеклов, между ними маячила какая-то неясная фигура.

— Говорят, старый знакомый,— сказал Алексей Саввич, легонько подталкивая ко мне пойманного.

Я взял его за плечи, вгляделся, но не сразу понял, где я прежде видел это лицо. И вдруг сразу два голоса крикнули:

— Да это Юрка!

— Глядите, Нарышкин!

И верно, Нарышкин. Это его испуганное насмерть, перекошенное и бледное под слоем грязи лицо, узкие, щёлками глаза.

— Насилу поймали! — ещё не отдышавшись как следует, объяснил Стеклов.

— Если бы он не споткнулся о поваленную берёзу — знаете, за дорогой? — и не поймали бы,— подтвердил Алексей Саввич, утирая разгорячённое лицо.— А второй так и сгинул. Их ведь двое было.

Вдруг Нарышкин рванулся у меня из рук, но останавливать его не пришлось: он застонал, скрипнул зубами и сел на землю.

— Я всё-таки не пойму: как это получилось? — спросил я.

Ребята наперебой стали рассказывать.

В полночь Алексей Саввич — дежурный воспитатель — шёл от столовой к дому, а Сергей Стеклов — командир сторожевого отряда — сидел на подоконнике нижнего этажа. Вдруг крик в спальнях наверху: «Держи! Лови!»,— и кто-то стремглав летит с лестницы. Сергей расставил руки, но тот слёту сбил его с ног и выпрыгнул в окно. Тут путь ему преградил Алексей Саввич, но сбоку подскочил ещё кто-то, сильно ударил Алексея Саввича палкой по плечу (наверно, хотел по голове, да промахнулся) и, не останавливаясь, промчался вслед за первым прочь, в парк. Алексей Саввич бросился за ними, Стеклов обогнал его. Они бежали в темноте, не разбирая дороги, почти не надеясь настигнуть непрошенных гостей.

— Так как-то, знаете, сгоряча,— пояснил Алексей Саввич.

Но тут впереди раздался треск, шум падения, и Сергей почти наткнулся на упавшего. Подоспел Алексей Саввич, и они повели пленного к дому. Он хромал, спотыкался, упирался — ничего не помогло.

И вот он сидит на земле, скрипя зубами от боли и держась обеими руками за ногу. Видно, здорово расшибся.

— Вот чёртов сын! Воровать пришёл! Воровать явился! — шумят кругом.— Что на него смотреть! Дать по зубам! Чего надумал! Где ворует!

— Отпустили тебя по-хорошему,— слышу я рассудительную, неторопливую речь Павлуши Стеклова.— А ты чего?!

— Погодите! — сказал вдруг, наклонясь к Нарышкину, Алексей Саввич.— Тут что-то липкое. У него нога в крови!

— Да что с ним нянчиться?! — с отвращением крикнул Король.— Ну его к чертям в болото!

— Как хочешь, Король, а ногу ему перевязать надо,— спокойно возразил Алексей Саввич.

Новый вопль возмущения прервал его на полуслове, никто не хотел слышать ни о каком снисхождении.

— Ну-ка, Сергей, помоги,— распорядился я.— Бери его подмышки.

Как ни осторожно я взял Нарышкина за ноги, боль, видимо, была сильна — он всхлипнул, но тотчас испуганно умолк, наверно, ему хотелось бы сделаться как можно меньше и незаметнее.

— Не перелом ли?..— озабоченно подумал вслух Алексей Саввич.

— Ему бы все кости переломать! — пробурчал кто-то.

— Ладно, полегче,— осадил Сергей.

Нарышкин сидит на земле, скрипя зубами от боли и держась обеими руками за ногу.

— Ты что, ошалел?

— А чего он орёт?

— Ногу сломал, вот и орёт.

— А-а-а! — разочарованно тянет собеседник Сергея.

Я велел немедленно разойтись по спальням, но спали в эту ночь плохо. Рано утром Галю около Нарышкина сменила Екатерина Ивановна, а Жуков пошёл за хирургом, который жил неподалёку.

С хирургом нам пришлось познакомиться давно. Однажды Коршунов подавился рыбьей костью. Он кидался, мотал головой, и совершенно выбившаяся из сил Галя с помощью Короля и Стеклова отвела его к Евгению Николаевичу Попову. Как уверяли наши, доктор только заставил Коршунова раскрыть рот и сразу вытащил кость, точно она сама прыгнула ему в руки.

Но теперь предстояло вызвать доктора к нам, да ещё в такой ранний час. Вдруг он не сможет придти! А Нарышкину было худо: всю ночь он маялся, стонал и не сомкнул глаз ни на минуту.

Евгений Николаевич скоро появился и высоко поднял брови, поняв, что мы мало надеялись на его приход:

— Где же это вы видели врача, который бы не пришёл туда, где его ждёт больной? Непростительно, что вы не прислали за мной ночью!

Он был высокий, толстый, совсем седой, даже брови белые. Вася Лобов с полотенцем через плечо, задрав голову (доктор был почти вдвое выше), проводил его к умывальнику. Вымыв руки, Евгений Николаевич подсел к кровати Нарышкина, с минуту молча, внимательно смотрел на него, потом обернулся к нам:

— Что это он у вас в таком виде?

Вид был плачевный. Правда, рубашку удалось сменить, но штанину весьма сомнительной чистоты Галя просто разрезала. И всем своим видом Нарышкин, хотя и умытый, совсем не походил на остальных ребят.

— Он не наш! — не вытерпел Лобов и тут же исчез, словно ожёгся о строгий взгляд Екатерины Ивановны.

— Не ваш?

И мы понесли незадачливого налётчика в нашу больничку — маленькую комнатку во флигеле, которая всегда пустовала: болеть у нас никто не желал.

Мы положили Нарышкина на кровать, и здесь, когда его уже не окружали рассерженные ребята, он глубоко вздохнул, как вздыхают дети после долгого плача, и сказал робко:

— Болит...

Я осторожно тронул его ногу, но в ответ раздался нечеловеческий вопль.

— Пожалуй, перелом. Хирурга надо, и как можно скорее. Сейчас уложим его поспокойнее, а чуть свет надо послать за Поповым,— тревожно сказал Алексей Саввич.

— Пошлём,— ответил я.— Пока суд да дело, попроси, Сергей, сюда Галину Константиновну. Что-нибудь сообразим.

Нарышкин лежал перед нами, глядя то на одного, то на другого, иссиня-бледный и напуганный.

— Ой, Семён Афанасьевич, не уходите! — сказал он умоляюще, когда я направился к двери.

— Лежи. Ничего с тобой не сделают, понял? И Галина Константиновна остаётся.

Мы с Сергеем выходим. У крыльца всё ещё толпа, шум, говор, должно быть, в доме никто не спит.

— Стукнули вы его? — с надеждой в голосе спрашивает кто-то у Стеклова.

— Он действительно... по ошибке... попал сюда по ошибке,— не слишком уверенно объяснила Екатерина Ивановна.

— По ошибке? Гм... так... А это вы ему пристроили? — спросил Евгений Николаевич, убирая дощечку, которая лежала под ногами Нарышкина.— Галина Константиновна — ваш специалист по первой помощи? Умно, правильно сделали. Не кричи, не кричи, пожалуйста. Будь мужчиной. Так, так, так...

Пальцы его — сильные, умные пальцы хирурга — двигались легко, ловко, он, не глядя, ощупывал ногу и спокойно разговаривал с нами.

— Ну, что ж...

Мы не успели понять, что произошло: молниеносное, энергичное движение врача, отчаянный вопль Нарышкина — и снова спокойный голос Евгения Николаевича:

— Вот и вправили. Всё в порядке. Полежишь ещё немного, а там понемногу и ходить начинай. А царапины пустяковые, вон уже всё подсохло.

— Беспризорные, говорите?—спрашивал он меня немного спустя.— И этот, что за мной приходил, тоже беспризорный? И вон тот? Как-то не вяжется, знаете ли... А с вывихнутой ногой — по ошибке? Что значит «по ошибке», если не секрет? А, вот оно что. Ну-ну... Очень, очень любопытно!

Настал час занятий. Екатерина Ивановна должна была идти в свою группу. Нарышкин уцепился за неё:

— Не останусь один! Изобьют...

— Никто не тронет, уверяю тебя,— успокаивала Екатерина Ивановна.

Но Нарышкин даже зажмурился от страха и только мотал головой: нет, нет, он ни за что не останется один!

— Давайте я опять с ним посижу,— предложила Галя.— Хочешь, Костик, к Нарышкину?

Костик и Лена давно уже топтались возле больнички, стараясь заглянуть в дверь. Ясно, им хотелось поглядеть, кто это устроил такой переполох, из-за кого шумят ребята, кого лечил огромный седой доктор. На том и порешили. Галя с детьми отправилась к Нарышкину, я в школу, где изо дня в день сидел на уроках, наблюдал, смотрел, слушал.

— В прошлый раз мы начали говорить о том, что называется окружностью, не так ли? — Владимир Михайлович стоит у стола, внимательно оглядывая класс.— И вы, Репин, попытались сделать определение. Повторите его, пожалуйста.

Репин встаёт и произносит отчётливо:

— Окружность — это линия, все точки которой равно удалены от одной.

— Равно удалены от одной...— задумчиво повторяет Владимир Михайлович и чертит на доске дугу.— Взгляните, вот линия, все точки её равно удалены от одной. Следовательно, это окружность?

Репин прикусывает губу, и, прежде чем он успевает сказать слово, Король говорит с места не очень уверенно, зато очень громко:

— Со всех сторон закрытая!

— Погодите, Митя. Так как же, Андрей?

— Окружность,— произносит Репин бесстрастным тоном,— это замкнутая линия, все точки которой равно удалены от одной.

В сторону Короля он не смотрит, но на слове «замкнутая» делает недвусмысленное ударение: вот, мол, нà тебе!

Владимир Михайлович берёт со стола чёрный шар. Мелом он чертит на шаре замкнутую волнистую кривую.

— Как вы думаете,— обращается он к ребятам,— все точки этой кривой равно удалены от центра шара? Да, равно. Значит, это окружность?

Все видят, что в определении есть ещё один пробел. По лицам ребят, по сосредоточенным взглядам и нахмуренным лбам я понимаю: тут важно не столько получить определение — важен самый процесс работы. Они думают, ищут недостающие слова — «расположенная на одной плоскости». Но эти слова остаются непроизнесёнными: дверь класса открывается, на пороге — Костик.

Ходить на третий, школьный этаж им с Леной строго-настрого запрещено. Костик знает это и никогда здесь не показывается. Сейчас он впервые нарушил запрет. Все головы повёрнуты к двери, на секунду мы застываем в удивлении.

— Король тут? — громко осведомляется Костик.— Король, послушай!..

Чья-то рука хватает Костика сзади, из коридора доносится испуганный галин шёпот:

— Костик, ты с ума сошёл! Кто тебе позволил?

— Ой, мама, погоди! — кричит Костик уже на весь коридор.— Король, слушай, это Нарышкин унёс горн! Он сам сказал!

ВЕЧЕРОМ В УЧИТЕЛЬСКОЙ

— Эх ты, умнее ничего не придумал? — услышал я ещё из-за двери и, заглянув в больничку, увидел Глебова; он принёс Нарышкину еду.

Нарышкин угрюмо отвернулся к стене и не ответил.

— Слыхали, Семён Афанасьевич? — говорит Глебов, столкнувшись со мной в дверях.— Горн-то! А у нас что было, чего только не передумали. Вот бесстыжая рожа — Нарышкин! Да что с него возьмёшь!..

В лице и голосе Глебова сознание собственного достоинства и безграничное презрение к Нарышкину.

— Знаете, Семён Афанасьевич,— продолжает он, насмешливо кивая в сторону кровати,— я к нему вхожу, а он как набычится, чисто Тимофей[1]! Думал, дурак, я его бить пришёл. Я, говорю, тебе щи принёс, дурак ты. А сейчас второе принесу. А он всё боится. Понятия в нём никакого!

Разумов ходит сияющий.

— Вот видишь! Я говорил же! — твердит он всем и каждому.

Король не унижается до объяснений. Как будто ровно ничего не произошло, как будто и не было этой истории с горном, камнем лежавшей на всех, и не свалился с него теперь этот камень.

Нарышкин подавлен больше прежнего. Он не сомневался, что мы давно обо всём знали. Он и не признавался вовсе, просто к слову пришлось.

— В прошлый раз,— сказал он Гале,— я тоже упал. Когда из столовой выбирался. А только нога цела осталась. Я тогда руку...

Галя не позволила себе ни удивиться, ни произнести: «Ах, вот в чём дело».

— Это когда ты горн унёс? — напрямик спросила она.

— Ну да,— ответил Нарышкин в уверенности, что это всем давно известно.

И вот тут-то Костик, не теряя времени даром, шагает на третий этаж, открывает дверь за дверью («Ой, Екатерина Ивановна, я не к вам!» «Ой, тётя Соня, вы только скажите: где Король?») и наконец добирается до пятой группы, где поднимает настоящий переполох...

Теперь Нарышкин понимает, что проговорился. И жалеет об этом. И в то же время чувствует: это хорошо, что он сказал. Он не очень разбирается, что к чему, но ведь ясно: ребята смягчились. Он не то что прощён, а вот стало легко дышать и уже не страшно. Он уже не цепляется лихорадочно за Галю и Екатерину Ивановну, боясь остаться один. Он лежит, чаще всего повернувшись лицом к стене, молчит, думает.

Вечером, после отбоя, когда весь дом затихает и только ребята из сторожевого отряда ходят по полутёмным коридорам и изредка приглушённо перекликаются между собой во дворе и парке, учителя собираются в моём кабинете.

Мы собираемся постоянно, хоть ненадолго, рассказать друг другу, как прошёл день, подвести итоги: что было трудно, не пропустили ли что-нибудь важное, о чём забыли, чего не заметили.

---

[1] Так звали быка.

— Вот и кончилась эпопея с горном,— говорит Екатерина Ивановна, перебирая тетради.

— Счастливый конец. И Король — молодчина: с честью выдержал это испытание! — откликается Софья Михайловна.

— Королёв — молодец! — помедлив, говорит Владимир Михайлович.— Очень мне по душе этот юноша.

— А как у этого юноши с арифметикой? — спрашивает Екатерина Ивановна.

— Он умеет думать. Это — самое главное.

— Мне кажется, он думает рывками,— возражает Екатерина Ивановна.— Как бы это сказать... Он не умеет додумывать, он останавливается на полдороге. Так бывало не раз: начнёт задачу верно, логично, а где-то посередине застопорит — и конец!

— И так бывает. Но это — дело времени. Способности есть, и навык придёт, выработается дисциплина ума. Вообще в пятой группе много способных детей... Вы знаете, у Репина, например, просто математическая голова. Он превосходно думает и, как ни странно, не растерял за эти годы своих знаний.

— Репин, да-да... вот кто беспокоит меня больше всех,— говорит Алексей Саввич, помешивая угли в печке.

— Больше всех,— соглашается Софья Михайловна.— Он, Колышкин и весь их отряд. Я уже не первый раз говорю об этом. Боюсь, мы непростительно затянули с этим, Семён Афанасьевич. Их надо разъединить. Перевести Репина или всех их распределить по другим отрядам.

— Простите, я ещё плохо знаю ребят,— вмешивается Николай Иванович.— Но к кому переведёшь Репина? Он всюду станет хозяином, мне кажется.

— Да, конечно, натура властная,— соглашается Владимир Михайлович.

— О, не скажите! — смеётся Алексей Саввич.— Посмотрел бы я, как бы он властвовал у Подсолнушкина или у Стеклова! Но у Стеклова малы ребята, там ему, пожалуй, не место.

— Значит, переводить? — спрашиваю я.

Впервые я задаю этот вопрос вслух, но давно уже он сидит гвоздём у меня в голове.

— Переводить, Семён Афанасьевич,— отвечает за всех Екатерина Ивановна.— Я давно наблюдаю Колышкина. Он без Репина совсем другой. Он чувствует себя по-другому. Вот давайте я вам прочитаю.

Она роется в тетрадках. Мы с любопытством ждём. Екатерина Ивановна во вторую смену занимается в школе с 3-й группой, где учится Колышкин.

У Екатерины Ивановны в руках листок — даже издали видно, сколько на нём клякс.

— Вот,— говорит она.— Колышкин вчера на-

писал сочинение. Ну, конечно, безграмотное. Беспомощное, конечно. Ни единой запятой. Строго говоря, это ещё никакое не сочинение. Но суть не в этом. Вот послушайте.

Алексей Саввич оставляет печку. Николай Иванович придвигается поближе со своим стулом. Галя подперла щёки ладонями и, не мигая, смотрит на Екатерину Ивановну. А та читает неторопливо, выразительно, словно красным карандашом расставляя в воздухе ещё неподвластные Колышкину запятые:

— «Как мы собирали грибы.

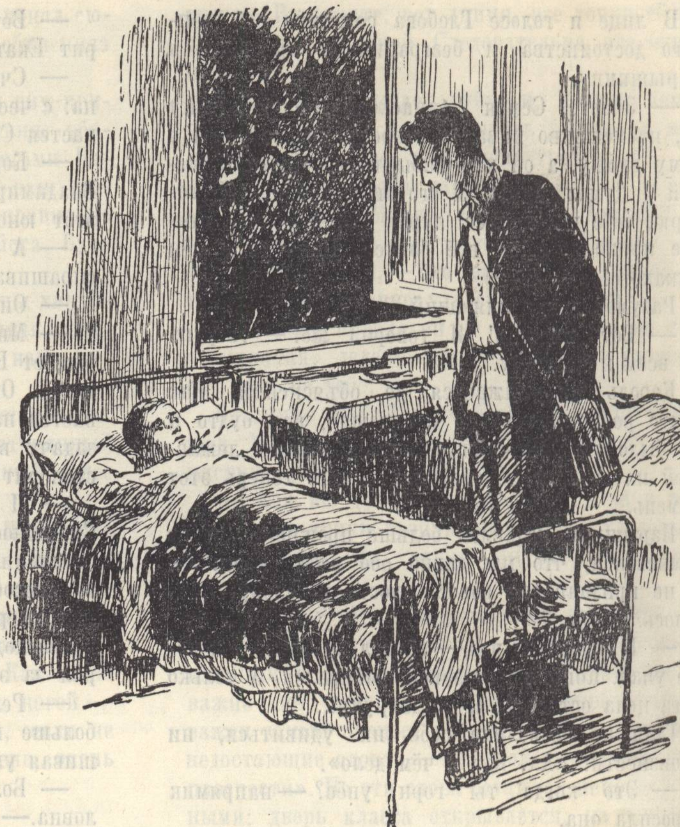
Мы встали рано и пошли. Я тут знаю все грибные места. Белых, ясно, нет, зато подберёзовые и подосиновики. Ещё пошёл один наш, кто, не скажу. Он пошёл один, а как я подошёл, он кричит: «Не лезь, тут моё место!» Я ушёл и набрал больше, хоть я места всем показывал, никому не жалел. Мы принесли много. Антонина Григорьевна нажарила на обед. А ему сказала: «Эх ты, половина поганки».

Екатерина Ивановна умолкает. Мы смеёмся, но она произносит серьёзно:

— А всё-таки хорошее сочинение.

— В мальчике что-то есть. Я тоже давно к нему приглядываюсь,— говорит Алексей Саввич.— Не так это просто, как кажется. Начинаешь с ним говорить, отвечает не прямо, уклончиво. Словно боится сказать лишнее. По-моему, Семён Афанасьевич, дальше предоставлять их самим себе мы не имеем права. Тут надо хорошенько подумать...

Да, много раз со мной говорили о Колышкине. Не о Репине, а именно о Колышкине. И Екатерина Ивановна, и Алексей Саввич, и Софья Михайловна. Но мне казалось, дело уладится. Весь строй нашей жизни таков, что не сможет отряд Колышкина оставаться какой-то замкнутой группой, где всё идёт по-своему, по-особенному, непохоже на остальной коллектив. И сколько раз ни подводил нас отряд Колышкина, сколько раз мы ни спотыкались о то же самое место, мне всё казалось: тут не надо спешить, тут всё образуется, это именно тот случай, когда время работает на нас. Я видел — видели это и другие,— что многое изменилось в Репине. Стал он проще, яснее. Был у него неподдельный, живой интерес к нашему дому. Я думал: не может это остаться бесследным, не может не отразиться на его отношениях с товарищами.

Колышкин лежал, подложив руки под голову.

К этому времени я уже списался с его родителями, которые жили под Москвой, недалеко от Коломны. Отец Андрея писал мне: «Горячо благодарю Вас за добрые вести, но, признаться, боюсь им верить. Столько раз мальчик возвращался домой, и столько раз это снова кончалось катастрофой! Я никого не виню, кроме себя. Я знаю, что мы с женой воспитывали его неправильно, но сейчас поздно говорить об этом, поздно сожалеть, и я только с надеждой думаю о Вашем письме. Я приеду, как только Вы найдёте это возможным и нужным».

Мне казалось, что, может быть, скоро настанет минута, когда Андрей сможет встретиться с родителями, не принося им больше ни стыда, ни горя.

Но когда начались занятия в школе, Андрей снова утвердился в чём-то прежнем. Он знал больше других. Хорошие способности, счастливая память удержали многое из того, чему он учился когда-то. Ему нечего было делать на уроках немецкого языка, тем более, что и разговоры с Гансом и Эрвином[1] пошли ему на пользу. Он

[1] Ганс и Эрвин — немецкие пионеры, гостившие в Берёзовой поляне.

грамотно писал, помнил кое-что из географии и истории. И вот в голосе у него снова появилась почти угасшая было высокомерно-покровительственная нотка.

— Владимир Михайлович,— снисходительно сказал он как-то,— а вас ребята совсем не боятся.

Владимир Михайлович посмотрел на него пристально, без улыбки.

— Не боятся моего гнева, это верно,— ответил он.— Но они боятся меня огорчить. Вы разве не замечали?

Это очень точно. Владимир Михайлович необычайно мягок. Я никогда не слыхал, чтоб он прикрикнул, рассердился. Но ребята даже не ждут его слов — они понимают его по взгляду, по движению бровей. Ему стоит на секунду умолкнуть — и в классе тотчас восстанавливается полная и глубокая тишина. И, однако, он умеет быть далеко не мягкосердечным.

Однажды при мне Репин на уроке взялся за невозможное — построить треугольник со сторонами 5, 7 и 13 сантиметров. Он долго топтался у доски, кусал губы, хмурился и, наконец, ушёл на место ни с чем. Владимир Михайлович не торопил его, терпеливо ждал, а потом посмотрел ему вслед насмешливо и колко. Я уверен, что ни с кем другим в группе он не поступил бы так — ни с Королём, ни с Разумовым, ни с Жуковым. И уж если Владимир Михайлович подверг Репина такому наказанию, а это несомненно было наказанием, значит, Репин заслужил его: своей самоуверенностью, высокомерием и себялюбием — всем, что было в нём так прочно и так живуче.

Я думал: что связывает Репина именно с Колышкиным? Ведь ни один из ребят, прежде беспрекословно повиновавшихся Андрею, теперь не зависит от него. Репин может приказать только в том случае, если ему поручат что-либо организовать, руководить какой-нибудь работой. А Колышкин? Молча, с хмурым, безучастным лицом повинуется он каждому слову Репина, а если и нет никаких приказаний, стоит понаблюдать за ним — и ясно: что-то мешает ему жить. И это «что-то» — Репин.

Мы часто оставались с Колышкиным один на один; он всегда молчал, и мне не хотелось торопить его. Мне казалось: естественно должно родиться доверие, и тогда он сам, по доброй воле, скажет мне, что у него на душе. И я ошибся. Грубо, непростительно ошибся, потому что не увидел во-время боли, горечи, глубоко скрытого недовольства собой.

Потом я ещё не раз ошибался. Но этот случай, хоть он и не кончился катастрофой, я запомнил навсегда, как укор и как предостережение.

Вечером, как обычно, я проходил по тускло освещённым спальням. Ребята уже спали. Я приостановился около Петьки, который засыпал мгновенно, едва успев донести голову до подушки. Разметавшись, совсем как Костик, спал белоголовый Павлуша Стеклов. Калачиком свернулся Лёня. Все спали. Не спал во всём нашем доме только один человек — Колышкин. Он лежал, подложив себе руки под голову. Я остановился рядом,— он не повернул головы.

— Михаил,— шёпотом позвал я.

Он медленно повернулся, и я увидел глаза, полные такого отчаяния, что слова на секунду застряли у меня в горле.

— Зайди ко мне завтра вечером, слышишь?

— Слышу,— ответил он одними губами и снова отвернулся.

Горечь и укоризну этого взгляда ощутил я так остро, как если бы Колышкин вслух упрекнул меня самыми беспощадными словами.

Никого нельзя упускать из виду, ни о ком ни на час нельзя забыть. Я знал это и всё-таки забывал,— в горячке, в работе, но разве это — оправдание?

С ГЛАЗУ НА ГЛАЗ

Колышкин пришёл ко мне в кабинет в ту самую минуту, когда Галя, выглянув из соседней комнаты, позвала:

— Иди-ка пить чай. Хоть раз с ребятами за столом посидишь.

— Пойдём, Михаил, выпьем чаю,— сказал я Колышкину.

— Так я ведь ужинал. Я здесь подожду. Или, может, после придти? — предложил он, не подымая глаз.

— Пойдём, пойдём.— Я легонько подтолкнул его к двери.

Лена и Костик сидели за столом. Перед Леночкой стояло блюдце, и она шумно тянула из него чай. Костик уже покончил с чаем и теперь дожёвывал булку. Всё ясно: лишь бы оттянуть минуту, когда придётся лечь, лишь бы подольше не спать! Потому что — вот беда! — как только голова коснётся подушки, непременно уснёшь! А вдруг тогда-то и начнётся самое интересное? Вот, например, Колышкин пришёл. Неужели же лечь спать и не дождаться, не дослушать, зачем он пришёл? Про что будет говорить? Почему это он невесёлый и всё куда-то в угол смотрит?

— Это ничего, что ужинал. Чай с вареньем, а варенье из украинской вишни. Пей, пей,— говорила Галя, наливая Колышкину чаю.

Он сидел напротив меня, между Костиком и Галей, неловко положив на скатерть крупные, тёмные от загара руки. Он всё ещё не подни-

мал глаз, левая щека у него вздрагивала — дёргался от напряжения какой-то непослушный мускул.

— Налить ещё? — предлагала Галя. — Ну, как тебе наша вишня? Ты никогда не бывал на Украине?

Он отвечал смущённо, односложно. Но Гале, видно, очень хотелось «разговорить» его.

— Как в школе, не трудно тебе?

— Нет. Екатерина Ивановна очень хорошо объясняет. Поневоле поймёшь.

— А как ты думаешь: что дальше будет делать Нарышкин?

Михаил помолчал, подумал:

— Я вам так скажу: смотря в какой отряд попадёт. У Стеклова маленькие — ему неинтересно. К Володину — он сам больше Володина, он его слушать не станет. Можно, пожалуй, и у Суржика оставить. А то — к Подсолнушкину бы. Вот там ребята! Там Жуков. Да только вот Король... Не стал бы отводить душу. Всё-таки сколько он из-за Нарышкина натерпелся!

— Нет, — сказала Галя решительно, — на Короля это не похоже. Он лежачего бить не станет.

— А что, если Нарышкина к тебе? У тебя тоже в отряде ребята взрослые, — сказал я.

Ответ был самый неожиданный. У Колышкина сильнее задёргалась щека, и он сказал негромко, через силу, то и дело останавливаясь и сглатывая, точно у него горло болело:

— Семён Афанасьевич... вы только не обижайтесь... я с этим и шёл, только не знал, как сказать... я из детдома уйду. Нельзя мне здесь... оставаться...

— Это почему?

— Не могу... не могу сказать... ну нельзя мне...

Малыши уставились на Колышкина во все глаза. Лена позабыла о чае, Костик застыл с куском во рту, щека оттопырилась. Но Колышкин не замечал уже ни их, ни даже Гали. Он теперь смотрел перед собой, куда-то мне в подбородок, и по лицу его катились слёзы. Мне ещё ни разу не случалось видеть его плачущим. Я встал, обошёл стол и положил руку на плечо Колышкину.

— Послушай, Михаил. Я вижу, говоришь ты не попустому. Верно, у тебя есть серьёзная причина. Насильно держать тебя я не стану. Но я должен знать, в чём дело. Мешают тебе дети — пойдём ко мне, поговорим.

Он помотал головой и остался сидеть за столом. Галя стала проворно укладывать ребят, я пододвинул свой стакан, сел на место Костика и не спеша допивал чай, давая Колышкину время придти в себя.

Он начал говорить, не дожидаясь дальнейших вопросов, сначала с трудом, одолевая себя, выталкивая из горла каждое слово, а потом всё быстрее, словно торопясь свалить с себя тяжесть, которая прежде, может, и не ощущалась, как что-то привычное, а теперь угнетала и давила, и уже не было сил терпеть ни минуты.

История была такая.

Год назад он проигрался Репину. Сначала игра шла на деньги — Колышкин спустил всё до копейки. Стали играть в долг. Когда дошло до двухсот рублей, Репин сказал: «Тебе их всё равно никогда не отдать. Что будешь делать?» «Давай ещё сыграем. Отыграюсь». И тут Репин поставил условие: если и на этот раз Колышкин останется в проигрыше, это будет означать, что он проиграл себя. «Это значит, — сказал Репин, — я имею право сделать с тобой, что хочу: велю — не отказывайся, ударю — не отвечай, и вообще ты больше себе не хозяин».

Сыграли ещё. Михаил проиграл.

«Ну вот, — сказал Репин, — пока не отдашь двести рублей, считается, — ты проиграл себя. Что хочу, то с тобой и делаю».

— Ничего он такого не делал, — глухо, на одной ноте рассказывал Колышкин. — Нет, не бил. Нет. Я и раньше делал, как он велит. Но теперь уж знал: иначе нельзя. Когда вы пришли — помните? — он сказал: «Открой сарай, выпусти быка». Я не хотел, а он: «Ты что, забыл?» Я и выпустил Тимофея. Он вас тогда чуть не убил. А разве я хотел... Ещё Репин велел, когда ночью дежурю, в случае чего тревогу не давать...

— Ах, вот что! — сказал я.

— Нет, нет, — заторопился Михаил, — когда Нарышкин первый раз приходил, я не дежурил. Тут я не виноватый. Но я знал, что это он, я его потом на базаре видел. А Репин велел молчать. Я и молчал. Ну, вот, — продолжал он угасшим голосом, — так он велел, — одно, другое. Сперва было наплевать, а теперь чего-то не могу я. Денег мне этих взять неоткуда. Вот и решил: уйду. А вы не обижайтесь, Семён Афанасьевич...

Он замолчал то ли с отчаянием, то ли с облегчением, что всё уже сказано. Молчали и мы. Слышно было, как сонно посапывает в углу Костик, — хоть и любопытно было малышам, а уснули мгновенно, так и не дослушали, что же это с Колышкиным...

— Послушай, — сказал я наконец, — у меня к тебе просьба: ты подожди.

— Семён Афанасьевич, уж лучше сразу, пока я решил!

— Потерпи, прошу. Ты мне веришь? Совсем немного потерпи. Я тебе сам скажу, когда уходить.

Мы встретились глазами — Колышкин не отвёл, не опустил своих, и я их не узнал. Я привык к его сонному, равнодушному взгляду, глазам, плоским и тусклым, словно бутылочное стекло, — взгляд их не освещал лица, не открывал

никаких глубин, их уж никак нельзя было назвать зеркалом души. Теперь они были промыты насквозь, и в них, как в голосе, я без труда узнал и отчаяние и облегчение.

— Подожди, Михаил,— повторил я.

— Ладно,— почти шёпотом сказал он.

Утром мне надо было непременно ехать в Ленинград: меня ждали в гороно. Отложить эту поездку я не мог. Но и откладывать разговор с Репиным было невозможно. Я и так непростительно и легкомысленно затянул всё это дело, полагаясь на целительную силу времени.

— У меня к тебе просьба, Андрей: встреть меня с восьмичасовым. Я привезу книги.

Андрей отвечает мне благодарным взглядом — мы давно не разговаривали один на один.

— Непременно встречу, Семён Афанасьевич. С восьмичасовым? А в каком вагоне вы будете?

В восемь поезд подходит к нашей станции, и, ещё стоя на подножке вагона, я вижу на платформе Репина.

— Добрый вечер, Семён Афанасьевич! А книги где же?

Книг очень немного, сразу видно, что ради них я не стал бы просить, чтоб меня встречали. Сумерки, лица Андрея почти не различить, но я чувствую, он смотрит на меня выжидательно, с недоумением, а может быть, и с тревогой.

— Так вот,— начинаю я без околичностей,— я позвал тебя сюда, чтоб поговорить с тобой с глазу на глаз. Хочу отдать тебе долг. Вот получай.

— Какой долг? Что вы, Семён Афанасьевич!

— Двести рублей, за Михаила Колышкина... Забыл? В карты он больше играть не будет. А денег у него нет. Вот и отдаю за него.

Репин отшатнулся, остановился:

— Я не возьму, Семён Афанасьевич! Хоть режьте, не возьму!

— Нет, возьмёшь. Если мог выиграть в карты человека, деньги и подавно можешь взять.

— Не возьму я!

— Возьмёшь! Я не хочу, чтоб ты и дальше издевался над Михаилом.

— Я не издеваюсь! Я уж и не знаю, когда напоминал ему, мы никогда об этом и не говорим.

— Не говорим! Ты думаешь, достаточно не говорить? Ты думаешь, можно забыть, если ты обращаешься с человеком, как с вещью?

— Семён Афанасьевич!..

— Я не хочу, чтоб это висело у Михаила, как камень на шее. Сегодня я как раз получил свою зарплату. Держи двести — и конец разговору.

Я сунул деньги ему в карман.

— Я их выброшу, Семён Афанасьевич!

— А это уж — твоё дело. Моё дело было рассчитаться с тобой.

До самого дома мы не произносим больше ни слова. Заслышав издали знакомые голоса, я говорю Андрею:

— Надеюсь, мне не надо просить тебя, чтобы никто, кроме нас с тобой, об этом не знал. И ещё, чтоб ты не донимал Колышкина никакими расспросами и разговорами. Мы с тобой кончили дело, и его оно больше не касается. Так?

Андрей, не отвечая, наклоняет голову.

Не знаю, спали ли в ту ночь Андрей и Михаил, а я не спал. Я лежал, как тогда Колышкин, подложив руки под голову, смотрел в темноту и думал. Вспоминались слова Антона Семёновича о том, что наказание не должно причинять нравственного страдания: наказание, говорил он, должно только помочь человеку осознать ошибку. Я думал и не соглашался. Нет, нужно, чтобы Репин именно с болью, страдая, понял всю подлость своего поступка. Только нравственное страдание и может выжечь в нём годами копившуюся грязь.

— Ты не спишь? — тихонько спросила Галя; она всегда знала, когда мне не спалось, и безошибочно угадывала, какое из событий дня мешает уснуть.

— Нет, не сплю.

Репин отшатнулся, остановился: — Я не возьму, Семён Афанасьевич! Хоть режьте, не возьму!

— Расскажи, какой у тебя был разговор с Репиным! — Она выслушала, помолчала, а потом заговорила медленно, словно ещё раз проверяя каждое своё слово: — Ты не сердись, Семён, но, мне кажется, ты не прав. Получилось так, что ты поставил себя с ним на одну доску. Как будто ты признаёшь, что и в самом деле это законно, — то, что он выиграл человека.

— Не знаю... может быть, ты и права. А только, по-моему, я поступил правильно. И правильно сказал ему. Он увидит, что я понимаю: на другом, на человеческом языке с ним ещё рано говорить: до него не дойдёт. Вот и приходится применяться к его подлому пониманию. Нет, что-что, а презрение до него доходит.

...На другой день к вечеру Андрей постучался ко мне:

— Я вас очень прошу, Семён Афанасьевич, я вас очень прошу, возьмите свои деньги.

Лицо его осунулось, глаза смотрели требовательно и горячо. Обычной иронии, хладнокровия, самоуверенности как не бывало.

— Нет, не возьму. Я ведь сказал тебе.

— Семён Афанасьевич! Я давно забыл об этом, я и думать перестал!

— Зато он помнил. Иди, Андрей. Я буду ложиться, мне рано вставать.

Утром, едва я поднялся, ко мне постучали: на пороге снова стоял Репин.

И тут я увидел, что надо кончать. Ясно было: мальчишка физически сгибается под тяжестью, которая навалилась на него, и если не снять её тотчас, она его раздавит.

— Семён Афанасьевич, возьмите деньги! Если не верите, вот Михаила спросите...

Колышкин, видно, всё время стоял за дверью — он приотворил её и вошёл, ступая неуверенно, как по горячей плите.

— Вот, при Семёне Афанасьевиче говорю, — продолжал Репин, облизывая пересохшие, потемневшие губы и переводя отчаянные глаза то на меня, то на Колышкина, — всё забудем, и долга никакого нет, и ничего нет... Возьмите деньги, Семён Афанасьевич!

— Возьмите! — откликнулся Михаил, и я понял: отказываться больше нельзя.

ЗВОНКИЙ МЯЧИК

Когда ленинградские пионеры привезли нам в подарок пинг-понг, ребята отнеслись к новой игре недоверчиво:

— Подумаешь, дело! Шарик по столу гонять. Это для девчонок хорошо...

Между прочим, я часто замечал: чем меньше люди понимают в спорте, тем решительней судят о нём. Сколько раз я слышал: «Подумаешь, волейбол! Стукнул по мячу — и всё». Или: «Подумаешь, городки! Кинул палку — и всё». И сколько раз я видел: станет такой недоверчивый человек на площадку, высмеют его за неловкость, и тут-то он поймёт, что в каждой игре есть своя техника и тактика и овладеть ею — большое удовольствие. Глядишь, и скептик становится горячим любителем волейбола, городков или того же пинг-понга. Так было и у нас.

Сначала мы вообще не могли попасть мячиком на стол. Когда мы этому научились, выяснилось, что существуют самые разнообразные удары: кручёные, резаные, плоские. Потом оказалось, что можно сильно послать мяч или осторожно «укоротить» — положить у самой сетки. Это уже была тактика.

Чем лучше мы играли, тем интереснее делалась игра. И вот началась пинг-понговая горячка — болезнь, в те годы очень распространённая. Микроб пинг-понг — маленький белый мячик — овладел нашим воображением. Трудно определить день и час, когда это случилось, но пинг-понгом заболели все. Пинг-понгу посвящали каждую свободную минуту. Ухитрялись играть даже в классах во время перемены, и я, проходя по коридору, слышал сухое цоканье мяча о ракетку. Софья Михайловна или Николай Иванович, приходя на урок, заставали ребят такими красными и вспотевшими, что впору было посылать их к умывальнику. И тогда не я и не кто-нибудь из старших, а Жуков, сам увлекавшийся пинг-понгом так, как было свойственно его страстной, но сдержанной натуре, на общем собрании произнёс такую речь:

— Давайте решим, как быть. Все прямо с ума посходили с этим пинг-понгом. (Оживление.) Я не скрываю, я, конечно, тоже. (Смех.) А только как бы у нас головы тоже не стали такими... вроде этих мячиков: лёгкие, и внутри пусто...

И собрание постановило: играть только после занятий, и только когда все уроки сделаны.

Понемногу кое-кто охладел, кое-кому надоело. Осталось несколько человек одержимых, и среди них Коршунов, Разумов, Репин и Король. Мы не мешали им. Это было для них отдыхом, развлечением, удовольствием и теперь отнимало не так уж много времени.

Разумов оглушал себя пинг-понгом, чтоб забыться, чтоб не оставалось ни одной свободной минуты. Он был из тех людей, которые не умеют быть счастливыми. Ещё недавно он изводился мыслью, что все подозревают его в краже горна. Когда злополучная история с горном наконец разъяснилась, он чувствовал себя счастливым ровно два дня, а на третий снова затосковал, и причина тоски была: где Плетнёв? Он мучился всерьёз, и я совсем не хочу говорить об этом с иронией. Однако ведь и Король мучился тем,

что Плетнёв пропал, как в воду канул. Но Король всякий раз, бывая в Ленинграде, наводил справки о приятеле, и Владимир Михайлович по его просьбе написал в приёмники Москвы, Казани, Самары и других городов запрос, нет ли там Арсения Плетнёва. Разумов ничего не пытался сделать, он просто тосковал. И пинг-понг был для него отдушиной.

Очень увлекался игрой Коршунов, и играл он так, что невозможно было смотреть на него без смеха. Пропустив мяч, он прижимал руки к сердцу, хватался за голову и чуть не со слезами в голосе проклинал себя:

— Ой, дурак! Что я наделал! Ну, теперь пропал!

Постепенно стало ясно, что лучше всех играют Репин и Король.

Король был талантлив в игре, именно талантлив. Он стремительно атаковал противника, вырывая у него инициативу, навязывал свою тактику, свой стиль игры. А это уже залог победы. Притом Король играл разнообразно. Он поражал неожиданными приёмами: противник никогда не получал мяча туда, где ждал его. Король нападал справа, слева, справа, слева, но стоило противнику привыкнуть к этому, вообразить, что он понял тактику Короля,— и он получал короткий резаный мяч у сетки в ту самую минуту, когда ждал сильного длинного удара. Ребята часто хлопали Королю. Что и говорить, играл он здорово! Но иногда он от горячности срывался, а вот Репин не срывался никогда. Он играл не так блестяще, как Король, больше защищался, чем нападал, сильно бил только с верных мячей — точность и выдержка были его главным оружием.

Однажды, наблюдая за методичной игрой Репина, Король не выдержал:

— Чем так играть, я бы лучше удавился!

— А ты выиграй,— холодно ответил Репин.

— Правда, сыграйте! — вмешался Николай Иванович.— Вы оба — лучшие игроки, а никогда друг с другом не играли. Померялись бы силами, ведь интересно!

В комнате стало тихо. Репин с независимым видом подкидывал и ловил ракетку. Король пожал плечами:

— А мне что? Можно.

Да, это было интересно. Они кинулись в игру со злостью, точно в драку. Играли с переменным успехом, но чаще выигрывал Репин: выручало самообладание.

Ребята стали собираться в клуб, как на спектакль. Теперь уж никто не просил Короля и Репина сразиться. Они сами молча брали ракетки, разыгрывали мяч и начинали. Судил обычно Разумов, и судил пристрастно — в пользу Короля, но стоило Дмитрию это заметить, как он кидал на приятеля такой испепеляющий взгляд, что тот мигом обретал необходимое судье беспристрастие.

Когда к нам приезжали наши друзья из Ленинграда, мы непременно выставляли против них Репина или Короля и чаще всего бывали в выигрыше.

— На днях состязания по пинг-понгу,— сказала как-то Женя [1].— Междугородная встреча Ленинград — Москва. Приезжайте смотреть, будет интересно. В школе, знаете, где ТЮЗ? Там большой зал.

Мне очень хотелось, чтоб наши ребята повидали настоящую, хорошую игру, но я понимал, что всем поехать невозможно. Лучинкин пообещал раздобыть пропуск на троих, и я спросил ребят, кого пошлём.

— Вас, Короля и Репина! — ответили они, не задумываясь.

Мы поехали втроём. Я оказался между двух огней, и мне пришлось пустить в ход весь свой такт и дипломатию. Спутники мои друг на друга не глядели, разговаривали только со мной, и ни один не хотел поддерживать тему, начатую другим. И смешно мне было и досадно, но делать было нечего, я и сам понимал: между этими двумя стоит многое, через что не так-то легко перешагнуть.

Описывать состязания я не берусь. Запомнилась мне, как и ребятам, встреча Клёнова и Руднева.

Чемпион Ленинграда Клёнов, плотный блондин среднего роста, был прославленным игроком, создателем целой школы. Молодой чемпион Москвы Сергей Руднев в Ленинграде играл впервые. Худое смуглое лицо его выражало волнение и упрямство.

Ленинградские болельщики, а их было много, начиная от вихрастых пионеров и кончая седобородыми стариками, аплодировали каждому удару Клёнова. И в самом деле, он играл блестяще. Первая партия закончилась разгромом Руднева.

— Да! — восторженно выдохнул Король.— Клёнов — это я понимаю!

— У Руднева хорошая защита,— заметил Репин.

— А игры нет! — отрезал Король.

— Во второй партии подача Руднева! — объявил судья.

Руднев, который, как ни странно, ко второй партии стал спокойнее, подал мяч под правый удар, помня, что Клёнов бьёт слева: со страшной силой и быстротой Клёнов ударил справа — и по мячу! Зрители, ошеломлённые, загудели. Король даже подскочил от удовольствия. Руднев сходил

[1] Женя — ленинградская пионерка, часто навещавшая детский дом в Берёзовой поляне.

за мячом и повторил подачу. Клёнов ударил справа ещё сильнее и снова попал. Вспыхнули аплодисменты. Руднев упрямо подал мяч туда же в третий раз — и Клёнов ударом, от которого скрипнул стол, попал опять. Это было, как во сне. Поднялась буря восторженных криков и аплодисментов. Король изо всех сил топал ногами и неистово кричал:

— С подачи! С подачи! Вот это класс!

Репин тоже аплодировал, поглядывая на Руднева. А тот, бледный, но решительный, с нетерпением пережидал овации.

— Счёт: ноль — сорок! — сказал судья (тогда считали, как в теннисе).

Руднев опять подал в то же самое место, Клёнов опять ударил справа, и... мяч над самым столом, не задев его, пошёл в аут.

— Пятнадцать — сорок! — объявил судья.

Ещё два раза подал Руднев, ещё два раза ударил мимо Клёнов.

Счёт стал ровный. И тут все заметили: что-то переменилось, Клёнов потерял уверенность в себе, лучше играть он уже не мог — и он стал играть хуже. Участились мазки, неточности. А Руднев играл всё лучше. Он увереннеи защищался, хорошо нападал, бил легко и точно слева и справа. Он играл умно, упорно, и теперь было ясно: вначале он просто растерялся, а теперь нашёл себя. В борьбе выиграл он вторую партию, в борьбе взял и третью — решающую.

Победителем встречи был Руднев — это стало ясно всем задолго до конца игры.

И вот крепкое рукопожатие противников. Слова судьи: «Встречу выиграл Руднев, Москва!» — были покрыты аплодисментами.

Но самое удивительное происходило возле меня. Всегда подчёркнуто спокойный, выдержанный, Репин, вскочив на стул, бешено хлопал и так громко вопил: «Браво, Руднев!», — что московский чемпион обернулся в его сторону и с улыбкой помахал ему рукой. А Король сидел увядший и скучно цедил сквозь зубы:

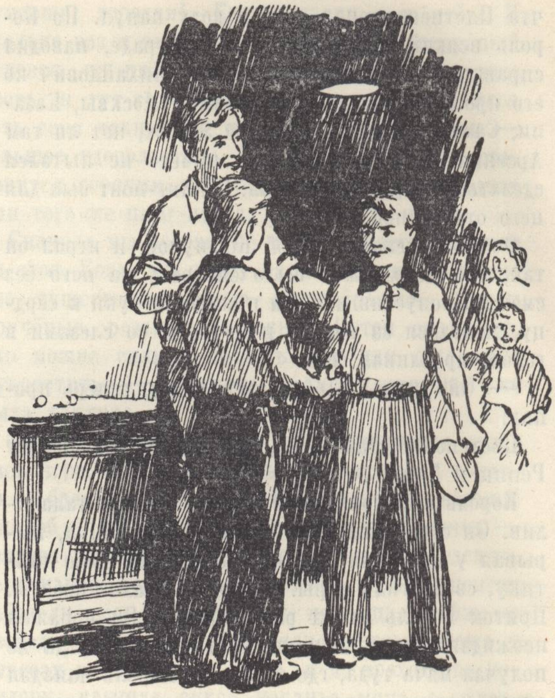
— Ничего, играть умеет. Здорово вытянул...

Руднев сел неподалёку от нас. Я не заметил усталости на его спокойном и весёлом лице, по которому мимолётно пробегала улыбка — радость удачи. Как иногда бывает, ощутив устремлённые на него взгляды, он обернулся в нашу сторону и, поняв, с каким чувством смотрят на него ребята, снова помахал нам ракеткой.

Возвращались они, как в чаду. Сойдя с поезда, мы сразу попали в гущу своих. И тотчас оба, и Король и Репин, захлёбываясь, стали рассказывать:

— Ну, играет! Ну, играет! Выиграл — и руку жмёт! А сам так смотрит — эх, ты! Разве у нас это игра? Это так, между прочим.

Недели три спустя Лучинкин передал нам при-

Репин протягивает Королю руку. Король пожимает её.

глашение участвовать в школьных соревнованиях по пинг-понгу. Нам надо было выставить двоих для парной игры — и вот тут-то мы оказались перед трудной задачей. Наши лучшие игроки, бесспорно,— Репин и Король, но ведь ни для кого не секрет, что они ненавидят друг друга!

— Давайте попробуем: мы со Стекловым против вас с Андреем,— сказал Жуков Королю.

У Короля не было никакой охоты соглашаться, но и возразить было трудно. Он всегда всем своим видом показывал, что он выше личных счётов с Репиным. И теперь ему оставалось только пожать плечами:

— А мне что?..

Репин сказал:

— Я — как Король.

И Король повторил:

— А мне не всё равно?

Они стали рядом против Сани и Сергея. Мы пристально следили за этой партией и уже с первых секунд могли предсказать её исход. Жуков и Стеклов играли гораздо слабее. Но они выиграли: они играли вместе, они были заодно, в то время как их противники играли каждый за себя.

— Так ничего не выйдет,— сказал Жуков, кидая ракетку.

— Неужто вы не можете...— начал Сергей и не договорил.

— Могут-то они могут...— неопределённо протянул Жуков.

— А раз могут, значит, должны,— сказал Алексей Саввич.— Я думаю, пускай тренируются теперь только в паре. Пускай поймут, у кого какое слабое место, кто в чём сильнее. Ведь это не шутка — играть от имени нашего дома! Мы все на них полагаемся.

Я не всегда мог бывать на тренировках, но знал, что весь дом следил за ними не просто с интересом, не просто внимательно. Все понимали, что каждый из этих двух вступил в поединок со своим характером и с привычной неприязнью к другому.

— И зачем заставлять людей идти против себя! — сказал как-то Разумов.

— А если для всех это нужно? — ответил Жуков.— По-твоему, лучше нам проиграть?

Именно в это время пришло письмо из Казани: Плетнёв действительно побывал в одном из казанских детских домов, но убежал, и следов его найти пока не удалось.

Разумов не находил себе места:

— Какие мы товарищи? Он мыкается, а нам хоть бы что!

— Почему хоть бы что? — страдальчески морщился Король.— Мы его звали сюда? Звали! Он сам не хотел. Ты погоди, мы его отыщем.

— Нет, он сюда не вернётся. Он самолюбивый. Он знает, что мы его забыли.

— Почему то есть забыли?

— Ты забыл. Ты уж теперь и меня забыл, ты только и знаешь, что Репина.

Как ни странно, этот разговор происходил при мне, и я имел удовольствие видеть, что Короля взорвало:

— Плевать я хотел на его самолюбие! Если хочешь знать, кислое у Плетня самолюбие, вот что! А с Репиным у меня не дружба, у меня с ним дело, понимаешь ты или нет?

И словно этот разговор прояснил что-то для него самого в его новых отношениях с Репиным: он вдруг перестал держаться угрюмо и неприступно и начал разговаривать с Андреем, почти как со всеми остальными.

ПЛОТИНА ПРОРВАНА

Настал памятный день: я повёз Короля и Репина на соревнования по пинг-понгу.

В вагоне оба они говорили мало. По всему видно было: их одолевает страх, самый обыкновенный страх.

— Если видишь,— я кидаюсь, дорогу не перебивай,— почти не разжимая губ, говорил Король.

— Ладно. Но если мяч резаный, так не бей,— отвечал Репин.

И опять оба умолкали надолго. Я пытался шутить, что-то рассказывал, но всякий раз натыкался на стену, которую они воздвигли между собою и всем миром.

К школе, где происходили соревнования, мы подъехали минута в минуту — к самому началу. Гриша Лучинкин сам встретил нас, показал, где раздеться, потрепал обоих игроков по плечу, сказал какие-то ободряющие слова, и ребята почти тотчас стали к столу. Их противниками были два подростка, крепко сбитые, хорошо натренированные; один чуть постарше и повыше, другой на вид более ловкий и подвижной, чем мои. На обоих были белые майки, на моих — голубые.

Сейчас по сравнению с теми двумя и Король и Репин показались мне какими-то потерянными и напуганными. Вокруг были школьники и школьницы; это была та самая школа, где учились Таня и Женя.

Женя пожала мальчикам руки и ободряюще сказала:

— Вы не бойтесь!

Таня, у которой после того, как она во время военной игры попала к нам в «плен», ещё прибавилось высокомерия, сказала:

— У вас сильный противник.

— Время! Время! — покрикивали белые майки — им, видно, не терпелось. И, видно, они-то не думали, что у них сильный противник.

Судил высокий юноша с такими густыми, сросшимися бровями и таким бесстрастным, неулыбчивым ртом, что мне вчуже стало страшновато: очень уж грозно-судейский был у него вид, и мои ребята, поглядев на него, опасливо поёжились...

С первой секунды белые майки ринулись в атаку. Мальчик постарше сильно ударил справа, мяч пролетел низко и коснулся самого края стола. Король был верен своему обещанию играть аккуратно и чудом вытащил этот мяч. Противник от удивления дал высокий мяч, и Репин спокойно погасил его «мёртвым» ударом.

— Браво! Молодец! — крикнул Лучинкин.

Судья строго взглянул на него. А белый звонкий мячик без отдыха летал над столом туда — назад, и — вот беда, это был бы аут, а Король не рассчитал, хотел взять! — вот мы уже и в проигрыше!

Первую партию выиграли белые майки. Правда, счёт был 7 : 5, но всё-таки мы проиграли.

Красные, вспотевшие мальчишки стояли передо мною, вытирая рукавами потные лбы.

— Возьми платок,— сказала Женя Королю.— Вы оба очень хорошо играли. А главное, дружно. Ты заметил, что защита у них хромает? — обернулась она к Репину.

Репин молча кивнул.

Вторую партию мои ребята играли с энергией отчаяния. Оба честолюбивы, и вернуться в Берё-

зовую с проигрышем было выше их сил. Да и мне хотелось — ещё как хотелось! — чтобы они выиграли.

Вторую партию выиграли мы, тоже с очень небольшим перевесом в счёте. Белые майки сделали из этого правильный вывод и третью — решающую — партию начали осторожно, с оглядкой. Они не рисковали и, выжидая, не давали сильных мячей. Первые минуты обе стороны перекидывались, словно заново примеряясь и оценивая друг друга.

И вдруг Король дал сильный мяч на самый угол стола — противник не взял. Король явно учёл замечание Жени о том, что у белых маек защита слаба,— он сильно бил мяч за мячом на угол — великолепные и неотразимые удары. Потом подача перешла к противнику, и старший паренёк дал трудный высокий мяч. Репин подпрыгнул, как кошка, и отбил его. Противники играли коротко, быстро, не давая Королю бить. Игра разгоралась; она шла уже в каком-то неистовом темпе. Никто из зрителей больше не обращал внимания на второй стол, все столпились вокруг нас. Судья с грозными бровями невозмутимо вёл счёт:

— Счёт игр — по четыре! Счёт игр — по пяти!

Всё висит на волоске! Пускай проигрыш почётный, но как не хочется вернуться с проигрышем. Репин подготавливает Королю удар. Король бьёт!

— Ур-ра! — кричат в один голос Женя и Таня.

— Молодцы! — кричит Лучинкин.

Мы выиграли! Ребята стоят, опустив руки, ещё не привыкнув к неподвижности, и Король озирается: куда бы скрыться?

— Восемь — шесть! Игра и встреча в пользу детского дома номер шестьдесят! — провозглашает судья.

Он ещё что-то говорит ребятам, я не слышу слов, но мои обмениваются рукопожатиями с противником. Потом белые майки пожимают руки друг другу. Король и Репин смотрят на них, секунду стоят в нерешительности...

— Что же вы? — говорит судья.

Репин протягивает Королю руку, Король пожимает её.

Едем домой. Плотина прорвалась — они болтают без умолку, вспоминают все подробности игры, счастливо смеются, перебивают друг друга.

Подъезжаем к своей станции — и они ещё из окошка кричат:

— Выиграли! Выиграли!

— Ур-ра! — раздаётся в ответ.

Десятки рук тянутся к нам. И едва поезд останавливается, встречающие хватают моих победителей прямо со ступенек вагона и подбрасывают высоко вверх:

— Качать! Качать!

РАЗГОВОР С ТАЛОЙ ВОДОЙ

Галимзян Латыпов

— Я всю зиму снежной вьюгой
Прогуляла по полям,
Обошла я всю округу.
Время расставаться нам.

— Подожди, не уходи:
Много дела впереди.
Скоро землю мы запашем,
И тогда на поле нашем
Будешь зёрна ты поить.

Говорю тебе по чести:
Не должна ты уходить.
Оставайся здесь на месте,
Отдыхай себе у нас.
А дождёшься урожаю —
Уплывай, не возражаю,
Золотой рекой зерна.

Перевёл с татарского
Б. Слуцкий.

ГРИБОЕДОВ

(125 ЛЕТ СО ДНЯ ГИБЕЛИ)

Е. Рубцова

ДВА ЛАГЕРЯ

И в вольность и в славу, как я, ты влюблён,
Навеки со мною душой сопряжён!

В. Кюхельбекер.

Клавиши — белые и чёрные — мелькают под быстрыми, нервными пальцами. Нежный искристый вальс бежит ручейком, разливается, плещет в разрисованные морозным узором окна, словно рвётся на волю. Музыка так прекрасна, что прохожие на улице замедляют шаг, прислушиваются.

Грибоедов играет. Как любят друзья его эти минуты, когда внезапно, иной раз среди горячего спора, среди задушевной беседы, он вдруг садится к роялю и начинает свои удивительные импровизации! Вот и сейчас все, примолкнув, слушают: юный хозяин дома Александр Одоевский откинулся в кресле и закрыл глаза, Александр Бестужев примостился в оконной нише и задумчиво чертит что-то на заиндевевшем стекле, Вильгельм Кюхельбекер облокотился на полированную крышку рояля и не сводит глаз с лица друга.

Но вот все в сборе. Вошёл Кондратий Рылеев. Вскоре за ним — брат Александра Бестужева, морской офицер Николай Бестужев, со своим сослуживцем лейтенантом Завалишиным, что незадолго до этого вернулся из дальнего плавания.

Тесным кругом садятся друзья. Грибоедов достаёт объёмистую тетрадь и начинает чтение:

— Горе от ума... Комедия в стихах, в четырёх актах. Происходит в Москве, в доме Павла Петровича Фамусова. Акт первый... Гостиная. В ней большие часы, справа дверь в спальню Софьи, откудова слышно фортопьяно с флейтою, которые потом умолкают. Лизанька середи комнаты спит, свесившись с кресел... Утро, чуть день брезжится...

Грибоедов читает великолепно. Непринуждённо, естественно, живо передаёт он характер каждого действующего лица, оттеняет каждое слово. Фамусов, Софья, Скалозуб, Молчалин, толпа московских бар в фамусовской гостиной — все они, словно живые, встают перед глазами.

Взволнованные, слушают друзья сцену за сценой. Они в восхищении. Эта вольная сила русского языка, разговорного и простого! И это едкое остроумие, это благородное негодование ко всему низкому, эта гордая смелость и прямота Чацкого!

Два лагеря в комедии. Лагерь барфамусовых, служак-скалозубов, доносчиков-загорецких — страшная пирамида, которая придавила Россию, пирамида, на вершине которой — царь. Они терзают умный и добрый, смелый народ русский, прогоняют его сквозь палочный строй, они сковывают всякую живую мысль, всякий благородный порыв к свободе и справедливости.

И против них Чацкий. Один? Нет, не один! Там, в доме Фамусова, он оказался один. Но в жизни у него есть единодумцы. Это они — те, кто слушает здесь сейчас гениальную комедию, — члены тайного революционного братства.

Всё, что ими передумано и перечувствовано, всё, о чём они мечтают, всё, что они любят и ненавидят, — всё отражено, как в зеркале, в этой комедии: любовь к вольности отчизны, к справедливости, к чести, сострадание и уважение к народу, ненависть к его поработителям.

Грибоедов кончил читать. Его обступили, ему пожимают руки. Горящие волнением щёки, слёзы в глазах... Комедия выражает не только думы Чацкого, думы Грибоедова, но и думы всех лучших русских людей того времени. Это — убийственное обличение, обвинительный акт.

Царской цензурой пьеса была запрещена и для печатания и для представления в театре.

Но запретишь ли грому греметь из тучи, ветру лететь по степным просторам?! О новой комедии говорят всюду, у автора просят рукопись: прочитать, списать. Декабристы приняли её как своё оружие, как революционную прокламацию. Вечерами, собираясь у Одоевского, у Рылеева, они переписывают сцену за сценой под диктов-

ку самого автора — сразу в несколько рук, сразу во многих экземплярах.

И вот уже везёт её Пущин в михайловскую ссылку к Пушкину, вот уже морской офицер Дмитрий Завалишин, отправляясь в отпуск, берёт один из списков в Москву и Казань.

Пушкин шлёт о грибоедовской комедии письмо Бестужеву. Он воспринял её как крупнейшее событие, подробно разбирает её в письме и заканчивает припиской: «Покажи Грибоедову».

Пьесу читают, с неё делают всё новые и новые списки.

Фамусовы, продающие, проигрывающие в карты своих крестьян, отрывающие сына от матери, отца от детей, чтобы выменять на лошадь, на борзую собаку; скалозубы, насмерть забивающие солдат шпицрутенами за плохо пригнанную амуницию на параде,— все они тоже почувствовали грозную силу грибоедовской комедии. Пьесу читают не только друзья, но и враги. Они разражаются бранью в журналах и газетах, строчат критические статьи — злобные, ядовитые, полные мелочных нападок. За пьесу вступаются декабристы. Два непримиримых лагеря встали лицом к лицу.

ВОССТАНИЕ

Горем скованы уста,
Руки тяжкими цепями.
Грибоедов.

Революционный лагерь — это передовая часть дворянской молодёжи, друзья, единомышленники Грибоедова, его братья по оружию — те, кто вошёл в историю под именем декабристов. Ещё будучи подростками, всматривались они в окружающую жизнь, задумывались над судьбами крестьян, копили гнев против крепостного права. Они зачитывались Радищевым, писателями французской революции, называли крепостное право мерзостью, считали, что все люди равны по рождению. Они были прямыми наследниками Александра Радищева, дерзнувшего первым поднять свой голос против рабства, вступиться за обездоленный русский народ.

Декабристы стремились к революционному действию. Но в большинстве своём офицеры, они хотели изменить государственный строй в России, опираясь на армию.

Комедия Грибоедова появляется как раз в то время, когда зреют эти намерения, когда горячие мечты о государственных преобразованиях «заставляют умы клокотать», как говорил Павел Пестель, один из руководителей декабристских тайных обществ. Грибоедов, писатель-декабрист, выразил это кипение свободной и смелой политической мысли такими же смелыми и сильными художественными образами.

В мае 1825 года Грибоедов расстаётся с друзьями. Он должен уехать из Петербурга, вернуться к месту своей службы, на Кавказ. Там, при штабе наместника Кавказа генерала Ермолова, он выполнял обязанности чиновника по дипломатической части.

Грибоедов был уже на Кавказе, когда умер царь Александр. Четырнадцатого декабря 1825 года, в день, назначенный для присяги Николаю, новому царю, декабристы вывели из казарм на Исаакиевскую площадь свои полки.

Вывели не для присяги, а для восстания. Но восстание было подавлено. Начались аресты. В казематах Петропавловской крепости день и ночь шли допросы. Допрашивал и сам царь и особая, назначенная им следственная комиссия.

Кругами, всё шире и шире, расходилась волна арестов. В конце января, через полтора месяца после восстания декабристов, в крепость Грозную прибыл из Петербурга фельдъегерь с предписанием Ермолову: «Взять под арест служащего при вас чиновника Грибоедова со всеми принадлежавшими ему бумагами, употребив осторожность, чтобы он не имел времени к истреблению их...»

Но Ермолов не выполнил этого предписания. Смелый и независимый человек, полководец суворовской школы, герой Отечественной войны, он очень любил и ценил Грибоедова. Ермолов сумел оттянуть арест и этим дал Грибоедову возможность уничтожить опасные письма.

Фельдъегерская тройка увезла арестованного. Одиннадцатого февраля он был доставлен в Петербург и сдан под расписку дежурному офицеру гауптвахты главного штаба.

Четыре месяца длились допросы и заключение. На следствии Грибоедов держался твёрдо и стойко. Он упорно повторял, что ему ничего не известно не только о заговоре, но и о самом существовании тайного общества. Он знал, что чем меньше скажешь, тем лучше.

Только в июне Грибоедов был освобождён. Но тяжёлым камнем его придавило горе. Пятеро декабристов были казнены. Погибли в петле на виселице Кондратий Рылеев, Пётр Каховский, Павел Пестель, Сергей Муравьёв-Апостол, Михаил Бестужев-Рюмин. Сотни декабристов были отправлены в Сибирь на бессрочную каторгу. Среди них — самые близкие и любимые: Вильгельм Кюхельбекер, Александр Одоевский, Александр Бестужев.

Тяжело переживал поэт гибель друзей и разгром восстания. Но он не изменил себе, он остался тем же писателем-революционером. Дошедшие до нас наброски, отрывки, творческие планы свидетельствуют о том. Он задумывал народно-героическую драму «1812 год», в которой хотел запечатлеть народные черты Отечественной войны. Главным действующим лицом, впервые в русской литературе, должен был выступить простой крестьянин, крепостной. Герой этот, мужественно сражавшийся за свою родину, после победы отданный снова под палку помещика, кончает самоубийством, чтобы не жить рабом. Другой замысел Грибоедова — трагедия «Родамист и Зенобия». Хотя действие происходит в древней Армении, события напоминают историю декабристов. Это заговор знатных молодых людей против царя-тирана. Заговор раскрыт и кончается гибелью его участников. Видно, что Грибоедов всё время напряжённо думал о поражении декабристского восстания, о причинах этого поражения. Он уже тогда понимал, что декабристы далеки от народа, ради освобождения которого они вступали в борьбу. В плане трагедии Грибоедов пишет о заговорщиках: «Вообще надобно заметить, что народ не имеет участия в их деле,— он будто не существует». В конце трагедии тиран свергнут, но победа завоёвана не заговорщиками, а восставшим народом.

14 декабря 1825 года. Войска декабристов на Исаакиевской площади.
Рисунок Д. Кардовского.

ВАЗИР-МУХТАР

О, дайте горьких слёз потоком
Его могилу оросить...

А. Одоевский.

Все три года, что прошли с восстания декабристов, Грибоедов служил на Кавказе. За это время успела разразиться и окончиться война с Персией.

Сменивший Ермолова на Кавказе граф Паскевич, всесильный любимец царя, поручил состоящему при нём чиновнику Грибоедову доставить в Петербург текст мирного договора с Персией. Почётные и выгодные для России условия этого договора — наполовину победа Грибоедова. Это он, Грибоедов, выработал договор и изо дня в день с твёрдостью и настойчивостью вёл переговоры, находил нужные доводы, шаг за шагом заставлял уступать представителя Персии, принца Аббас-Мирзу.

И вот 14 марта 1828 года в Петербурге, на приёме в Зимнем дворце, Грибоедов вручил царю запечатанный пакет с мирным договором. Пушки Петропавловской крепости дали двести один выстрел в честь торжественного события. Но Грибоедова не радовали эти почести, этот двухчасовой грохот пушечного салюта. Он думал о том, как три года назад Петропавловская крепость замкнула его друзей. И когда царь принял его во дворце с глазу на глаз, Грибоедов воспользовался встречей, чтобы просить помилования людям, при одном имени которых бледнел от ярости царь Николай.

Такой дерзости «всемилостивейший» монарх не прощает. Но даже ненавидя Грибоедова-писателя, Грибоедова-декабриста, Николай помнит, что это выдающийся, талантливейший дипломат. Никто не выполнит лучше, чем он, трудных обязанностей посла в Персии. К тому же Персия далеко, а царь предпочитает усылать своих врагов подальше. И вот Грибоедов — полномочный министр, русский посланник, Вазир-Мухтар, как называют его персы. Грибоедову, умному, насмешливому, проницательному, ясно, что пышное звание это прикрывает ссылку. Он знает и больше — ему не вернуться из Персии живым: теперь армия Паскевича, выведенная из Персии, защищает Россию от турок, а он, Вазир-Мухтар, один, без опоры, брошен во враждебную страну, чтобы заставить шаха заплатить огромную контрибуцию и выполнить все пункты договора.

Кругом враги. Англичане боятся растущего влияния русских на Востоке. Английская миссия старается восстановить персов против России и её посла.

Царь послал его сюда, но он служит не царю, а России, он выполняет свой долг. Он требует передачи пленных русских солдат для возвращения на Родину. Он требует освобождения из гаремов армянских, грузинских и русских женщин, похищенных во время набегов. Он требует аккуратной выплаты куруров — контрибуции.

Сорок тысяч армян, пожелавших перейти в русское подданство, уже отправлены в Армению, и приходят всё новые. Однажды ночью в двери посольства постучался старик и попросил свидания с Грибоедовым. Юношей он был захвачен во время набега и увезён из Армении. Теперь

он хотел вернуться на родину и просил покровительства Вазир-Мухтара.

Грибоедов укрыл его в посольстве и на требование выдать беглеца ответил твёрдо:

— Если кто-нибудь, а особенно русский подданный приходит под русское знамя и находится под его покровительством, я не могу его выдать из посольского дома...

Знал ли Грибоедов, чем грозит ему этот ответ? Знал. Но чувство долга было в нём выше всего. Он здесь представлял Россию, он защищал честь русского флага.

А по базарам, караван-сараям и узким, кривым улочкам Тегерана уже ползли лживые слухи, разжигающие ненависть к русскому послу.

Муллы в мечетях призывали толпу к джахату, войне за веру. Джахат против Грибоедова, война против одного человека...

Одиннадцатое февраля 1828 года. Брезжит раннее утро. Отдаленный шум несётся со стороны мечети имам-Зуме. Он всё растёт и усиливается, как рёв надвигающегося шторма. Уже слышны голоса, исступлённые выкрики:

— Эа, Али! Джахат!.. Смерть собакам!

Грибоедов встал. Бледный, но спокойный, он торжественно надел шитый золотом мундир, вышел во двор, расставил людей для обороны.

Вот уже толпа окружила посольство... Ворота крепки, выдерживают таранные удары огромного бревна, которое раскачивают десятки рук... Осада длится несколько часов. Толпа ворвалась, заполняет двор... Грибоедов, а с ним те, кто ещё остался в живых, отступают во второй, потом в третий... Вот они закрылись в комнате Грибоедова. Это — последнее прибежище. Грибоедов берёт ружьё из рук убитого казака и стреляет быстро и точно.

Но часть нападающих уже разбирает крышу. Посыпалась штукатурка... В зияющем проломе Грибоедов увидел синее небо, увидел в последний раз.

Может быть, в то самое время, как разъярённая толпа тащила по улицам Тегерана истерзанное тело Вазир-Мухтара, граф Паскевич читал письмо, которое долго шло по горным дорогам Кавказа...

«...Помогите, выручите несчастного Александра Одоевского... Может ли вам государь отказать... Граф Иван Фёдорович, не пренебрегите этими строками. Спасите страдальца».

Письмо было написано рукой, которой уже никогда не держать пера. Но казалось, Грибоедов и мёртвый заступался за живых друзей своих, за декабристов, томящихся на каторге.

БЕССМЕРТИЕ

Ум и дела твои бессмертны
в памяти русской.

Из надписи на могиле
Грибоедова.

С шумом и пеною низвергаются три горных потока с высокого берега против крепости Гергеры. Одинокий всадник, закутанный в бурку, спускается по крутой тропе над рекой. Осторожно ступая, лошадь перешла мост. Навстречу, в гору медленно поднималась пара волов, впряжённых в скрипучую арбу. На ней был привязан длинный, грубо сколоченный осмолённый ящик. Два оборванных, запылённых армянина шагали рядом.

Поровнявшись, всадник натянул поводья и, придержав коня, спросил:

— Откуда вы?

— Из Тегерана.

— Что везёте?

— Грибоеда.

Заключение мирного договора России с Персией в Туркманчае. Справа на переднем плане у стола сидит А. С. Грибоедов. Картина А. Машкова.

Всадник молча обнажил голову, провожая долгим взглядом удаляющуюся арбу.

Так произошла последняя встреча двух величайших поэтов русских. Одинокий всадник был Пушкин.

С горечью и нежностью писал он потом:

«Не думал я встретить уже когда-нибудь нашего Грибоедова! Я расстался с ним в прошлом году, в Петербурге, перед отъездом его в Персию. Он был печален и имел странные предчувствия. Я было хотел его успокоить; он мне сказал: «Vous ne connaissez pas ces gens-là: vous verrez, qu'il faudra jouer des couteaux»[1].

...Пророческие слова Грибоедова сбылись...»

А. С. Пушкин встречает тело Грибоедова. С рисунка Бореля.

Пушкин вспоминает облик Грибоедова, в котором «всё было необыкновенно привлекательно», он восхищается его «блестящей и холодной храбростью», его необычайными дарованиями, его умом государственного деятеля, он чтит в нём великого поэта, создателя бессмертной комедии: «Грибоедов сделал своё, он написал «Горе от ума».

Быстро разлеталась по стране весть о гибели Грибоедова.

В тюремных казематах и рудниках, на поселениях, в солдатских казармах узнали декабристы о гибели друга, «собрата по оружию». Александр Бестужев, охваченный горем, писал матери: «...как русский могу ли не горевать о безвременной кончине человека, который столько обещал отечеству своими познаниями и талантами!»

В Тифлисе, на горе Давида, плач и стоны стояли над тысячной толпой простых людей — грузин, армян, русских,— пришедших сюда хоронить Грибоедова. Рыдала над гробом его юная жена Нина Чавчавадзе. Вся мыслящая передовая Россия была в печали и трауре. А при дворе устраивались пышные балы в честь принца Хосров-Мирзы. Он прибыл от шаха с оправданиями и извинениями. Он вручил царю сказочный бриллиант «Шах-Надир» весом в двести пятьдесят каратов — выкуп за кровь Грибоедова. Царь принял бриллиант, осыпал милостями посланца тех, кто убил великого поэта, и шумными празднествами старался заглушить память о нём.

Но память о Грибоедове нельзя было заглушить. Он продолжал жить в своём бессмертном творении. И хотя долгие годы длился цензурный запрет, великая комедия продолжала расходиться в списках по России. Она существовала уже в сорока тысячах экземпляров! Ни одна печатная книга того времени не выходила в таком количестве.

Пламенные строки «Горя от ума» воспитывали ненависть к крепостному строю и самодержавию в новых поколениях революционеров, пришедших на смену декабристам.

Герцен, с детства знавший «Горе от ума» и историю борьбы и гибели декабристов, четырнадцатилетним мальчиком дававший клятву отомстить за казнённых революционеров, писал в зрелые годы:

«Фигура Чацкого, меланхолическая, ушедшая в свою иронию, трепещущая от негодования и полная мечтательных идеалов, появляется в последний момент царствования Александра I, накануне возмущения на Исаакиевской площади; это декабрист, это — человек, который завершает эпоху Петра I и силится разглядеть по крайней мере, на горизонте, обетованную землю... которой он не увидит».

Её увидели и завоевали другие поколения революционеров. Но Чацкий остался в нашей литературе образом героическим, образом деятельного и честного борца с несправедливостью, с угнетением, с подлостью.

Помещики-крепостники и само крепостное право отошли в прошлое, но острые слова, яркие образы грибоедовской комедии продолжали служить для передовых людей оружием против всего отсталого, реакционного.

Комедия «Горе от ума» и теперь полна жизни, и теперь, через сто с лишним лет, зовёт она людей на борьбу с отжившим, негодным, старым. Именно поэтому она близка, понятна и дорога нам, советским людям. Борьба нового со старым — основа развития и движения вперёд нашей страны. Пусть в наши дни черты старого, отжившего, которые мы хотим уничтожить, не те, что сто двадцать пять лет назад; пусть и новое, что создаёт наш народ, не снилось даже самым смелым мечтателям во времена декабристов. Но нам дороги и гнев Грибоедова-обличителя, и его пламенная любовь к России, и непоколебимая вера в русский народ. Достойным и славным сыном его был Александр Грибоедов.

---

[1] «Вы ещё не знаете этих людей: вы увидите, что дело дойдёт до ножей».

Украинские народные сказки

Рисунки к сказкам
Т. Мавриной.

Кармелюк и жестокий помещик

Жил-был один помещик, смирный-пресмирный, тихий-претихий, ласковый-преласковый. Говорил льстиво, кротко, с воздыханьями да поклонами, но крестьяне боялись его пуще огня немилосердного, хуже чумы и мора лютого. Бывало, не выйдет какой-нибудь бедняга на работу во-время, и уж тут, так и знай, пришлёт пан-помещик эконома и тот заберёт у бедняка ни много, ни мало, как четверть пожитков. Не выйдет бедняга второй раз, заберёт помещик половину. А если кто посмеет противиться, то всю домашнюю утварь отнимет. Но бить, бранить — упаси бог!.. И сколько же горя с этим ласковым помещиком люди натерпелись, сколько кровавых слёз пролилось, сколько сирот несчастных осталось, когда матери с голоду да непосильного труда умерли!

И вот однажды поехал этот помещик в церковь. Исповедался в грехах попу, да и едет цугом назад. Вдруг слышит: в лесу кто-то кричит. Оглянулся помещик, а это церковный дьяк бежит за ним и кричит, чтобы подождал. Придержал помещик лошадей. Дьяк догнал его и говорит, что так, мол, и так, ваша милость, забыл батюшка, в каких грехах вы ему исповедались, — вот и послали меня вдогонку, чтоб вы ещё раз сказали: ведь надо же ему ваши грехи отмаливать.

Ну, помещик и говорит:

— Исповедовался я, чтобы господь простил мне грехи мои тяжкие, вот в чём: как-то раз в святую пятницу оскоромился, ещё как-то нечаянно своей кошечке хвост прищемил, да ещё раз кучеру бранное слово молвил...

Это и всё, ваша милость? — спрашивает дьяк.

Всё, — говорит помещик.

— Эге, — говорит дьяк.— Так вы, ваша милость, ещё один маленький грешок позабыли: ваше богатство, что вы из слёз сиротских сколотили.

И враз дьячковскую одежду с себя долой. Тут помещик увидел: перед ним сам Устин Кармелюк, гроза помещиков, крестьянский защитник. Поднял помещик

крик. А Кармелюк ухватил тополь за ветви и пригибает его. Сильный Кармелюк был. Пригнул дерево, привязал к нему верёвку, потом другой конец помещику на шею — р-раз!

— Ну, подымайтесь, ваша милость, к небу, там уж и остаток грехов искупите,— и отпустил верхушку тополя.

Только ветер засвистел!

Перевод с украинского Г. Петникова.

ЗАЯЧЬЕ САЛО

Ехал однажды пан со своим кучером Иваном. Ехали они сперва молча, да дорога была дальняя, скучно стало пану, и решил он разговор затеять, а тут как раз на дорогу выскочил заяц.

— Вот у меня в лесу водятся зайцы — так зайцы,— стал рассказывать пан,— не такие, как этот, а куда крупнее. Я их из-за границы привёз на развод. Однажды собрался я на охоту и взял с собой человек десять загонщиков. Погнали они на меня зайцев, а я их — бух да бах! Набил десятка три. Одного огромного убил, с барана был заяц. Снял с него шкуру, а на нём больше чем полпуда сала! Вот такие у меня зайцы!

— Но-о, гнедые! — прикрикнул на коней кучер. — Пошевеливайтесь!.. Скоро уж мостик тот, что под вралями проваливается.

Услышал это пан и говорит:

— Так вот, Иван, какие зайцы бывают! Ну, по правде говоря, полпуда сала на том зайце не было, но уж фунтов десять верных.

— Ну, понятно. Заяц как заяц,— говорит Иван.

Едут они дальше. Пан спрашивает:

— А что, Иван, скоро ли тот мостик, о котором ты говорил?

— Да, скоро уже, — говорит Иван.

— Так вот, знаешь,—продолжает пан,— на том зайце, пожалуй, и десяти фунтов сала не было, — фунта три—четыре, не больше.

— Да мне-то что? — говорит Иван. — Пусть будет три.

Проехали ещё немного, пан ёрзал, ёрзал на сиденье и опять спрашивает:

— А скоро ли, Иван, тот мостик будет?

— Скоро уже, вот только в долинку спуститься.

— Гм, — говорит пан, — а ведь на том зайце сала-то совсем не было. Сам знаешь: какое у зайца сало!

— Да уж известно, — говорит Иван, — заяц как заяц!

Вот спустились они в долинку. Пан и спрашивает:

— Да где же тот мостик, что под вралями проваливается?

— А он, — говорит Иван, — растаял так же, как заячье сало, о котором вы рассказывали.

Перевод с украинского М. Татаренко.

разумница

Жили-были два брата: один бедный, а другой богатый. Вот богатый как-то сжалился над бедным, что у того ни ложки, ни плошки, да и отдал ему дойную корову. Говорит:

— Помаленьку отработаешь мне за неё.

Ну, бедный брат отрабатывает помаленьку. А потом богачу стало жалко коровы, он и говорит бедному:

— Отдавай мне корову назад.

Тот взмолился:

— Братец, я ж тебе за неё отработал!

— Что ты там отработал, как кот наплакал! А корова-то гляди, какая! Отдавай, отдавай!

Бедному жалко стало своих трудов, не хотелось ему корову отдавать. Пошли они судиться к барину. Пришли. А барину, должно быть, не хотелось голову ломать— думать, кто из них прав, кто виноват. Вот он и говорит им:

— Кто отгадает мою загадку, того и корова будет.

— Говори, барин!

— Ну, слушайте: что на свете сытее всего, быстрее всего, милее всего?.. Завтра придёте — скажете.

Пошли братья. Богач идёт домой и думает: «Ерунда, а не загадка! Что ж может быть сытее барской свиньи, быстрее барской борзой, милее денег?.. Моя корова будет!»

Бедный пришёл домой, думал, думал, да и затужил. А у него была дочка Маша. Она и спрашивает:

— Чего ты, батюшка, затужил? Что барин сказал?

— Да барин такую загадку загадал — голову сломать можно!

— А какая загадка, батюшка?

— Вот какая: что на свете сытее всего, быстрее всего, милее всего?

— Э, батюшка, сытее всего мать-земля: она всех кормит, поит; быстрее всего думка: с думкою, куда хочешь, прилетишь; а милее всего сон: как бы хорошо ни было человеку, он всё бросает, чтобы заснуть.

— Неужто?.. — говорит отец.— А ведь правда твоя! Так я и скажу барину.

На другой день приходят оба брата к барину. Вот барин их и спрашивает:

— Ну что, отгадали?

— Отгадали, барин, — говорят.

Вот богатый выступил вперёд, чтобы поскорее ответить, да и говорит:

— Сытее, барин, всего ваши свиньи, а быстрее всего ваши борзые, а милее всего денежки.

— Э-э-э, врёшь, врёшь!..— говорит барин. — Ну, а ты?

— Да что ж, барин, нет ничего сытее матушки-земли: она всех кормит, поит.

— Правда, правда! — говорит барин.— Ну, а быстрее всего?

— Быстрее всего мысль, думка: с нею куда хочешь перелетишь.

— Так! Ну, а милее всего что? — спрашивает барин.

— А милее всего сон. Как бы хорошо ни было человеку, он всё бросает, чтобы заснуть.

— Всё так! — говорит барин. — Твоя корова! Только скажи ты мне, сам ли ты отгадал загадки или тебе кто помог?

— Да что ж, барин, — говорит бедняк,— есть у меня дочка Маша. Это она меня научила.

Барин рассердился:

— Как это так, я такой умный, а она простая девчонка — и мои загадки отгадала! Погоди же! Вот тебе десяток варёных яиц, отдай их своей дочери. Пусть она посадит на них наседку, чтоб наседка за

одну ночь вывела цыплят, выкормила их, и чтоб твоя дочка зарезала трёх, зажарила на завтрак, а ты, пока я встану, чтоб жареных цыплят сюда принёс. Я ждать буду. А не принесёшь — будет худо.

Идёт бедняк домой, плачет. Приходит, а дочка спрашивает его:

— О чём, батюшка, плачешь?

— Как же мне, дочка, не плакать! Дал тебе барин десяток варёных яиц да приказал, чтоб ты посадила на них наседку, чтоб наседка за одну ночь вывела и выкормила цыплят, а ты чтоб зажарила трёх ему на завтрак.

А дочка взяла горшочек каши и говорит:

— Отнеси, батюшка, эту кашу барину да скажи ему: пускай он вспашет землю, посеет эту кашу, и чтоб она выросла просом да поспела. Чтоб он просо скосил, смолотил и натолок пшена: кормить тех цыплят, которые вылупятся из этих яиц.

Приносит бедняк к барину эту кашу, отдаёт её и говорит так, как дочка велела.

Барин смотрел, смотрел на эту кашу да и отдал её собакам. Потом нашёл где-то стебелёчек льна, отдал его бедняку и говорит:

— Отнеси дочери этот лён. Пускай она его вымочит, высушит, помнёт, спрядёт и соткёт сто локтей полотна. А не сделает — будет худо.

Идёт бедняк домой, опять плачет. Встречает его дочка, спрашивает:

— О чём, батюшка, плачешь?

— Гляди-ка, чего: барин дал тебе стебелёчек льна, да чтоб ты его намочила, высушила, помяла, напряла пряжи и выткала сто локтей полотна.

Маша взяла нож, пошла, срезала тоненькую веточку с дерева, дала отцу и говорит:

— Неси, батюшка, к барину. Пускай он из этого дерева сделает мне гребень и веретено, чтобы было на чём прясть этот лён.

Приносит бедняк барину веточку и говорит, что дочка велела из неё сделать. Барин глядел, глядел, взял да и бросил веточку, а сам думает: «Эту не проведёшь! Видать, она не из таких!» Потом думал, думал и говорит бедняку:

— Пойди скажи своей дочери: пускай она придёт ко мне в гости, да так, чтоб не шла, не ехала, не босая, не обутая, ни с гостинцем, ни без гостинца. А если она этого не сделает,— будет худо.

Идёт отец, плачет. Пришёл да и говорит дочери:

— Ну что, дочка, будем делать? Приказал барин так и так,— и рассказал ей всё.

Маша говорит:

— Не тужи, батюшка, всё ладно будет. Пойди принеси мне живого зайца.

Пошёл отец, достал живого зайца. А Машенька одну ногу обула в рваный башмак, другую оставила босой. Потом поймала воробья, взяла сани, запрягла в них козла. Зайца спрятала подмышку, воробья взяла в руки, одну ногу поставила в сани, а другою ступает по дороге: одну ногу козёл везёт, а другою Машенька сама идёт. Приходит эдак к барину во двор, а он как увидел, что она так идёт, кричит слугам:

— Травите её собаками!

Те стали травить её собаками. А Маша взяла да и выпустила зайца. Собаки погнались за зайцем и её оставили. Маша пришла тогда к барину в хоромы, поклонилась и говорит:

— Вот вам, барин, гостинец, — да и подаёт ему воробья.

Барин только хотел его взять, а она выпустила воробышка, он — порх! — и улетел в открытое окно.

На ту пору пришли мужики к барину судиться. Барин и спрашивает:

— Чего вам, люди добрые?

Один говорит:

— Да вот что, барин: ночевали мы вдвоём в поле, а утром встали, глядь — моя кобыла жеребёнка привела.

А другой человек говорит:

— Враки то: моя привела! Рассуди нас, барин.

Вот барин думал, думал и говорит:

— Пригоните сюда жеребёнка и лошадей. К которой жеребёнок побежит, та и привела.

Пригнали запряжённых кобыл и пустили жеребёнка. А те два хозяина так затаскали этого жеребёнка каждый в свою сторону, что он уж не знал, куда ему бежать, — взял да и побежал неизвестно куда. Ну, все растерялись: что тут делать, как рассудить? А Машенька говорит:

— Вы жеребёнка-то привяжите, а матерей распрягите да и пустите: которая побежит к жеребёнку, та и привела.

Так и сделали: распрягли лошадей, жеребёнка привязали, одна из лошадей и побежала к нему, а другая стоит.

Ну, тут барин видит, что Маша такая разумная — никак не перехитришь. И отпустил её с миром.

Перевод с украинского
Елены Благининой.

ОТДЫХ ПОСЛЕ БОЯ.

С картины Ю. Непринцева.

ЗА БОЕВЫЕ ЗАСЛУГИ.

С картины П. Смукровича.

Вторая Всесоюзная выставка дипломных работ студентов художественных институтов СССР выпуска 1953 года.

КАРТИНЫ О ЗАЩИТНИКАХ РОДИНЫ

Наверное, каждый из вас, ребята, видел репродукции с картин русских и советских художников, а многие, может быть, были в залах Третьяковской галереи и в других музеях нашей Родины. У каждого из вас, должно быть, есть свои любимые картины, которые живут в памяти так же, как и прочитанные вами книги. Хорошая картина рассказывает так же много, как и хорошая книга.

В этом номере вы видите две репродукции с картин советских художников о боевых делах Советской Армии и советского народа в дни Великой Отечественной войны.

Картина ленинградского художника Юрия Михайловича Непринцева называется «Отдых после боя». Эта картина удостоена Сталинской премии.

Раскрывая художественные образы советских воинов, художник опирался на поэму А. Твардовского «Василий Тёркин». Я думаю, что эту картину многие из вас уже видели, и она, наверное, вам понравилась тем, что так ярко вызывает ощущение большой, подлинной жизни. Картина заражает зрителя бодростью. Смотришь на лица солдат — и словно сам стоишь рядом с ними, и невольно самому становится весело. Как будто бы слышишь слова, какие говорит Василий Тёркин. А слова-то, должно быть, острые: такой солдат и рассказывает и стреляет одинаково метко. А кругом, посмотрите, сколько разных людей, и у каждого свой характер, каждый смеётся по-своему, но все выражают одно чувство: одобрение меткому, удалому словцу своего любимого товарища.

Посмотрите на лица солдат. Это дружная боевая семья храбрых советских воинов. Среди них нет ни одного, кто бы мог струсить перед врагом. Вот сейчас, на коротком привале, они смеются, забыв обо всех трудностях и невзгодах. А через несколько минут они, быть может, снова пойдут в жестокий бой, защищая свою любимую Родину.

Картина рассказывает о могучей силе нашей армии, о её единстве и несокрушимости.

Посмотришь картину — и захочется ещё раз прочесть поэму А. Твардовского, а читая поэму, хочется взглянуть на картину, так как тут перед нами счастливое сочетание: образы литературные и образы, воплощённые художником в картине, едины.

Вторую картину, «За боевые заслуги», написал молодой художник Пётр Петрович Смукрович. Эта картина была его дипломной работой при окончании им Ленинградского института живописи имени Репина.

Художник рассказывает о славных патриотах, советских партизанах, которые в дни Великой Отечественной войны в тылу врага помогали нашему народу и армии громить фашистов. Вы, ребята, наверное, видели кинокартины, читали книги о наших славных партизанах-героях. Рядом с ними сражались и ваши ровесники: Володя Дубинин, Саша Чекалин, Лёня Голиков и много других юных героев. Вместе с отцами и братьями, с матерями и сёстрами, со всем народом участвовали они в боях.

Художник показывает нам момент награждения юного партизана в лесу перед строем.

В один боевой строй встали во время войны советские люди, до этого мирно трудившиеся и строившие свою счастливую жизнь. Люди разных профессий, самого разного возраста собрались в этом строю. Вот слева, наверное, бывший студент, уже отпустивший лихие баки в партизанском отряде. Рядом с ним, вероятно, председатель колхоза. Может быть, тот паренёк в белой кубанке, что стоит рядом, — тракторист из одной с ним деревни, и они вместе пришли в отряд. А вот этот, в очках, повидимому, научный работник. Из-за его плеча видны довольное лицо колхозного кузнеца с чёрной бородой и отважной весёлой пулемётчицы, бывшей сельской учительницы, которая, видимо, в свободное от боёв время воспитывает здесь, в отряде, юных партизан, оторванных войной от своих школьных парт.

Все эти лица выражают большую гордость и радость за то, что их воспитанник, хоть он и мал, получает большую правительственную награду.

Обе эти картины правдиво рассказывают о замечательных советских патриотах, завоевавших победу и славу нашему народу, нашей великой Родине.

Художник Н. Жуков

ДОРОГИЕ РЕБЯТА!

А какие мысли и представления вызывают у вас эти картины? Что вы думаете о судьбах героев?

Мы предлагаем вам написать рассказ об одной из этих картин и прислать его к нам в редакцию.

Маленькие бродяги

Джанни Родари

Перевод с итальянского
Г. Малахова и Ю. Новиковой.

Рисунки А. Кокорина.

(Продолжение)

ПОД ДОЖДЁМ

Доменико вспомнил, что отец когда-то обещал поехать с ним в Рим и показать фонтан Треви.

— Ты посмотришь на этот фонтан, когда врач сделает тебе руку...

«Вот,— думал Доменико, шагая за Анной и Франческо,— я и посмотрел на этот знаменитый фонтан. И у меня даже осталась память о нём».

Но ребята не обернулись на красивый фонтан, из которого достали целое богатство, а получили одни неприятности.

Доменико притронулся к повязке: ссадины на лбу болели.

— Тише! — прошептала Анна.— Полицейский! Скорей в этот подъезд!

Они вбежали в тёмный, глубокий подъезд. Полицейский проехал на велосипеде мимо подъезда и скрылся в переулке.

Стояла тихая ночь. Вдруг начался дождь, такой, какой бывает только в Риме: внезапный и сильный. Анна, Франческо и Доменико прижались друг к другу и долго не сводили глаз с дождевых струй. Грязные ручейки пенились у самого порога подъезда.

Доменико прислонился спиной к стене и опустился на корточки. Только сейчас он вспомнил о попугае, которого передал ему Франческо перед тем, как полезть в бассейн за монетами.

— Пио! — окликнул он.— Пио!

Они почему-то окрестили попугая именем ненавистного Альбиноса, хотя и очень любили старую, облезлую птицу.

— Пио!

Все уже давно оправились от страха. Доменико играл с попугаем, Анна по привычке принялась заплетать свои косы, а Франческо возился с ремнями вещевого мешка.

— Вот вор!..— говорил он, вспоминая Альбиноса.— Сколько денег могло быть у нас!

— Кто знает... Может быть, больше тысячи,— мечтательно произнесла Анна.

— Больше! Там ведь были серебряные. Теперь хозяин не поверит, что Альбинос обокрал нас.

— А как мы вернёмся?.. Здесь все улицы так похожи одна на другую... Мы не найдём дороги.

— Пио,— вдруг сказал Доменико, обращаясь к попугаю,— скажи хоть ты: по какой улице нам идти? — Попугай не пошевелился, только глазки его поблёскивали.— Как ты думаешь, Пио? Должны мы вернуться к хозяину?

— О чём ты говоришь? — спросил брата Франческо.

— Я думаю, что нам теперь проще вернуться домой,— сказала Анна.— Кто нас здесь разыщет?

При этой мысли у Франческо сладко сжалось сердце. Перед глазами его возник дом — старый, грязный и такой родной; тёмная комната, серое одеяло на тюфяке, грустное лицо матери... Они с Доменико ни

разу не говорили о ней с тех пор, как покинули дом.

— Я хочу домой! — горячо сказал Доменико.— Давайте убежим домой!

— Подожди, пусть хоть дождь пройдёт,— сказала Анна и почему-то засмеялась.

— Чего ты смеёшься? Что тут смешного?

— Ничего! Просто у меня нет никого: ни мамы, как у вас, ни братьев. У меня только дядя, которому я и так всегда была в тягость. Если я вернусь, он изобьёт меня.

Анна уже не смеялась.

Дождь продолжал идти с той же силой. Время от времени, заслышав шаги, ребята прятались глубже в темноту. Так прошло несколько часов. Вдруг какой-то запоздалый прохожий вбежал в подъезд и стал спиной к ребятам. Все трое от испуга затаили дыхание. Но через минуту человек, покачав головой, выскочил из подъезда и вскоре скрылся во мгле.

Франческо улыбнулся.

— Он даже не заметил нас. Мы, наверное, стали невидимками.

— Вот бы хорошо,— сказала Анна,— если бы мы были невидимками!

— Что же тут хорошего — стать невидимками?

— Что хорошего? А тогда можно было бы незаметно вернуться к фургону, отобрать у Альбиноса наши деньги и убежать с ними домой.

Стоять в подъезде уже надоело, и они вышли из парадного прямо под проливной дождь...

И тут-то они увидели его, Альбиноса... Это не мог быть никто иной! При блеске молнии был ясно виден белый чуб, а Доменико даже показалось, что он видит его красные глаза. Ребята прижались к стене, боясь выдать себя. В нескольких шагах от них был другой подъезд, они бросились туда и, затаив дыхание, притаились в тёмном углу.

— Он ищет нас,— прошептал Франческо.

— Но не найдёт,— добавила Анна.

Доменико прокрался к порогу и высунул голову.

— Ну как? Он ещё там? — спросил Франческо.

— Да... Он за водосточной трубой.

— Он изобьёт нас, если найдёт...

— Неро с ним,— прошептал Доменико возбуждённо.— Это Неро.— Он сразу же узнал своего четвероногого приятеля, с которым делил ночлег в люльке под фургоном и с тех пор крепко подружился.

Пудель и в самом деле увязался за Альбиносом. Сначала Альбинос пытался отделаться от Неро, но затем перестал обращать на него внимание, и пудель с болтающейся между лапами верёвкой плёлся позади, в некотором отдалении.

— Неро нас всё равно найдёт,— прошептала Анна.— Только бы не заметил Альбинос. Надо как-то подозвать Неро... Но как?..

Доменико не терял из виду Неро, который кружил, обнюхивая мостовую, Альбинос не обращал никакого внимания на пуделя: закурив сигарету, он стоял, заложив руки в карманы.

А дождь всё шёл и шёл...

КОЛИЗЕЙ

Анна, Франческо и Доменико всё ещё стояли в подъезде, а Альбинос словно и не собирался уходить. Казалось, он решил провести под дождём всю ночь напролёт.

И тут неожиданно ребят спас полицейский, быть может, тот самый, испугавшись которого они спрятались в первый подъезд. Послышалось поскрипывание старого велосипеда, затем Доменико увидел, как Альбинос встряхнулся и отделился от стены.

— Он боится полицейского,— прошептал Доменико.— Смотрите, он уходит!

В самом деле, не прошло и двух минут, как Альбинос скрылся в одном из переулков. Неро внимательно следил за каждым его движением, но не пошёл за ним. Отряхнув шерсть, он сел на задние лапы и заскулил.

Как только полицейский проехал, Доменико вышел из подъезда и негромко позвал:

— Неро!.. Неро!..

Пудель навострил уши и завилял хвостом. Словно зная, что шуметь нельзя, он вскочил с места и, даже не залаяв, бросился к ребятам.

Доменико обнял его, гладя мокрую шерсть.

— Неро! Неро! Ты доведёшь нас домой, правда?

Франческо ласково похлопывал собаку по спине:

— Ступай вперёд! Скорей! Покажи нам дорогу!

— Он приведёт нас прямёхонько к фургону дяди Винченцо,— испуганно заметила Анна.

— Вот и отлично! Ты и останешься там, раз хочешь,— не без ехидства сказал Франческо.— А мы с Доменико вернёмся домой.

Анна промолчала.

— Ступай, глупый! — снова обращаясь к пуделю, сказал Франческо.

И Неро наконец пошёл. Он подпрыгнул и весело помчался вперёд. Ребята побежали за ним. Временами пёс останавливался, поджидая своих друзей, затем бежал с ними рядом, заигрывая с Доменико, потом вновь убегал вперёд.

Дождь всё ещё шёл, мелкий, но сильный. Ребята уже промокли с головы до ног. Стало холодно.

Когда дождь усилился, ребята поспешили спрятаться в огромном сооружении, состоящем из арок и портиков. Это был Колизей, но никто из троих никогда о нём не слышал. Огромная круглая арена вызвала у них буйный восторг.

В массивных стенах зияли тёмные отверстия, которые были чернее ночи, а между ними по земле блуждали неясные тени.

Это был старик, закутанный в старый военный плащ.

— Здесь, кажется, есть люди,— прошептала Анна.

Голос, выходивший как будто прямо из стены, заставил их вздрогнуть:

— Не пора ли вам спать?

Ребята испуганно прижались друг к другу. На этот раз из стены донёсся смех, и от неё кто-то отделился. Это был старик, закутанный в старый военный плащ. Неро грозно залаял.

— Тише ты! — тихо сказал старик.— Здесь вы среди друзей. Мы все тут постояльцы одной гостиницы. Откуда вы? — спросил он, с улыбкой глядя на ребят.

— Из Кассино, — несмело ответила Анна.

Старик рассмеялся:

— Ну мне-то этого можно не говорить! У меня то же ремесло; как-никак сам когда-то пытался разжалобить этим людей. Только теперь мало осталось дураков, которые этому верят. Теперь я говорю, что я, мол, бедный пенсионер. Что же делать! Если хочешь поесть хоть раз в день, ври, что в голову придёт!

— Вы всегда ночуете здесь? — спросил Франческо.

— Ну, это было бы слишком шикарно! — ответил старик.— Здесь не полагается спать. Увидят—заберут... Сплю там, где придётся, где полиция не найдёт...

— А если найдёт?

— Ну что ж такого? Провести несколько дней в тюрьме, пока длится непогода,— это не такая уж беда!

Вдруг старик внезапно исчез. Ребята с удивлением озирались вокруг. Они ничего не понимали, а когда поняли, было уже поздно: полицейские стояли в нескольких шагах от них. Неро бросился им под ноги.

— Придержи эту чёртову собаку! — крикнул один из полицейских.

Доменико свистнул и стремительно притянул пса к себе.

Анна мгновенно сообразила, что́ нужно сказать:

— Мы заблудились, мы ищем дорогу домой...

— Домой? А где он, ваш дом?

— Мы живём с дядей... У нас фургон... Он стоит недалеко от города, но мы забыли туда дорогу.

«Ведь это неправда! — подумал Франческо.— Почему она говорит неправду? Разве не лучше рассказать всё, как есть, и покончить с этим раз и навсегда?»

Но Анна, которую нелегко было сбить с толку, продолжала рассказывать о дяде Винченцо, дяде Филиппо, тёте Терезе...

Однако это не помогло. Полицейские посадили ребят в машину. Ночь им пришлось провести в полиции.

БЕЛАЯ ДОРОГА

Это было печальное возвращение. Утро только начиналось. Солнце ещё не взошло.

Полицейские разбудили ребят, спавших на жёстких скамейках, посадили их в машину и повезли прямо к фургону дяди Винченцо. Франческо, Анна и Доменико даже не поняли, откуда они знают, где стоит фургон. Ребята и не подозревали, что полиция ещё утром получила сообщение о прибытии в город бродяг.

Когда дети подъехали к фургону, Альбинос запрягал лошадь, а тётя Тереза и дядя Филиппо укладывали треножник, кастрюли и одеяло.

— Кто здесь хозяин? — сухо спросил полицейский, не выходя из машины.

Дядя Винченцо высунул голову из фургона.

— К вашим услугам, синьор лейтенант,— сказал он, фальшиво улыбаясь.

Такую неприятную улыбку Франческо уже однажды видел у него. Это было в тот день, когда Винченцо впервые говорил с их матерью.

— О, я вижу, вы привезли мне этих бедняжек! Должно быть, они заблудились в городе. Знаете, это бывает с ребятами... Заиграются, заглядятся...

— Не болтайте зря! Ребята говорят, что они ваши племянники. Это правда? У вас есть документы?

— Ну, конечно же, племянники. Кто же ещё, синьор лейтенант? И, к сожалению, они сидят на моей шее. Отец у них умер, они дети сестры моей жены. Не мог же я дать им помереть с голоду! Я христианин. Я взял их с собой, чтобы сделать доброе дело.

— Ладно, ладно... Разрешение есть?

— Всё в полном порядке, синьор лейтенант. Вот это бумага для отметок, это — разрешение моему брату продавать корзины, это — на фургон... Видите? Вы знаете, сколько денег я потратил на эти бумажки?

— Вылезайте! Живо! — сказал полицейский ребятам.

Они вышли из машины, не поднимая глаз. Полицейский взял за локоть Доменико и, посмотрев на него внимательно, спросил с неожиданной добротой:

— Кто это? — Он указал на дона Винченцо.

Доменико молчал.

— Кто? — не повышая голоса, повторил вопрос полицейский.

— Дядя Винченцо,— ответил мальчик слабым голосом. Освободившись от руки полицейского, он пошёл к фургону, возле которого стоял дядя Филиппо, молча смотревший на него.

Полицейский разочарованно вздохнул. Анна слышала, как он прошептал своему приятелю:

— Пусть у меня руки отрежут, если я поверю, что эти ребята — его племянники.

Полицейский окинул испытующим взглядом дядю Винченцо, который стоял поодаль, согнувшись в полупоклоне, всё с той же напряжённой улыбкой на губах.

— А что мы можем сделать? — ответил другой.— Мы и так потратили на них много времени. Поехали!

— Будет лучше, если вы уберётесь отсюда, да поскорей! — крикнул полицейский дяде Винченцо уже из машины.

— Ну конечно, синьор лейтенант! Мы вот-вот тронемся. Мы остановились здесь, чтобы только лошадь передохнула. А направляемся мы в Турин, к брату. Он обещал нам найти работу.

Полицейский не слушал его. Машина резко рванулась вперёд и мгновенно скрылась за поворотом.

Дядя Винченцо облегчённо вздохнул и сплюнул в сторону уехавших полицейских. Потом он обернулся к ребятам и сказал спокойным голосом, в котором, однако, слышалась скрытая угроза:

— За всё это вы ещё расплатитесь! Но вы правильно сделали, что не выдали меня. Кстати, запомните, если со мной что-нибудь случится, ваших родителей тоже посадят в тюрьму. Так что лучше этим не шутить. Где вы шатались сегодняшнюю ночь,— это ваше дело. Но как бы там ни было, имейте в виду, вам нужно зарабатывать на хлеб и выплачивать мне долг. Выкладывайте деньги!

Анна и Франческо молча вручили ему деньги, собранные подаянием. Они ничего не сказали о серебряных монетах, которые похитил у них Альбинос. И тот, в

свою очередь, конечно, тоже промолчал, ограничившись одобрительным кивком головы.

Через полчаса они уже были в дороге. Анна простодушно болтала с Андрео и Амалией, которые, разинув рты, слушали рассказ об их удивительных приключениях. Доменико с поникшей головой плёлся следом за дядей Филиппо. Франческо чувствовал странную пустоту в желудке. Впервые он понял всю серьёзность их положения. Значит, нечего и думать о возвращении домой. Надо идти за хозяином туда, куда он пожелает. Пока до Турина. Кто знает, где этот город и сколько времени нужно, чтобы наконец дойти до него!

Перед глазами Франческо лежала бесконечная белая шоссейная дорога. И вся Италия в его детском воображении представлялась ему такой же белой, бесконечной дорогой, которую надо пройти из конца в конец.

«Ладно,— подумал он,— поживём пока с дядей Винченцо, отработаем наш хлеб. Но с Альбиносом мы ещё сведём счёты!»

Он чувствовал, как вся кровь бурлит в его жилах при одном воспоминании о нанесённой обиде.

— Ладно! Мы ещё посмотрим! — твердил он про себя, сжимая кулаки.

* * *

Они шли через весь полуостров от Рима до Марке, и непрерывно перед глазами у них тянулась белая длинная дорога. Лишь изредка мелькал город, где надо было часами просить милостыню, и снова пыльная дорога без конца и без края. Только один раз за весь этот трудный и долгий путь произошло событие, которое трудно было забыть.

Случилось так, что, проходя мимо одной деревни, Анна, Франческо и Доменико немного отстали от фургона. Вот уже кончились домики, а у них было собрано мало — всего двадцать пять лир. Но так как фургон ушёл вперёд, им пришлось ускорить шаг.

Они не заметили большого светлого и чистого здания до тех пор, пока не оказались перед самыми его воротами. Здание стояло посреди двора, около него весело играли человек тридцать мальчишек и девчонок. Это была школа. Маленькие бродяги остановились, внимательно разглядывая учеников. Почти тотчас от играющих отделилось несколько ребят; они нерешительно и осторожно приблизились к Анне, Франческо и Доменико.

— Это бродяги! — закричала одна из девочек.— Не подходите к ним! Это бродяги!

Эти слова, словно кнут, больно ударили Доменико. Он отпрянул назад. Его всего передёрнуло от этого крика: «Не подходите к ним, это бродяги!»

К МОРЮ

Ученики, снедаемые любопытством, толпились у ворот, рассматривая маленьких бродяг. Потом позади них появилась пожилая синьора, очень спокойная и серьёзная, с седеющими волосами, с чёрным платочком на плечах... Все расступились. Один из ребят, самый маленький, должно быть, для храбрости, взял её за руку.

— Добрый день! Вы издалека? — обратилась учительница к Анне, Франческо и Доменико. Она приветливо улыбалась.

Ребята не отвечали.

— Они такие же деревенские дети, как и вы,— объяснила учительница.— Они, должно быть, с юга Италии. Наверное, их село пострадало от войны...

Это было не совсем так, но Анна кивнула головой в знак согласия: ей хотелось сделать учительнице приятное. Да и кроме всего это было не так уже далеко от истины.

— Как вас зовут? — опять спросила учительница.

Анна ответила за всех троих.

Франческо и Доменико тоже осмелели: ещё никто не говорил с ними так ласково, даже мать — ведь она была больна и слишком сурова от вечных забот.

— Я училась в школе,— сказала Анна.— Я кончила первый класс. А вот они нет. Они никогда не ходили в школу.

— А ты умеешь читать? — спросила учительница.

— Думаю, что да... Я любила ходить в школу... Но у меня не было ни ботинок, ни фартука, и потом нужно было помогать тёте нянчить малышей... Вот я и перестала учиться.

Кто-то из учеников рассмеялся, показывая пальцем на Франческо и Доменико:

— Они никогда не ходили в школу, не умеют ни читать, ни писать! Они неучи!

Учительница укоризненно покачала головой.

— Они не виноваты. Если бы они могли учиться, быть может, они учились бы лучше вас. Правда? — Она наклонилась к Франческо, и он кивнул ей головой.

— Разве у тебя нет языка?

— Есть,— ответил Франческо.

— Хотелось бы тебе научиться читать?

— О, ещё бы! Но только как?

— Что ж, тебе поможет Анна... Она будет твоей учительницей.

— Ну, какая я учительница!.. Я всё уже сама забыла.

— А я дам вам букварь, и ты всё вспомнишь,— продолжала учительница.

— Если Альбинос увидит букварь,— сказал Доменико,— он бросит его в огонь.

— Кто это — Альбинос?

Франческо объяснил. Закончив рассказ, он с удивлением увидел, что у некоторых учеников навернулись на глаза слёзы: таким грустным показался им этот рассказ. А ему, Франческо, всё, что случилось с ним, с Анной и Доменико, казалось таким обычным. Но странно, что, глядя на этих ребят, у которых были и дом, и родители, и чистая школа, и двор для игр, и хорошая, добрая учительница, Франческо не чувствовал ни зависти, ни горечи.

«Они плачут только потому, что услыхали рассказ про нашу жизнь,— думал он,— а мы переносим сами эту жизнь и не плачем».

Учительница принесла букварь и дала Франческо. Он взял его в руки с такой осторожностью, точно букварь был сделан из хрусталя и мог упасть и разбиться.

— Вот теперь у вас появился ещё один большой друг, — сказала учительница. — Теперь вас четверо вместе с букварём.

— Покажи мне букварь, — попросила Анна.

Она бережно открыла первую страницу: цветные картинки, большие буквы! Анна стала нетерпеливо всматриваться в буквы и, к своему удивлению, поняла, что они знакомы ей, а значит, она может читать.

— Я умею читать! Я умею читать! — радостно закричала Анна.

— Ты будешь хорошей учительницей. Только тебе нужны ещё тетрадь и карандаш, — сказала учительница.

Один из учеников убежал в школу и скоро вернулся с тетрадкой и карандашом в руках:

— Вот, держи!

Когда наконец Франческо, Анна и Доменико пустились в путь, ученики ещё долго махали им вслед. Учительница стояла посредине, скрестив руки под платком на груди. Она тоже смотрела вслед маленьким бродягам и всё время улыбалась.

ПО БЕРЕГУ МОРЯ

Ребята спустились с холма, и перед ними неожиданно открылся необозримый, величавый сине-зелёный простор Адриатики. Море было такое красивое, что хотелось плакать и смеяться, смеяться и плакать.

Они догнали фургон. Теперь он двигался вдоль берега моря. Ребята то и дело сбегали с дороги и шли по самому берегу, где на тёплом песке лежали всякие удивительные ракушки, каракатицы, водоросли и другие дары моря.

Иногда и дядя Филиппо вместе с ребятами спускался к морю, не переставая на ходу плести свои корзины.

— Богатые синьоры, — рассказывал он, — летом целые дни проводят на пляже.

— Что же они там делают? — недоверчиво спрашивал Доменико.

— Как что? Целыми днями валяются на песке, загорают, купаются. Их так и называют — купальщиками.

Франческо от души рассмеялся, а Анна позавидовала:

— Вот хотела бы и я так пожить!.. Хоть немножко...

— И они совсем ничего не делают?.. Чем же они живут? — удивлялся Франческо.

Дядя Филиппо покачивал головой:

— Это слишком долго рассказывать... Учись сам понимать, как устроен мир.

Франческо некоторое время шёл молча, но видно было, что он не перестаёт думать.

— Я теперь знаю, что буду делать, когда вернусь домой, — сказал он наконец твёрдым голосом.

— Что же?

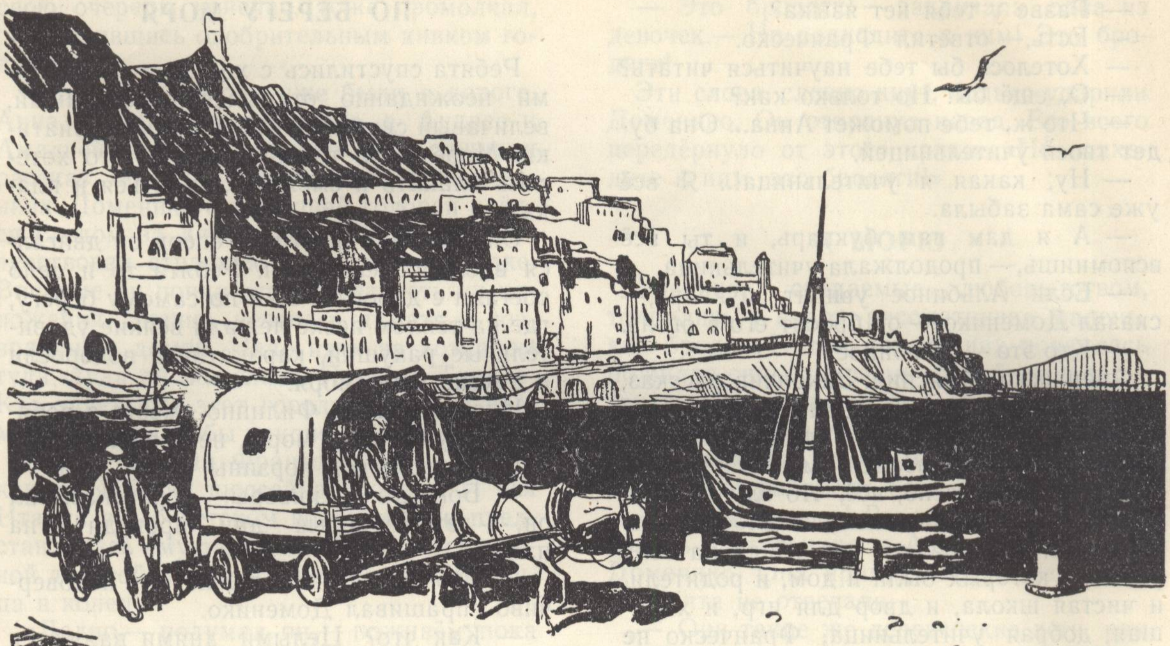
— А то же самое, что те крестьяне, которых мы встретили. Пойду захватывать пустующие земли. И тогда все в нашей семье будут сыты.

Процессия батраков с белым полотнищем и плакатами не изгладилась из памяти Франческо. Дядя Филиппо искоса взглянул на него, но что выражал этот взгляд, трудно было понять.

— А я хочу стать богатой и целыми днями лежать на пляже и загорать, — мечтательно сказала Анна.

— Подумаешь, какая! — возмутился Доменико.

В глубине души он всё ещё не очень верил, что на свете есть такие счастливые

Теперь фургон двигался по берегу моря.

люди. Но однажды во время привала, когда фургон стоял в тени деревьев и ребята отдыхали на песке, Доменико увидел одного из этих людей. Это был высокий молодой человек в красном купальном костюме. Он вошёл в воду и поплыл далеко-далеко, так что голова его стала казаться точкой. Ребята долго следили за ним, до тех пор, пока молодой человек не вышел на берег и не лёг на песок, тяжело отдуваясь...

На каждом шагу ребят подстерегали удивительные вещи, и это в какой-то мере скрашивало жизнь маленьких бродяг.

А жизнь была тяжела. Часами, которые всегда казались невыносимо длинными, ребята бродили по уличкам городов и обивали пороги деревенских домов: Франческо и Доменико с попугаем и билетиками счастья, Анна — с песнями. У Анны был хороший голос, люди с удовольствием слушали её и не скупились подавать милостыню.

Когда же они возвращались, начиналось самое ужасное: дядя Винченцо подсчитывал дневную выручку. Не столько жестокий, сколько скупой по натуре, он точно устанавливал сумму, которую нужно было собрать, а если кто-нибудь приносил меньше, страшно ругался, и виновнику урезали и без того скудный ужин. Нечего было и рассчитывать на лишнюю ложку похлёбки! Тётя Тереза, молчаливо разливавшая суп, временами зло поглядывала на ребят своими спрятанными в складках жира глазами, и все сразу опускали головы и покорно ели то, что дают.

— Берите пример с Анны, — говорил дон Винченцо, — она выучилась петь и зарабатывает больше, чем вы все, вместе взятые. А вы чему научились? Вы едите даром хлеб, совсем не беспокоясь о деньгах, которые я посылаю вашим семьям. У вас нет сердца.

Перед сном Анна долго шепталась с Франческо и Доменико:

— Не слушайте, что он вам говорит. Пока что вы ещё ни разу не приносили меньше, чем нужно. А если это случится, уж я что-нибудь придумаю...

— Что же тут можно придумать?

— Это секрет. Пока что я вам ничего не скажу. Но мы всегда должны помогать друг другу. Правильно?

Иной раз случалось, что какой-нибудь добросердечный крестьянин давал ребятам фрукты, кусок хлеба или стакан молока. В этих местах крестьяне были не такими бедными, как там, на родине ребят, и лица у них были открытые, добрые.

Однажды дядя Филиппо сказал ребятам:

— Эти крестьяне все красные.

Ребята начали расспрашивать, что значит «красные», но дядя Филиппо прервал разговор... Франческо с любопытством рассматривал крестьян, стараясь понять, почему они «красные»... На стенах здешних домов он часто встречал какой-то странный знак: серп, скрещённый с молотом.

«Когда-нибудь, — думал Франческо, — я спрошу, что это такое».

— А знаете, Альбинос — настоящий вор, — как-то сказала Анна. — Сегодня мы пели в деревне, и один крестьянин дал нам сто лир, только подумайте: сто лир!.. Потом мы ушли... А во дворе было развешано бельё. Альбинос осмотрелся кругом, потом схватил две рубашки и спрятал их в футляр аккордеона.

— А ты что же?

— Я?.. Ничего. Если бы я сказала, он избил бы меня. Знаешь, что заявил мне Альбинос? «Открывай пошире глаза. Тряпок не бери, но если попадётся что-нибудь стоящее, не теряй времени». Он хочет научить нас воровать. Если это ещё раз повторится, увидите, что я сделаю.

БУКВАРЬ ФРАНЧЕСКО

Букварь, подаренный учительницей, лежал у Франческо в вещевом мешке. Часто на берегу моря или в тени деревьев Франческо вынимал его и долго перелистывал. В такие минуты он забывал о горькой нищете, окружавшей его, и новый, неизведанный мир раскрывался перед ним.

Доменико не уставал смотреть на картинки букваря часами. И, хотя он знал их до малейшей подробности, каждый раз они казались ему другими и ещё более прекрасными.

Он переписывал в тетрадь буквы и односложные слова. Анна не была терпеливой учительницей. Она сама едва умела читать, и всё же ей казалось, что Франческо слишком медленно постигает науку.

— Ты осёл, — говорила она. — Ослом и останешься... Нужно писать так... Давай!

Но Франческо не отдавал карандаша:

— Я сам хочу попробовать! Дай мне попробовать самому.

Взрослые не интересовались их занятиями. Только дядя Филиппо иногда подходил к ним сзади и стоял, попыхивая своей старой трубкой. Сам дядя Филиппо никогда в жизни не ходил в школу.

— Моим пером была лопата, — говорил он без улыбки. — Я научился вычерчивать прямые грядки на земле, но потом землю пришлось продать...

И он начинал вспоминать об утраченной земле.

В пути Франческо отыскивал на дорожных плакатах уже выученные им буквы. Он останавливался и стоял до тех пор, пока в скопище различных непонятных знаков не находил хоть одну знакомую букву.

— Это буква О, — говорил он тогда, — а вот та, другая — Т.

Анна помогала ему, по слогам прочитывая всё слово. Но вот наступил долгожданный день, когда Франческо удалось наконец самому прочитать весь плакат. Он заплясал от радости и без конца повторял удивительное слово:

— Моллинелла! Моллинелла!

За несколько дней до этого они отклонились от морского берега и шли теперь по Эмильской низменности. Сказать по правде, Франческо прочёл «Моллинелла» не совсем точно. Но когда дядя Филиппо правильно произнёс название этой местности, Франческо стал с ним спорить.

— Вы не умеете читать, — говорил он взволнованно, — а я умею!

— Есть много вещей, которые познаются не по книгам, а из самой жизни, — возразил дядя Филиппо. — Не забудь об этом, профессор.

С этого дня он стал в шутку звать Франческо профессором.

— Как дела, профессор? Как поживает алфавит?

— Всё так же, дядя Филиппо. Знаете, скоро я сам напишу письмо домой.

— Но твоя мать не умеет читать.

— Неважно. Она всё равно обрадуется. Она пойдёт к Микеле-тряпичнику, и он прочитает ей письмо.

Однажды вечером он с помощью Анны привёл в исполнение заветное желание. Некоторые слова письма помогла написать Анна, некоторые он списал прямо с букваря, хотя они не имели ничего общего с содержанием. Ему хотелось во что бы то ни стало изобразить на бумаге название всех местностей, какие они прошли с того момента, когда он научился читать надписи... В письме было немало ошибок, но когда оно было закончено, когда были написаны целых две страницы различных

слов, все трое ребят долгое время, затаив дыхание, смотрели на него.

Вот что было написано в этом письме:

«Дорогая мама, мы живём хорошо, надеемся, что ты, Пеппе и Ринуччиа тоже. Я работаю не так уж много, и кушать хватает. Не беспокойся о нас. Когда приедем домой, достанем земли и будем жить все вместе. Анна научила меня читать и писать. Доменико всё хочет купить новую руку. Если мы заработаем деньги, то обязательно купим. Здешние места гораздо лучше наших, и крестьяне нам помогают. Будь здорова, прими привет и поцелуй от твоих сыновей!

Франческо и Доменико».

Под подписями шли слова: «ветка», «корабль», «пароход», «знамя» и названия шести или семи деревень.

— Она поймёт, почему мы это написали, не беспокойтесь! — заверил Франческо.

Он положил письмо в мешок.

— Завтра я попрошу какого-нибудь крестьянина написать адрес на конверте и отправить письмо маме.

Эту ночь Франческо не спал. Он лежал на мешке с заветным письмом, и ему казалось, что из него исходит какое-то особое тепло. Несколько раз он начинал дремать, но просыпался в страхе, что кто-нибудь украл письмо, и, чтобы успокоиться, открывал мешок...

На следующее утро письмо было отправлено, а вечером маленькие бродяги вошли в город Феррару.

СИНЬОРА ИЗ ФЕРРАРЫ

Вот что рассказывает Анна:

— ...Как-то вечером в Ферраре мы пришли на соборную площадь. Франческо и Доменико весь день ходили одни. Я была с Альбиносом, он отобрал у меня все заработанные деньги.

Мальчики собрали немного больше ста лир. Они очень устали, но мы решили ещё походить немного, чтобы не слышать упрёков дяди Винченцо.

Доменико подошёл к какой-то синьоре, выходившей из подъезда.

Синьора посмотрела на нас, посмотрела на меня, и её как будто что-то поразило. Доменико молча показал синьоре обрубок своей руки. Так он делал всегда: за два месяца Доменико иначе не научился просить милостыню.

«Бедные ребятишки! — сказала синьора. И она снова открыла дверь, из которой только что вышла. — Зайдите-ка на минутку ко мне, я что-нибудь дам вам».

Доменико посмотрел на Франческо, Франческо на меня... Крестьяне иной раз приглашали нас к себе, но в городе такое с нами никогда не случалось. Я пошла первая, мальчики за мной. Синьора ввела нас в большой зал, такой красивый, что у нас даже дыхание захватило. Всюду стояли кресла и диваны, на полу был разостлан толстый, мягкий ковёр, на стене висели картины и фотографии.

На самой большой фотографии была снята девочка с большими красивыми глазами, чёрными волосами и доброй улыбкой. Что-то в её лице меня удивило: я смотрела на неё до тех пор, пока не почувствовала на плече руку синьоры.

«Она похожа на тебя, — сказала синьора. — Только она была немного постарше... Она училась музыке... Вот её пианино...»

Первый раз в жизни увидела я такой инструмент. Синьора подняла крышку, перед нами были клавиши, очень похожие на те, что в аккордеоне Альбиноса. Я не могла удержаться и надавила пальцем одну клавишу: раздался длинный, глубокий звук.

«Садитесь, дети... Сейчас я дам вам шоколад».

Мы были смущены и ничего не ответили, только тихо сели. А когда синьора вышла из гостиной, мы начали перешёптываться. Не помню, о чём мы говорили, но всё это казалось нам настоящим сном.

Синьора принесла нам шоколад и печенье и стала рассказывать об умершей дочке:

«Она умерла около двух лет назад. Она была хорошая и весёлая. В этом большом доме стало так пусто без неё...»

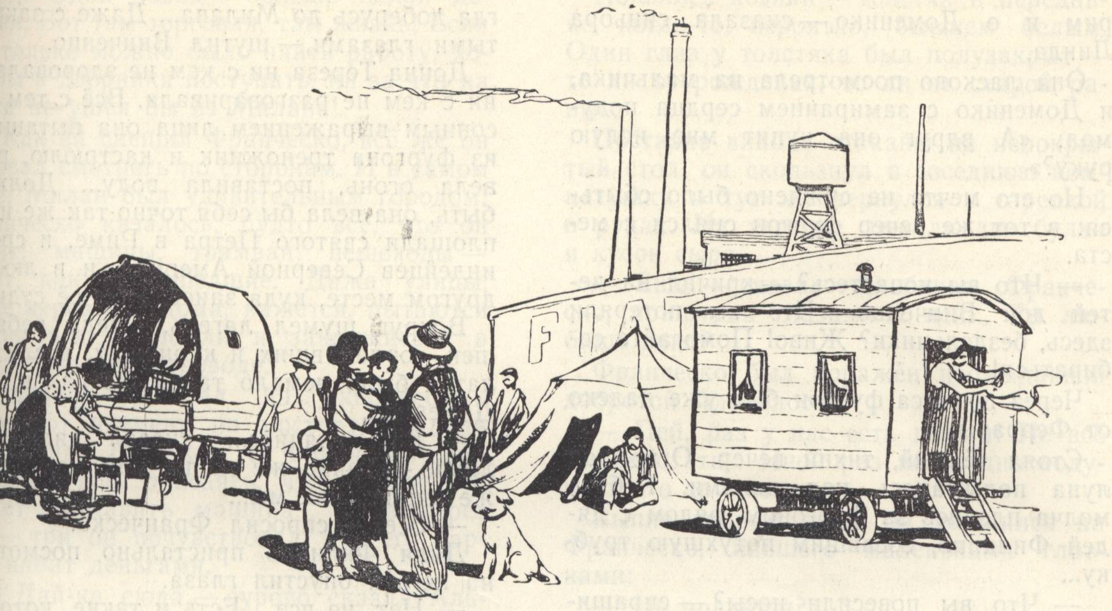
Синьора смотрела на нас грустно, но не плакала. А потом она начала даже рассказывать всякие забавные вещи, чтобы рассмешить нас. Мы не понимали даже половины того, о чём она говорила.

«Феи? — спрашивал Доменико, широко раскрывая глаза. — А кто такие феи?»

«Разве мама тебе никогда не рассказывала о них?»

И мне тоже никогда никто не рассказывал о феях. Кто нам мог рассказать?

Мы не знали, сколько времени были в этом доме. Франческо, посмотрев в окно, сказал, что уже поздно и нужно уходить.

Фургон остановился на окраине Милэна.

Тогда синьора подошла к шкафу, полному книг, стала что-то перебирать и наконец достала много иллюстрированных журналов.

Мы ушли с целой кипой журналов.

«Приходите завтра,— сказала синьора, ласково глядя на нас. — Приходите обязательно!»

Прежде чем вернуться к дяде Винченцо, мы решили спрятать подарок синьоры. Но Доменико всё же оставил себе один журнал и засунул его под рубашку. Он прижимал его к себе всю ночь. Во сне он бормотал что-то о феях, и это нас всех очень смешило. Я и Франческо не спали, мы долго говорили о синьоре. Мы называли её просто «синьорой»: ведь она не сказала нам своего имени.

Альбинос, возвратившийся, как всегда, поздно, проходя мимо, толкнул меня ногой:

«Где это вы пропадали? Может быть, что-то скрываете, а? Глядите, я обязательно всё узнаю, со мной шутки плохи».

Мы даже не ответили ему. Какое нам дело до него, до фургона, до дяди Винченцо? Мы познакомились с «синьорой» и думали только о ней. Когда Франческо заснул, я долго ещё лежала и представляла себе, как разговариваю с ней.

«Мама! — говорила я ей. — Мама!» Первый раз за долгие годы я называла кого-то этим именем.

В ЛАГЕРЕ У СТЕН МИЛАНА

Пока фургон стоял в Ферраре, а стоял он почти неделю, Анна, Франческо и Доменико ежедневно бывали у синьоры. Теперь они называли её «синьора Линда». Ребятам раньше и во сне не снились удивительные кушанья, какими угощала их синьора: ведь до той поры им не доводилось есть ничего, кроме жидкого супа да изредка, по большим праздникам, макарон «спагетти».

У Анны был чудесный слух, и она стала быстро подбирать на пианино всякие песенки.

— Тебе надо учиться музыке,— сказала как-то синьора Линда.— Почему бы тебе не остаться у меня? У Франческо и Доменико есть мама, братья, а у тебя — никого... Может быть, дядя разрешит тебе?.. Я высылала бы ему деньги...

Анна вскочила с места и стала в волнении ходить по гостиной. Мальчики не сводили с неё глаз. Конечно, сейчас она согласится...

Но Анна тихо положила руку на плечо Доменико:

— Это было бы... ну, прямо, как во сне! Только... нет, сейчас я не могу. Если я останусь здесь, у вас... как же они? Им будет трудно без меня... особенно Доменико.

— Мы ещё поговорим об этом. Погово-

рим и о Доменико,— сказала синьора Линда.

Она ласково посмотрела на мальчика, и Доменико с замиранием сердца подумал: «А вдруг она купит мне новую руку?»

Но его мечте не суждено было сбыться: в тот же вечер фургон снялся с места.

— Что вы копаетесь? — кричал на детей дон Винченцо.— Что вы потеряли здесь, бездельники? Живо! Помогайте собираться!

Через полчаса фургон был уже далеко от Феррары.

Стоял тёплый, тихий вечер. Огромная луна подымалась над полями. Ребята молча плелись за фургоном, рядом с дядей Филиппо, сосавшим потухшую трубку...

— Что вы повесили носы? — спрашивал он, вглядываясь в их лица.— Что-нибудь случилось? Или вам так уж приглянулась Феррара? Э, э... для нас все города одинаковы. Смолоду я ездил за границу. Исколесил Германию и Францию, Швейцарию и Тунис... Объездил полмира, а всюду одно и то же: много горя, мало еды... Ради этого путешествия я продал свою землю, свой домишко. Вернулся на родину, а переночевать-то и негде. Да, вот она, жизнь...

В тот вечер Анна впервые расплакалась. Но никто не утешал её. Только Франческо крепко пожал её руку и, не сказав ни слова, продолжал идти за фургоном.

* * *

Дней через двадцать фургон остановился на окраине Милана, у каменной стены огромного дымящего завода. Здесь расположился целый лагерь бродяг. В пёстрых палатках, в фургонах, в лачугах, наскоро сколоченных из жести и фанеры, жили мужчины, женщины, дети... Всё это напоминало цыганский табор. В довершение сходства в разношёрстной толпе мелькали и цыгане. Их сразу можно было узнать по чёрным, как смоль, волосам, по длинным серьгам в ушах у женщин, по странному, непривычному говору...

Как только фургон дона Винченцо въехал в лагерь, со всех сторон посыпались громкие приветствия. Видно было, что Винченцо здесь — свой человек.

— Пока лошадь тащит фургон, я всегда доберусь до Милана... Даже с закрытыми глазами,— шутил Винченцо.

Донна Тереза ни с кем не здоровалась, ни с кем не разговаривала. Всё с тем же сонным выражением лица она вытащила из фургона треножник и кастрюлю, развела огонь, поставила воду... Должно быть, она вела бы себя точно так же и на площади святого Петра в Риме, и среди индейцев Северной Америки, и в любом другом месте, куда занесла бы её судьба.

Вокруг шумел лагерь. Среди ребятишек, горланивших и куривших, возле палаток было немало таких же калек, как Доменико.

— Вот, глядите...— сказал дядя Филиппо.— Такие же люди, как мы. Такие же нищие, как мы...

— Все? — спросил Франческо.

Дядя Филиппо пристально посмотрел на него и опустил глаза.

— Нет, не все... Есть и такие, которые богатеют... Но это не наше дело.

Затем, видимо, желая переменить разговор, он указал пальцем на далёкий силуэт какого-то высокого здания:

— Глядите... Миланский собор!

Но это название ничего не говорило ребятам. Они никогда не слыхали об этом замечательном произведении искусства.

Сразу же после завтрака Винченцо послал их в город собирать милостыню.

«Да, верно, все города похожи друг на друга,— думал Франческо, надевая на шею клетку с попугаем.— Вот мы пришли в Милан... Но разве нам от этого лучше?»

Его подозвал к себе Альбинос:

— На этот раз ты пойдёшь со мной. Передай попугая Доменико.

Перед уходом Альбинос долго совещался с какими-то двумя парнями. Выражение их лиц не предвещало ничего доброго.

«Кажется, готовится что-то новое»,— подумал Доменико.

АЛЬБИНОС ПОКАЗЫВАЕТ СВОЁ НАСТОЯЩЕЕ ЛИЦО

Альбинос шагал так быстро, что Франческо едва поспевал за ним.

— Ты что? Не проснулся ещё? — ворчал на него Альбинос.— Прибавь шагу!..

Вскоре они вошли в Милан. Об этом городе не раз рассказывал дядя Филиппо.

— Что это за город, ребята! — твердил он во время длинных переходов.— Что за

город! Один завод — больше целой деревни. Вот там торговля, там жизнь! Если бы только можно было найти работу, хотя бы в дворники поступить, ни за что на свете не ушёл бы из Милана!

...Как ни спешил Франческо, всё же он успевал смотреть по сторонам. И в самом деле, Милан был удивительным городом! Франческо казалось, будто всё, что он видит: машины, трамваи, пешеходы — бегут, как сумасшедшие. Даже улицы, даже деревья и дома, кажется, пытаются оторваться от земли и закружиться в стремительном хороводе.

Альбинос заиграл на аккордеоне... Время от времени на мостовую падала скомканная бумажка, и Франческо бросался за ней, опасаясь, что вот-вот его может раздавить машина... Часа через два — три он почувствовал, что его карман набит деньгами.

— Дай-ка сюда,— сурово сказал Альбинос.— Я переложу их себе. Так будет вернее...

— А как же дядя Винченцо?..

— Это не твоя печаль! Я сам с ним поговорю... И потом, если всё сойдёт гладко, вечером у нас будет куда больше денег...

Франческо вопросительно посмотрел на Альбиноса.

— Что это ты смотришь на меня такими глазами? Всё это не твоего ума дело!

Они пошли дальше. Сунув руку в карман, Франческо нащупал там несколько монет.

«Вот и хорошо,— подумал он.— Можно будет послать ещё письмо маме...»

Улички становились всё у́же, витрины — беднее. На разбитых тротуарах блестели лужи.

— Куда мы идём? — спросил Франческо.

— Это тебя не касается... Шевели ногами!..

В одном из тёмных переулков Альбинос нерешительно осмотрелся, затем направился к стеклянной двери остерии [1]. Франческо вошёл вслед за ним в сырую, тёмную комнату. В ней стояло несколько деревянных столов, вдоль стены тянулся прилавок.

— Пол-литра вина, сыру и хлеба,— заказал Альбинос.

Появился хозяин — толстяк в переднике, когда-то, вероятно, бывшем белым. Один глаз у толстяка был полузакрыт — то ли от рождения, то ли от старой раны...

Поставив вино и стаканы на непокрытый стол, он скользнул в соседнюю комнатушку и тут же вернулся с тарелкой в руках. На тарелке лежали две булки и кусок сыра.

— Ешь! — сказал Альбинос Франческо, прищурив глаза.— И пей!.. Ты любишь вино?

Франческо был поражён неожиданной добротой Альбиноса.

— Пей, раз у нас есть деньги! Не всё же работать... Иной раз не вредно подумать и о другом.

Выпив залпом вино, он уставился на Франческо, пившего маленькими глотками:

— Не нравится?

— Оно горькое...

— Глупости,— сказал Альбинос.— А не нравится, — давай я выпью.

На улице темнело. Альбинос заказал ещё пол-литра вина, жадно выпил его, опустил голову на стол и заснул. Франческо сидел, боясь шевельнуться. Его охватывал какой-то необъяснимый страх.

Вдруг Альбинос поднял голову и посмотрел на часы, висевшие над прилавком:

— Пора. Скоро двинемся...

Но почему-то он не поднимался, словно выжидая чего-то.

Минут через пятнадцать входная дверь отворилась, и в остерию вошли два парня. Франческо сразу узнал их: это с ними утром разговаривал Альбинос.

— Тот самый мальчишка? — спросил один из них, показав на Франческо.

— Да... Пошли?

— Успеешь... Куда спешить?.. Раньше выпьем!

Они выпили. На улице Альбинос передал аккордеон Франческо.

— Будешь стоять под окном. Увидишь полицейского — свистни!

— Куда мы идём? — испуганно спросил Франческо.— Что это вы задумали?

— Не твоё дело... Запомнил, что я говорил?

— Тише! — оборвал Альбиноса один из парней. — Пришли.

— В случае чего, свистни, — шёпотом повторил Альбинос.— Понятно?

[1] Остерия — закусочная.

Они остановились возле какого-то тёмного здания. Раздался лёгкий, осторожный звон стекла... Все трое парней, один за другим, молча исчезли в выбитом окне... Франческо остался один на пустой ночной улице...

«Воры! — с ужасом подумал он. — Они грабят... А я... я им помогаю».

СТРАШНАЯ НОЧЬ

У Франческо так билось сердце, что казалось, вот-вот сейчас кто-нибудь услышит эти удары. Но улица была безлюдна. Из окна, в котором исчезли Альбинос и парни, не доносилось ни звука...

Франческо так и не мог понять, что за помещение они грабили. Повидимому, это был магазин, и он никем не охранялся, поэтому воры и действовали так уверенно...

Мальчик хотел убежать, но ноги его не слушались. Гнев и страх парализовали все мысли. Только два слова звучали в мозгу в такт биению сердца: «Надо бежать, надо бежать, надо бежать...»

Лёгкий свист заставил его обернуться.

— Всё спокойно? — спросил один из парней, высунувшись из окна.

От страха Франческо ничего не понял.

— Что ты молчишь, обезьяна? Никого не видно?

Франческо растерянно кивнул головой. Вор снова исчез в окне.

Раздался приглушённый шум. Похоже было, что кто-то осторожно передвигает шкаф... Франческо не мог понять, сколько времени прошло; ему казалось, что он стоит под окном долго, бесконечно долго...

Наконец он услышал шум и взволнованный шёпот. Воры вылезали из окна, по очереди передавая друг другу огромный мешок.

— Молодец! Право, молодец! На этот раз я тобой доволен.— Альбинос положил руку на плечо Франческо.

Но мальчик с ужасом оттолкнул его руку.

— Вор! — прошептал он, чувствуя, что к нему возвращаются силы.— Вор!.. Я больше не пойду с тобой! Я расскажу всем, какой ты!

Коротким ударом Альбинос сбил его с ног. Но Франческо закричал:

— Вор! Вор!

Нагнувшись, Альбинос снова ударил его.

— Замолчи или будешь помнить меня всю жизнь!

— Оставь его,— прошипел один из парней.— Не время сейчас этим заниматься... Бежим, пока никого нет... Завтра вечером встретимся.

Оба парня исчезли, утащив с собой мешок. Альбинос схватил Франческо за плечо и крепко двинул мальчика ногой.

— Иди впереди!

Франческо зашагал, прихрамывая. В глазах у него было темно, скорее от гнева, чем от слёз.

— Держи язык за зубами, не то берегись. Понял? — сказал Альбинос. Но через минуту он заговорил более миролюбиво: — Ты дурак. Ведь ты же можешь на этом выгадать... Понимаешь? Неужели тебе охота всю жизнь просить милостыню? Нам нужен шустрый мальчишка вроде тебя. Пораскинь-ка мозгами на досуге...

Но в голове Франческо вертелись всё те же два слова: «Скорее бежать, скорее бежать...»

Когда они вернулись к заводу, лагерь был погружён в сон. Франческо улёгся на соломе возле Доменико, спавшего в обнимку с пуделем.

Теперь, когда волнение улеглось, боль от побоев ощущалась острее. Но Франческо тревожила не боль, а тяжёлые мысли.

Весь остаток ночи он не сомкнул глаз и к утру окончательно решил: «Надо бежать, другого выхода нет!»

Едва только начало светать, он разбудил Анну.

— Чего тебе? — пробормотала девочка, с трудом поднимая голову.

— Слушай, надо бежать... Я не хочу сделаться вором! Не хочу помогать Альбиносу!

Альбинос сбил Франческо с ног.

Горячо и сбивчиво он рассказал о происшествиях этой ночи, повторяя всё время: «Нужно бежать»...

Когда он кончил, Анна сказала:

— Я сама давно так думаю. У меня есть деньги... Смотри!

Она сняла туфлю, подняла стельку и вытащила несколько бумажек.

— Я давно уже прячу понемножку. Как только он отвернётся, я и прячу...

— У меня тоже кое-что есть,— с гордостью сказал Франческо, вспомнив о монетах, оставшихся в кармане.— Видишь?

— Маловато,— произнесла Анна.— Но для начала ничего... Как только наберём на билеты, убежим. Только Доменико пока ничего не говори. Он ещё маленький, может разболтать.

ПОДГОТОВКА К ПОБЕГУ

Доменико стал замечать, что Франческо с Анной всё время о чём-то перешёптываются.

— О чём это вы? — спрашивал он.

Анна придумывала всякую ерунду.

— Мы видели летающего осла. Вот бы купить его! Наш фургон стал бы тогда самолётом.

— Какие вы глупые! — сердился Доменико.

Не раз он с удивлением замечал, что Франческо вынимает из клетки деньги и прячет их в ботинок.

— Если Альбинос заметит, тебе не поздоровится!

— А ты не говори!

— Я-то не скажу... А зачем они тебе?

— Хочу пойти с тобой в кино.

— А когда мы пойдём?

— Когда соберём деньги...

Теперь Франческо ложился спать в ботинках. Класть деньги в вещевой мешок он боялся: мешок лежал в фургоне, и Франческо не раз замечал, что в нём кто-то роется — то ли донна Тереза, то ли Альбинос.

Анне было ещё труднее.

Её пение нравилось, и люди щедро бросали ей деньги. Но Альбинос зорко следил за каждым её движением. Казалось, он заранее подсчитывал все деньги, падающие на мостовую.

И всё же Анне не раз удавалось припрятать хоть несколько бумажек. Она сжимала их в кулаке и, когда Альбинос отворачивался, прятала на груди.

По вечерам Анна и Франческо делились друг с другом своими успехами:

— Сегодня сто лир...

— У меня немногим меньше.

— Ещё неделя — и нам хватит на билеты!

Однажды Альбинос ушёл куда-то на целый день, и ребята отправились в город одни.

— Пойдём на вокзал,— предложила Анна.

— На вокзал? Зачем? — удивился Доменико.

— Там много народу. Будут хорошо подавать.

После долгих хождений по городу они очутились наконец перед огромным зданием вокзала, вошли в подъезд и поднялись по ступенькам...

Почти тотчас же их остановил полицейский:

— Куда?! Здесь не место нищим!

Анна собралась с духом:

— Мы пришли сюда не милостыню просить. Мы встречаем родственников, дядю... Скажите, пожалуйста, как пройти на перрон?

Полицейский подозрительно оглядел их:

— Какой поезд вам нужен?

— Дядя едет из Кассино...

Анна говорила очень искренно. К тому же как раз в это время прибывал поезд, и полицейский взглянул на ребят дружелюбнее. Он рассказал, где купить перронные билеты, и даже засмеялся, увидев, как они испугались проходящего паровоза.

И вот они на перроне. Вокруг множество поездов; одни прибывают, другие отходят... Под серой закопчённой крышей такой шум, что приходится кричать собеседнику прямо в ухо.

— «Милан — Рим»!—прокричал Франческо, читая надпись на одной из табличек.— Этот поезд идёт в Рим, видите? От Рима до нашего дома не так уж далеко!

— А зачем мы здесь? — прокричал Доменико.

— Тебе не нравится? — крикнул в ответ Франческо.

— Нравится!.. Но мы вернёмся с пустыми руками!

Вдруг они снова увидели полицейского, может быть, того самого, а может быть, и другого: в форме они все одинаковые... Так или иначе, ребята испугались и кинулись к выходу. В возбуждении они продолжали кричать и на площади, хотя тут не было поездов.

— Вот мы и узнали дорогу! — кричала Анна.— Мы знаем, где покупают билеты! Знаем, куда идти! Даже и спрашивать не надо, здесь повсюду надписи!

Только теперь Доменико начал кое-что понимать.

— Значит, вы решили бежать... Вы что же, хотите бежать без меня?..

Анна и Франческо, смеясь, успокоили его:

— Зачем без тебя? С тобой... Обязательно с тобой!

* * *

Дон Винченцо явно следил за ними. Даже Тереза, и та оглядывала их как-то подозрительно. Вечером, разливая суп, она пронизывала их острым взглядом своих глазёнок, как бы говоривших: «Не старайтесь! Не проведёте!»

Винченцо теперь особенно внимательно пересчитывал деньги по вечерам.

— Это всё?

— Здесь больше тысячи лир...

— Считать я умею... Но в Милане можно собрать и больше.

— Вы велели нам приносить по тысяче лир. А здесь — тысяча сто.

— Мы в Милане, а не в провинции...

После одного такого разговора, когда Франческо уже повернулся было, чтобы идти, Винченцо грубо схватил его за плечо и стал шарить под рубахой.

— Где ты их прячешь?

— Что?! Я ничего не прячу.

К счастью, хозяин так и не догадался заглянуть в ботинки Франческо.

(Окончание в следующем номере)

ЧТО ИЗОБРАЖЕНО НА ЭТОЙ ФОТОГРАФИИ?

Даже такой бывалый человек, как Андрейка Врушкин, не мог сразу припомнить, где он встречал эту диковинку.

В МОСКВУ.

С картины А. Макарова.
Вторая Всесоюзная выставка дипломных работ студентов художественных институтов СССР выпуска 1953 года.

ПОДМОСКОВНАЯ ЗИМА. С картины Г. Нисского.

России

Валентин Бычко

Перевод с украинского
В. Тушновой.

Рисунки В. Цельмера.

Ты не за горами,
ты не за лесами,—
в думах наших, в песнях,
что поются нами.
Только сердце знает,
как с тобой мы близко,
с нашею сестрою,
стороной российской!
В наших хатах смотрят
на тебя оконца,
от тебя утрами
всходит в небо солнце.
Все к тебе дороги,
от больших до малых,
нашим чистым рекам
ты даешь начало.
Мы к тебе стремимся
с радостью, с любовью:
сколько тёплой дружбы
в братском твоём слове!
Мы в семье единой,
под единым стягом.
Крепнет в нашей дружбе
сила и отвага.
Время нас не властно
разделить веками:
мы срослись корнями,
обнялись ветвями.
Сад цветами красен,
урожаем щедрым,
дружба наша — тем, что
вместе шли к победам.
Связаны мы крепко
той порою славной,
над которой блещет
булава Богдана.
Оттого теснее
дружбы нет на свете,
что народы наши —
ленинские дети.
Время нас не властно
разделить веками:
мы срослись корнями,
обнялись ветвями!

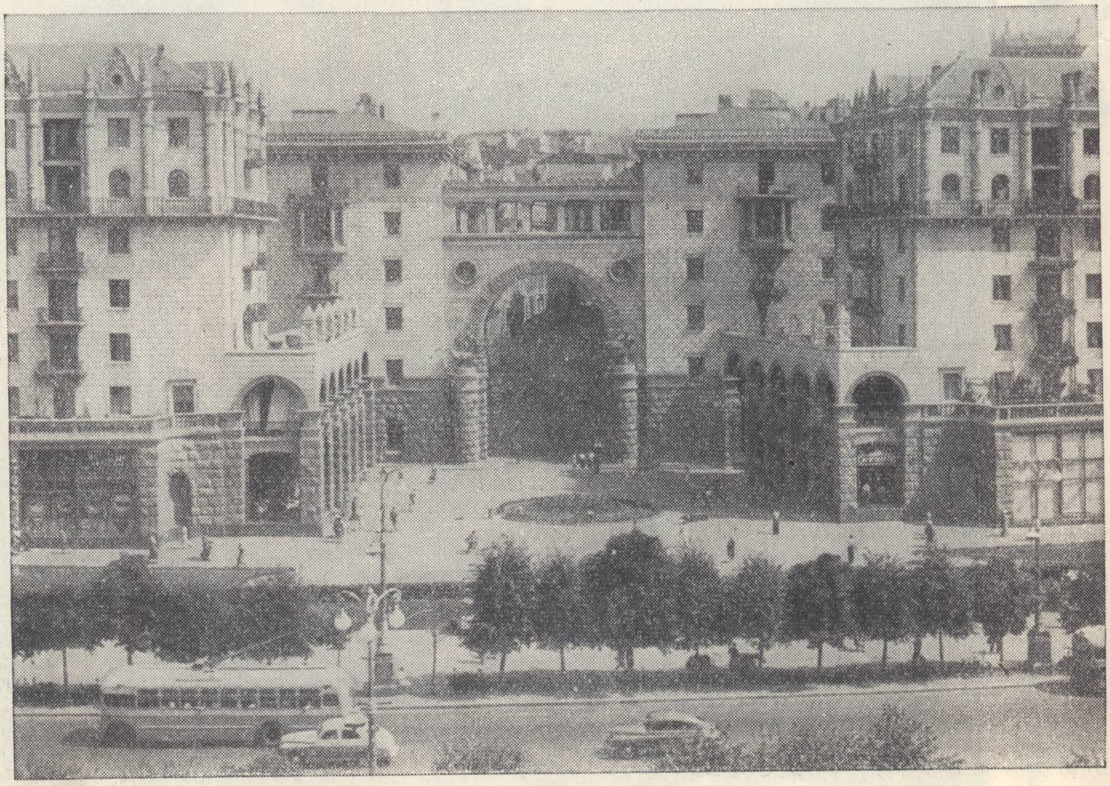

КИЕВ

Это Крещатик — главная улица Киева. Десять лет назад, когда город был освобождён от фашистских захватчиков, Крещатик лежал в развалинах. А всего враг уничтожил в Киеве около тысячи семисот зданий. И вот волею советских людей город снова поднялся из руин, ещё более прекрасный, чем был раньше.

Крещатик — любимое место народных гуляний — стал вдвое шире (снимок слева). Двадцать восемь новых чудесных домов должны украсить улицу. Многие из них уже построены. Это величественные здания, облицованные светлыми керамическими плитками. Керамикой издавна славятся украинские народные мастера, а теперь она нашла применение и в строительстве. Совсем недавно на Крещатике построен большой, похожий на сказочный дворец дом. В него уже въехали жильцы, а в первом этаже открылось несколько магазинов (снимок внизу).

Строительство идёт во всех районах Киева. За послевоенные годы в городе появилось сто

пятьдесят новых улиц. Они возникают так быстро, что для многих из них ещё не придумано названий, и они так и называются Новыми... Преобразились скверы и парки — гордость киевлян. На месте пустырей разбиты десятки красивых бульваров и цветников, высажено много молодых деревьев. Особенно красивы обновлённые берега седого Днепра. Летом днепровские кручи утопают в зелени. На снимке внизу — вид на набережную Днепра со стороны Почтовой площади.

Город отстраивает вся страна. И сегодняшний Киев — это одно из ярких свидетельств ленинско-сталинской дружбы народов нашей страны, и в первую очередь дружбы украинского и русского народов.

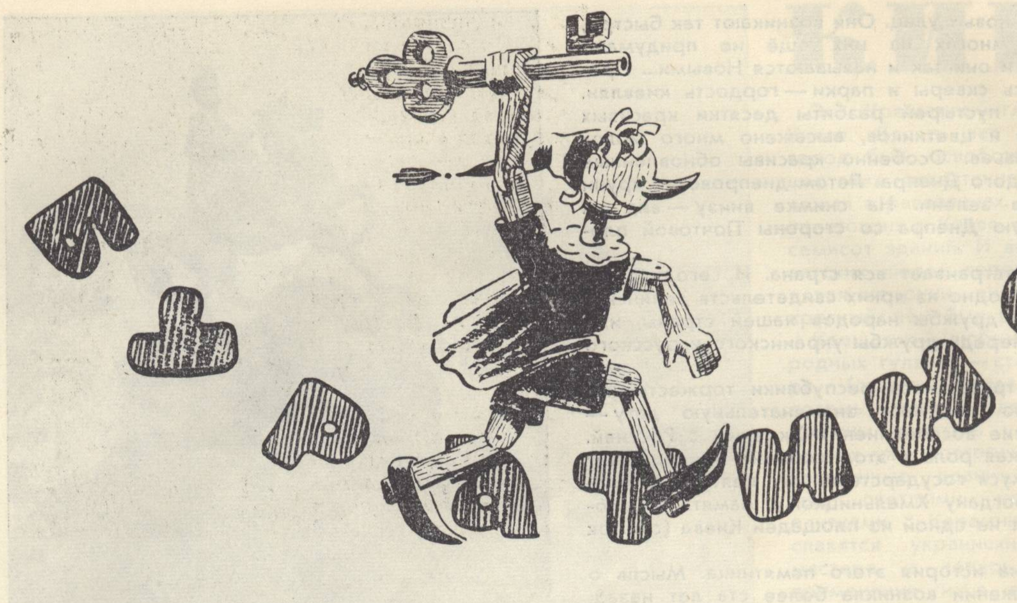
Сейчас трудящиеся республики торжественно и радостно отмечают знаменательную дату — трёхсотлетие воссоединения Украины с Россией. Историческая роль в этом событии принадлежит выдающемуся государственному деятелю и полководцу Богдану Хмельницкому, памятник которому стоит на одной из площадей Киева (снимок справа).

Интересна история этого памятника. Мысль о его сооружении возникла более ста лет назад, но царское правительство не отпустило на него средств. Тогда по всей России начался сбор денег на сооружение памятника. Открытие памятника состоялось 23 июля 1888 года.

Скульптор М. О. Микешин выразил в памятнике идею воссоединения: гетманская булава Богдана Хмельницкого указывает в сторону братской Москвы.

Е. Сперанский,
режиссёр Центрального театра кукол.

Рисунки В. Андриевича.

«Я ЖИТЬ ХОЧУ, А ТЫ: «ПОГОДИ!..»

Буратино!.. Кто не знает этого весёлого, озорного деревянного мальчишку, сделанного из сухого полена старым папой Карло?

О нём читали в сказке писателя Алексея Толстого, его видели в кино и на сцене Театра юного зрителя. Вот почему мы вначале сомневались, стоит ли делать ещё одного Буратино — в нашем Театре кукол. А вдруг ребята скажут: «У-у, читали, видели, знаем!», — и не пойдут к нам в театр, и наш спектакль будет идти при пустом зрительном зале?

— Подождём, — говорили мы на наших творческих совещаниях и собраниях, — подождём, посмотрим...

И не включали спектакль «Буратино» в репертуарный план.

Но когда мы перечитали сказку А. Толстого о приключениях деревянного человечка, о добром старом мастере папе Карло и о страшном Карабасе-Барабасе, мы вдруг ясно услышали тоненький, пронзительный голосок: «Ну и что же?! Я жить хочу, а ты: «Погоди!..» Делай, делай меня поскорее!»

Это кричал наш Буратино, он прямо-таки рвался на сцену кукольного театра из своей сказки. Он как будто говорил нам: «Смотрите, ведь ничего лучше для вашего кукольного театра и не придумаешь!.. Во-первых, я сам кукла... Ага, что? Призадумались? Во-вторых, мои товарищи — тоже куклы: Мальвина, девочка с голубыми волосами, — кукла, Пьеро — кукла! А благородный, храбрый пёс Артемон? А лягушки? А старая тётка Тортилла? А гнусный бандит кот Базилио? А хитрюга лиса Алиса? Да где же эту сказку и делать, как не в кукольном театре?! Ага, что? А вы говорите: «Подождём!»

И мы подумали: действительно, Буратино так и просится на сцену Театра кукол. И пусть родится на свет ещё один, наш, «кукольный» Буратино! Спектакль включили в план 1953 года — и работа закипела!

«...БЫЛ ПОЛЕНОМ — СТАЛ МАЛЬЧИШКОЙ!»

Если бы вы знали, сколько взрослых, серьёзных дядей и тётей завозилось вокруг этого деревянного озорника Буратино! Но ничего странного в этом нет, не так-то легко сделать спектакль из сухого полена. Ведь герой спектакля — Буратино, а Буратино сделан из сухого полена. Получится Буратино — получится и спектакль.

Но прежде всего нужно было инсценировать сказку, приспособить её для сцены. Перед автором инсценировки Е. Борисовой стояла трудная задача.

Нужно было из повествовательного произведения, сохранив все особенности языка, характеры персонажей и основные сюжетные положения, сделать произведение драматическое. Это было особенно трудно, потому что сказка известная, любимая. Надо было так ухитриться, чтобы вы, наши зрители, уходя со спектакля, не говорили разочарованно: «Ну, это не по Толстому!.. В сказке есть то-то и то-то, а в спектакле этого нет!»

Но нельзя в спектакле дать всё, что есть в сказке: тогда бы спектакль шёл не два часа, а двенадцать часов подряд, и актёров уносили бы со сцены на носилках, а зрители засыпали бы от утомления. Значит, необходимо было выбрать из сказки самое нужное, а от этого, конечно, менялись и состав действующих лиц и сюжетные положения. Надо было сделать это как можно незаметнее, сохранив «аромат» сказки.

— Хочу рот до ушей! — кричит Буратино папе Карло.

Итак, автор инсценировки первым включился в работу над Буратино. Почти одновременно с ним начал беспокоиться и художник спектакля В. Андриевич, который должен был изобрести конструкцию ширмы и написать декорации. Перед ним стояла не менее сложная задача. Дело в том, что в спектакле участвовали не только куклы, но и люди: старый мастер Карло, директор кукольного театра Карабас-Барабас и король — эти роли должны были играться живыми актёрами, или, как мы в таких случаях говорим, эти роли были в «человеческом плане». И так как куклы действовали не в своём, кукольном мире, а в мире людей, то декорации должны были быть в человеческом масштабе — большие, как на сцене обычного драматического театра. Сами понимаете, что сделать, например, декорации «комнаты папы Карло» в человеческом масштабе на сцене кукольного театра — вещь нелёгкая.

Но самая большая трудность была в том, что и люди и куклы действовали в спектакле одновременно. Вы не можете представить себе, до чего это усложняло работу художника. Ведь актёр, играя куклой, стоит на полу, а куклу держит на вытянутой руке, показывая её зрителю из-за ширмы. Теперь представьте, что сюда же входит персонаж в «человеческом плане», то есть с куклой встречается живой актёр. Как же произойдёт эта встреча? Если живой актёр подойдёт к кукле по настоящему полу (на котором стоит актёр, работающий этой куклой), то он не будет виден зрителям и встреча не произойдёт. Значит, нужно повышать пол для живых актёров. Но если вы повысите пол для «человеческого плана», то где же будут находиться актёры, работающие с куклами? Они не могут ходить по повышенному полу, потому что тогда они будут видны зрителю, а их куклы, которых они держат на вытянутой руке, полезут под самый потолок — и опять встреча человека с куклой не произойдёт... Заколдованный круг! А у автора уже намечалось немало таких встреч, например, папа Карло учит Буратино ходить (Карло — человек, Буратино — кукла), или король Тарабарский смотрит кукольное представление, или Карабас-Барабас гоняется за Буратино вокруг дерева (в сцене «закручивания бороды» Карабас-Барабас — человек, Буратино — кукла), и еще много других таких сцен намечалось у автора, где «кукольный план» и «человеческий план» действовали одновременно.

Художник решил эту сложную задачу: человек и кукла у него встретились. Правда, играть было тесновато и куклам и людям, но, как говорится, «в тесноте, да не в обиде»... А ещё можно прибавить: «Тесно, но зато интересно». В самом деле, представьте себе огромного, страшного Карабаса-Барабаса в «человеческом плане»; в одной руке он держит маленькую, хрупкую Мальвину, а в другой — худенького, тщедушного Пьеро... Он трясёт их, рычит: «Говорите, где Буратино?! Отвечайте, а не то полетите в печку!» От этой сцены дух захватывает, и всё оттого, что большой человек встретился с маленькими куклами.

Итак, художник Андриевич погрузился в сложные расчёты «сценического пространства» спектакля и начал писать эскизы будущих декораций.

Но у нашего деревянного озорника были не один, а два художника. Художник Вера Терехова села за эскизы кукол, и, конечно, в первую очередь она стала думать о самом Буратино... Ведь он главный герой, да к тому же ещё и деревянный... Надо было так «решить», как говорят художники, эту куклу, чтобы зритель сразу узнал своего любимца и по внешнему образу

и по материалу, из которого он сделан. Кроме того папа Карло делает Буратино из сухого полена на глазах у зрителей. И надо было выдумать «трюк» рождения Буратино. Делать его на каждом спектакле по-настоящему, то есть резать из дерева, приделывать ручки и ножки, рисовать глаза и т. д., невозможно, тогда весь первый акт ушёл бы на вырезывание одного длинного, журавлиного носа Буратино. Нет, Буратино должен быть сделан скоро, легко, интересно, — одним словом, «театрально». Опять сложная задача! И поэтому куклу Буратино сочиняли оба наших художника; и к ним на помощь пришёл художник-конструктор Колобков, выдумщик театральных чудес и трюков. Все три художника разработали «схему рождения» Буратино, и теперь актёр Попрыкин, играющий папу Карло, мог сделать Буратино на глазах у зрителей, легко и скоро, напевая песенку о короле... Быстро раскалывается «трюковое» полено, едва папа Карло прикасается к нему топором, несколько ударов стамеской — и появляется голова Буратино, а к концу песенки старый мастер Карло уже говорит:

— Деревянные глазки, что вы на меня так странно смотрите?

Секрет этого быстрого рождения Буратино начинался с «трюкового» полена. Это полено было расколото заранее и держалось на проволочном стержне. Стоило актёру потянуть стержень вниз — и полено распадалось само собой, нужно было только делать вид, что ударяешь по нему топором. А затем актёр — папа Карло — начинал работать за верстаком. Но верстак наш с прорезью в середине, которую зритель не видит. Папа Карло клал необработанный кусок дерева на верстак, а другой актёр снизу просовывал руку в прорезь, забирал необработанное полено и подавал папе Карло уже гладкую доску с начерно вырезанной головой Буратино. Вот из таких незаметных «подмен» и состояла «схема рождения» деревянного человечка. Теперь ему оставалось сделать только рот, чтобы Буратино заговорил...

«ХОЧУ РОТ ДО УШЕЙ!..»

Скоро, скоро заговорит Буратино!

Вот уже мастер-конструктор Колобков отмеривает тонкую, как струна, леску «сатурн», которую любители-рыболовы считают самой прочной в мире. Но «сатурн» нужен Колобкову не для вытягивания щук и окуней, а для... открывания рта Буратино. Если вы возьмёте в руки «голого» Буратино (у нас три Буратино: «голый», «одетый» и «мокрый»), то вы обнаружите в его деревянной спине несколько рычажков. К этим рычажкам идёт леска «сатурн», пропущенная сквозь туловище куклы. Двинешь одним рычажком — и Буратино скосит глаза налево, а затем направо. Двинешь другим — и Буратино откроет рот до ушей. Скоро, скоро заговорит Буратино!

И вот уже артистка Ольга Тарасова ходит по улицам, не замечая светофоров и переходов: она думает о голосе Буратино. Какой голос у этого маленького деревянного человечка? Ведь зритель не должен догадываться, что за него разговаривает взрослая женщина, у которой уже есть дочка Леночка, ученица 1-го класса. Теперь леночкина мама сама должна превратиться в мальчишку, да еще только что родившегося из сухого полена!..

И артистка Тарасова так занята «голосом Буратино», что, входя в магазин, вместо: «Дайте мне двести граммов масла», говорит продавцу: «Хочу рот до ушей!..»

Но не одна Тарасова «мучается» ролью. Для всех актёров наступает этот страшный и в то же время радостный момент встречи со своей новой ролью, со своими куклами, которые уже одна за другой выходят из мастерской театра.

И артист Попрыкин — папа Карло, и артист Синельников — Карабас, и артист Мелисарато — король, и артистка Оттен — ночная птица, и другие актёры и актрисы «вживаются в свои роли», думают об образе, о голосе, о движениях своих кукол. Артист Вальтер — Артемон — учится рычать и лаять, а артистка Сироткина на вопрос: «Который час?» — вдруг возьмёт да прошипит: «Я Шушера, я крыса Шушера!»...

Вот видите, сколько взрослого, солидного народу уже включилось в работу — и всё из-за этого деревянного озорника Буратино!..
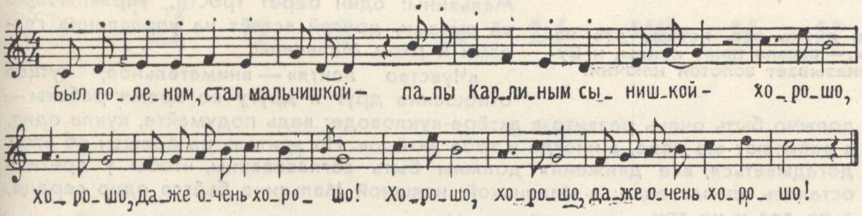
«ХОРОШО, ХОРОШО, ДАЖЕ ОЧЕНЬ ХОРОШО!»

Пока художники рисовали эскизы кукол и декораций, актёры учили роли, мастера-конструкторы выдумывали чудеса и трюки, режиссёры-постановщики Э. Мэй и Е. Сперанский работали со всеми одновременно: и с актёрами, и с художниками, и с авторами инсценировки, и с композитором спектакля Н. Александровой. Впрочем, в обсуждении музыки, и особенно песе-
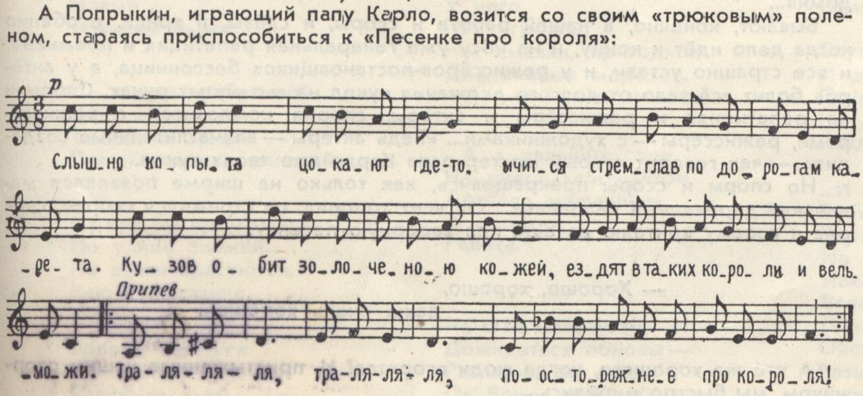

На этой фотографии вы видите друзей Буратино: папу Карло, пуделя Артемона, девочку с голубыми волосами — Мальвину (она разучивает свой вальс), грустного Пьеро, ловких братьев-акробатов и Малютку.

нок, принимали участие все актёры. Вот композитор принёс песенку Буратино, и репетиция прерывается, все во главе с Тарасовой-Буратино бегут к роялю и поют «с листа», стараясь уловить мелодию:

Прибывает на репетицию «полька Карабаса» — и опять все бегут к роялю, и поют басом: «Птичка польку танцевала...»

А Попрыкин, играющий папу Карло, возится со своим «трюковым» поленом, стараясь приспособиться к «Песенке про короля»:

«Карабас-Барабас, не боимся очень вас, потому что навсегда прикрутилась борода», — весело поют куклы, и Буратино торжествующе показывает золотой ключик.

На этом первом куплете папа Карло должен был обтесать полено...

Потом он вырезал стамеской голову Буратино и при этом пел второй куплет песенки:

Но не бывало такого на свете,
Чтобы вдруг нищий — да ездил в карете,
Нищему только бы корочку хлеба,
Досыта моря и досыта неба, —
Тра-ля-ля-ля,
Тра-ля-ля-ля, —
Всё остальное у короля!

А теперь он должен был продрать голову Буратино шкуркой, чтобы она сделалась совсем круглой, и спеть третий куплет:

Вдоль по дороге мчится карета,
Бедному парню шагать до рассвета,
Видно, уж доля бродяги такая —
Песенки петь, по дорогам шагая,—
Тра-ля-ля-ля,
Тра-ля-ля-ля, —
Всё остальное у короля!..

А вот кукла Мальвина, девочка с голубыми волосами, уже пробует станцевать свой первый вальс.

— Мне нужны помощники! — кричит актриса Бальде.— Я не могу одна справиться с танцем! Одной рукой я держу корпус Мальвины, другой — правую трость, которая управляет рукой Мальвины; кроме того мне надо работать ртом Мальвины и открывать и закрывать глаза Мальвине... Кроме того на словах «юбочка, как колесо» Мальвине надо взяться двумя руками за юбку, слегка приподнять её и начать кружиться... Кто всё это будет делать? У меня всего две руки, а тут нужно, по крайней мере, восемь!

И вот назначаются помощники на танец Мальвины: один берёт трости, управляющие её руками, другой встаёт на управление глазами и ртом Мальвины.

«Чувство локтя» — внимательное, чуткое отношение друг к другу во время работы — должно быть очень развито в актёре-кукловоде: ведь подумайте, кукла одна, а работают ею двое, а иногда и трое актёров. Но зритель не должен об этом догадываться, все движения должны быть согласованны, чтобы у зрителя осталось впечатление: в маленькой, изящной Мальвине бьётся одно сердце, а не два и не три.

Без этого «чувства локтя», без дружбы и товарищеского отношения друг к другу не выйдет спектакля в театре кукол! Он рассыплется, как карточный домик...

Бывают, конечно, в нашей работе и ссоры, и слёзы, и крики, особенно когда дело идёт к концу, и на носу уже генеральная репетиция и премьера, и все страшно устали, и у режиссёров-постановщиков бессонница, а у актёров болит всё тело от долгого держания кукол на вытянутых руках. Спорили на репетициях и режиссёры и актёры, спорил композитор с режиссёрами, режиссёры — с художниками... «Ведь актёры — впечатлительные создания», — как говорит старый мастер папа Карло про своих кукол.

Но споры и ссоры прекращались, как только на ширме появлялся маленький деревянный человечек... Он всех торопил, он стремился скорее, скорее к своему зрителю да ещё пел задорную песенку:

— Хорошо, хорошо,
даже очень хорошо!..

А что же хорошего, когда люди ссорятся? И, пристыженные нашим озорником, мы быстро мирились...

«ДЕЛАЙ, ДЕЛАЙ МЕНЯ ПОСКОРЕЕ!»

Пока актёры репетировали, в мастерской театра доделывались кукольные головы из папье-маше, дошивались костюмы, красились меха для шкуры кукол-зверей: пуделя Артемона, кота Базилио, лисы Алисы, крысы Шушеры. На все эти дела нужны умелые руки. А в это же время наши электрики думали вместе с художником об освещении картины «Спальня короля», чтобы было видно, как Буратино залезает в сапог, и в то же время сохранилось впечатление сумрака: в спальне горит одна свеча... Или чтобы в картине «Пруд», со дна которого Буратино должен достать ключик, луна отражалась в воде... Это называется на нашем театральном языке «поставить свет картины».

А радисты в это время записывали на плёнку «плеск воды» и отдалённый звук шарманки, под которую папа Карло рассказывает Буратино сказку о самом себе...

А в это же время рабочие сцены под руководством машиниста сцены Олега Иванова уже примеривались, как поскорее менять картины, чтобы вы, зрители, не скучали во время перестановок.

Все цехи театра включились в работу, всех подгонял тонкий, пронзительный голосок из репетиционной комнаты:

— Делай, делай меня поскорее!..

И вот уже директор и главный режиссёр театра Сергей Владимирович Образцов заходит в репетиционную комнату со словами:

— Действительно, давайте поскорее — через неделю премьера!

И ещё горячей закипает работа...

...И вот наступает решительный день — премьера!.. Зрители шумной толпой входят в зрительный зал и занимают свои места... Третий звонок!!!

Теперь очередь за зрителем, ему на суд мы отдаём своего любимца... Своим смехом, слезами, тишиной, аплодисментами или, наоборот, кашлем, разговорами во время действия и позваниваньем номерков от пальто зритель покажет нам, где у нас удача, а где мы ошиблись, где у нас скучные места, а где весело, и, наконец, скажет нам самое главное: зря или не зря работало столько людей над озорным деревянным человечком по имени Буратино!

Два лыжника

Я. Аким

С начала зимы
В коридоре я вижу
Роскошные,
Новые
Вовкины лыжи:

На марке фабричной
Цветные олени,
Сверкают замки
Полужёстких креплений.

На них бы промчаться
По улице зимней...
Но лыжи красуются,
Как в магазине.

Володя кататься
Не пробовал даже:
Какую-то мазь
Не нашёл он
В продаже.
Спортивный сезон
У него
Под угрозой:
Нет смазки, пригодной
Для слабых морозов.

...А в дальнем селе,
На снегу непримятом,
Другого мальчишку
Я встретил,
Ребята.

Не стал мальчуган
Дожидаться обновы —
Распарил он доски
От бочки дубовой.
Распарил, согнул
Со стараньем особым,
По валенкам сам
Ремешки приспособил,

Спустился к оврагу —
И ринулся с кручи,
Покрепче ушанку
На лоб
Нахлобучив.

...И кажется,
Этот
Парнишка бедовый
На лыжах своих
Накатается
Всласть,
Пока мой сосед,
Обстоятельный Вова,
Разыщет мудрёную
Лыжную мазь!

Почему и Отчего

Дорогая редакция!

Мы были очень возмущены, узнав, что чанкайшистские бандиты с Тайваня задержали транспортные корабли с грузами из Польши и Чехословакии, закупленными Китайской Народной Республикой, и конфисковали их. Мы надеялись, что Чан Кай-ши будет наказан за этот открытый грабёж, но, к сожалению, до сих пор этого не произошло.

Дорогая редакция! Просим вас рассказать о мерах, предпринятых Организацией Объединённых Наций против подлых действий чанкайшистских банд. Ведь Организация Объединённых Наций призвана охранять интересы всех стран и народов, мир на Дальнем Востоке и во всём мире.

Владимир Цветков, Владимир Беликов,
Виктор Черкасов, Александр Миронов,
Владимир Матронов,
учащиеся средней школы.
Село Бабынино, Калужской области.

Почему пираты остаются безнаказанными

Ваше возмущение пиратскими действиями бандитов Чан Кай-ши, укрывшихся на острове Тайвань, вполне справедливо и обоснованно. Остров Тайвань, принадлежащий Китаю, захвачен американскими империалистами. Они устроили там свои военно-воздушные и военно-морские базы. Ещё в июне 1950 года, за два дня до нападения интервентов на Северную Корею, американское военное командование решило установить над Тайванем свой полный контроль. Пользуясь этим, пираты Чан Кай-ши стали нападать на торговые корабли, везущие товары в Китайскую Народную Республику. Так, они захватили польский пароход с грузом для Китая и ещё несколько кораблей других стран.

За пиратские действия чанкайшистов несут полную ответственность их американские хозяева и покровители, которые снабдили пиратов военными кораблями, самолётами, оружием, боеприпасами, топливом. Военно-морские силы и авиация американцев прикрывают разбойничье гнездо чанкайшистов на Тайване, охраняют его от ударов Народно-освободительной армии Китая.

Вот почему чанкайшистские пираты остаются пока безнаказанными.

Конечно, Организация Объединённых Наций, которая должна была бы стоять на страже мира, была обязана вмешаться и взять под защиту вполне законную торговлю иностранных государств с Китаем. Но она этого не сделала, и нет основания думать, что сделает. Дело в том, ребята, что ООН тоже охраняет тайваньских разбойников. Большинство членов ООН, следуя американской указке, продолжает терпеть в своей среде гоминдановского «представителя», который нахально именует себя «представителем Китая», а подлинных представителей Китая в ООН нет: их туда не пускают по требованию всё тех же американских империалистов.

Китайский народ сам освободит свою исконную территорию — остров Тайвань, который составляет провинцию Восточного Китая. Он рассчитывает на свои силы, а не на ООН. А сил у нового, демократического Китая достаточно!

И. Ермашев

Дорогая редакция!

Прошу вас ответить мне, встречаются ли среди ископаемых остатков животных целые трупы?

Лида Волкова.
Село Красное Поселение,
Куйбышевской области.

Они жили много тысяч лет назад...

На территории нашей страны известно много «кладбищ» различных позвоночных животных.

Одно из крупнейших было открыто в конце прошлого века на реке Малая Северная Двина профессором Владимиром Прохоровичем Амалицким. После многолетних поисков и раскопок ему удалось найти несколько полных скелетов земноводных и пресмыкающихся, живших почти сто семьдесят миллионов лет назад. Они теперь составляют знаменитую Северо-Двинскую галерею Палеонтологического музея Академии наук СССР. В ней имеются цельные скелеты крупных (до

3,5 м в длину), неуклюжих растительноядных щекастых ящеров-парейазавров, хищных, звероподобных иностранцевий и других.

В музее хранится и гигантский, пятиметровой высоты скелет носорога-индрикотерия, жившего около двадцати миллионов лет назад. Скелет его найден в Казахстане.

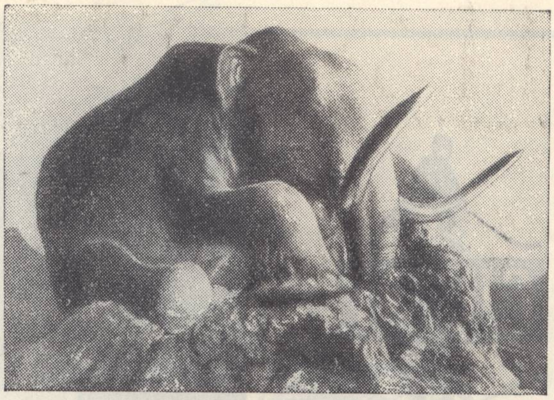
Полные остатки животных находили также в ископаемой смоле — янтаре, нефти, в мёрзлых грунтах и льдах. В Сибири, в слое вечной мерзлоты, найдены трупы слонов — мамонтов, носорогов, бизонов, овцебыков, у которых сохранились не только скелеты, но и мускулы, кожа. Провалившись в ледниковую трещину, погибнув в ледниковых оползнях или увязнув в болоте, которое потом промёрзло, они уцелели до наших дней.

Об одной из таких интересных находок я и расскажу.

Весной 1900 года в Академию наук пришло известие, что в Восточной Сибири, на реке Берёзовке, которая впадает в Колыму, среди дикой тайги охотники нашли замороженное тело громадного зверя. Посланная Академией наук экспедиция увидела на берегу реки труп мамонта, который много тысяч лет назад свалился в ледяную трещину и погиб. Во льду, замороженный, он сохранился до наших дней. Оттаявшая, размытая рекой земля обрушилась и оголила труп мамонта, он начал гнить, часть мяса обглодали волки и другие хищники. Но в общем он хорошо сохранился. Уцелели многие внутренние органы, мышцы, кожа и длинная, грубая, рыже-бурая шерсть. Даже остатки растений, которыми питался мамонт, сохранились у него в желудке и на зубах.

Сотрудники экспедиции разделили труп на части и привезли его в Зоологический музей Академии наук, где чучело мамонта стоит и до сего времени в том положении, в котором он был найден. Рядом с чучелом выставлены отдельные внутренние органы этого мамонта.

Три года назад на полуострове Таймыр был найден полный скелет мамонта с остатками кожи и мяса. Он также выставлен в Зоологическом музее Академии наук СССР.

В таком виде был найден мамонт в 1900 году на реке Берёзовке (Восточная Сибирь).

Мамонт — это крупный волосатый слон, похожий на индийского слона. У него были большие изогнутые резцы-бивни и очень сложные коренные зубы.

Трупы ископаемых животных находили также и в озокерите, горном нефтяном воске. В 1929 году в озокеритовых отложениях в Старуни, Станиславской области, найден целый законсервированный труп волосатого носорога.

Ребята! Если кому из вас удастся обнаружить остатки древних животных, вы ни в коем случае не производите сами раскопки: без необходимых навыков вы можете повредить или совсем разрушить их. Сообщите о своей находке в местный краеведческий музей или в Палеонтологический институт Академии наук СССР (Москва, Большая Калужская, 33).

Б. А. Трофимов,
старший научный сотрудник
Палеонтологического института
Академии наук СССР.

Гигантские носороги — индрикотерии.

Прогулка на лыжах в горах.

ЭСТАФЕТА

Л. Фридман

В шестой класс, где училась Маруся Голубева, тренером по лёгкой атлетике была назначена Валя Савельева. Узнав об этом, шестиклассницы обрадовались: ещё бы, ведь Валя — чемпионка школы! В сорок пятой школе города Горького давно существует хорошее правило: умеешь сам — научи других. Чемпионка города по конькам Жанна Баскова тренирует группу конькобежцев, сильнейшая лыжница школы Наташа Кусакина занимается с лыжниками.

После уроков Валя повела девочек в физкультурную комнату.

— Видите, сколько спортивных наград завоевали спортсмены нашей школы! — Валя указала на шкаф в углу комнаты.

За стеклянными дверцами шкафа поблёскивали серебряные и стеклянные кубки, лежали вымпелы и почётные грамоты.

— Валя, скажи, почему в шкафу на всех полках тесно, а одна совсем пустая? — спросила Маруся Голубева.

— Это для будущих кубков,— сказала Валя.— И один кубок обязательно появится здесь в этом году. Пятнадцать лет удерживали мы этот кубок, а в прошлом году проиграли. Надо обязательно его вернуть. И постараться больше не отдавать. А для этого нужно, чтобы в школе у нас как можно больше девочек научились хорошо бегать, стали хорошими спортсменками. Вот скажи ты, Голубева,— повернулась Валя к Марусе,— почему ты не занимаешься спортом? Мне думается, из тебя вышла бы хорошая бегунья.

— Да я и сама давно хотела,— сказала Маруся. Вслед за другими своими одноклассницами она записалась в секцию, в группу Вали Савельевой.

Шли дни, недели, проходили одна за другой тренировки. Маруся аккуратно ходила на них, но дела у неё шли неважно.

«...Почему так бывает,— думала Маруся,— когда стоишь в стороне и смотришь, как по гаревой дорожке бежит спортсменка, кажется, что можно бежать и быстрее, а вот когда сама...»

Маруся выходит на старт. Звучит команда... «Быстрее, быстрее!» — подгоняет себя Маруся, но бежать уже нет сил, не хватает дыхания... Вот наконец-то и финиш!

— Одна минута сорок пять секунд, — объявляет Валя Савельева.— Результат неважный; на средних дистанциях это худший результат за сегодняшний день.

Маруся уныло бредёт с тренировки домой и думает: «Ничего из меня не получится. Бросить и не позориться лучше».

Вечером к ней домой неожиданно пришла Валя.

— Знаешь, Маруся, всегда так бывает вначале.

Ты ещё просто мало тренировалась. В этом вся беда. Поэтому и дыхание у тебя неправильное, неритмичное. Вырабатывай постепенно свой ритм дыхания. Когда будешь тренироваться, дыши как можно ровнее, чтобы вдох был глубоким, а выдох сильным и полным...

Вот ты всё время на тренировках стараешься пробежать дистанцию в полную силу. Так ты никогда не отработаешь технику. Начинать, Маруся, надо с медленных пробежек...

«Хорошо тебе, чемпионке, рассуждать»,— подумала Маруся, но советов Вали всё-таки послушалась.

Иногда она одна приходила на спортивную площадку. Пробегала, не торопясь, дистанцию, отдыхала и снова бежала. Маруся сама замечала, что теперь ей бежать легче.

— Ну, проверим твои результаты,— сказала как-то на тренировке Валя.

Секундомер показал одну минуту тридцать девять секунд — на шесть секунд меньше, чем раньше.

— Теперь займись бегом с ускорениями,— посоветовала Валя.— Знаешь, как это делается? Бежишь сперва размеренно, потом постепенно набираешь скорость, идёшь с предельной скоростью и тотчас же снижаешь её, постепенно переходишь на ходьбу.

Через месяц марусин результат стал одна и тридцать три секунды.

«Как хорошо умеет Валя учить,— думала Маруся.— И откуда она всё знает?»

Маруся не представляла себе ещё тогда, как много работает Валя, старательно обдумывая тренировку каждой девочки, читает книги по спорту, как часто приходится ей обращаться за помощью к Зинаиде Сергеевне.

Маруте и в голову не приходило, что специально о ней, о Марусе, советуется Валя с Зинаидой Сергеевной.

— Надо, чтобы Маруся верила в свои силы,— говорила учительница.— И надо, чтобы заниматься ей было интересно. Побольше давай ей самой думать, не диктуй. Она человек инициативный, пусть сама соображает. Вспомни, как тебя учила Галя Никитина, когда была тренером вашего класса. Кстати, тебе пора уже разбирать

с группой тактику бега, вот и поговори с Марусей о тактике.

— Послушай, Маруся,— говорила Валя на тренировке,— как ты будешь вести себя в таком случае? Вот ты бежишь на соревнованиях, дистанция — пятьсот метров, половина дистанции идёт по ровному месту, а дальше крутой подъём. Как ты распределишь силы?

— Надо начинать бег изо всех сил,— отвечает, подумав, Маруся,— подъём возьму по инерции.

— Инерции на подъём не хватит. Ведь подъём-то метров в двести!

— Тогда на подъёме поднажму,— неуверенно отвечает Маруся.

— Но ведь ты уже устала, потому что сгоряча израсходовала силы на первых же метрах. И на подъёме тебя обойдут.

Маруся понимает, что ошиблась, начинает решать задачу снова. После раздумья приходит правильное решение: надо экономить силы для подъёма.

— Разберём ещё один случай: спортсменка, с которой ты соревнуешься, не умеет сразу взять нужный темп, набирает скорость медленно. Как тебе надо поступить?

— Надо использовать слабость соперницы, обогнать её в начале дистанции и постараться удержать разрыв до конца.

— Верно.

Так постепенно осваивала Маруся науку бега. Скоро результат Маруси Голубевой стал одна минута двадцать девять секунд, такой же, как у Люси Талановой, одной из сильнейших спортсменок школы. И когда спортивный совет составлял команду для участия в эстафете на приз «Горьковской правды», Марусю по предложению Вали включили в команду.

В день соревнований на площади Минина и По-

жарского, у стен горьковского кремля, собрались сотни болельщиков. Ученицы сорок пятой школы пришли, конечно, все. Завоюют ли спортсменки школы почётный кубок?

И вот раздаётся выстрел стартёра. На первом этапе идёт Нюра Романова. Она начала бег сильно, но не выдержала темпа, замедлила шаг и отстала. Её обогнали спортсменки других школ.

— Не видать нам кубка,— заволновались болельщицы из сорок пятой школы.

Но впереди были ещё девять этапов...

На втором этапе Зина Анисимова финишировала шестой. А на следующем Клава Никишина передала эстафету третьей. Маруся Селиверстова и Тамара Горбунова ещё уменьшили разрыв. Но всё же, когда Маруся Голубева на шестом этапе приняла эстафету, впереди бежали две соперницы.

Этап у Маруси трудный: с половины дистанции начинается крутой подъём.

«Надо экономить силы для подъёма»,— мысленно твердит Маруся.

На занятиях секции они решали такую задачу. Но насколько труднее решить её здесь, на глазах сотен зрителей, когда тебе кричат: «Нажми! Что же ты отстаёшь?» Какая нужна выдержка, чтобы бежать не в полную силу, когда впереди две соперницы стремительно летят к финишу! Расстояние между ними и Марусей всё увеличивается. Как хочется изо всех сил рвануться вперёд, достать соперниц... Нет, ещё метров десять надо пройти спокойно, нельзя уставать... А соперницы уходят всё дальше. «Нажми!» — разрешила сама себе Маруся, и будто крылья выросли за спиной — быстрее, ещё быстрее. На подъёме она обогнала одну девочку и эстафету передала рядом с лидером.

Ещё три этапа... И наконец торжественный голос диктора объявил по радио:

— Кубок выиграли спортсменки сорок пятой школы.

...На занесённом снегом школьном дворе собрались пятиклассницы с лыжами. Сейчас начнутся занятия секции.

Во дворе появляется Маруся Голубева.

— Здравствуйте, девочки. Совет физкультуры назначил меня тренером вашего класса.

— Это Голубева,— перешёптываются девочки.— Бегает очень хорошо и лыжница сильная.

Маруся выстраивает девочек в колонну и командует:

— Вперёд!

Лыжницы гуськом идут вдоль двора.

— Длиннее шаг! Ровнее, ровнее дыхание! Так, хорошо...

Маруся внимательно следит за каждой девочкой. Вот одна лыжница начинает отставать от подруг. Она старается изо всех сил, но делает много лишних движений и поэтому идёт медленно.

— Подойди сюда,— зовёт её Маруся, когда тренировка подходит к концу.— Тебе надо шаг отработать, мы с тобой отдельно позанимаемся. И не вешай носа!..

— Хорошо тебе, Маруся, говорить. Ты, наверное, никогда не приходила последней...

Маруся смотрит на расстроенное лицо девочки, и ей вспоминается, как трудно было вначале, как много помогала ей Валя.

— Ничего, научишься,— говорит Маруся.— Я тебе помогу. Станешь хорошей спортсменкой, ещё сама будешь младших девочек обучать... Это как эстафета: Валя получила её, передала мне, я — вам, а вы понесёте дальше.

Лёнькина слава

А. Хмелик

Рисунки В. Константинова.

У нас во дворе лучшим конькобежцем считался Лёнька Чиркин, по прозвищу «Лёнька — высший класс». Когда он выходил на лёд, малыши бросались врассыпную и, пока Чиркин был на катке, тихо стояли в сторонке. Да что там малыши! Мне и то бывало страшновато оставаться на льду вместе с Лёнькой. Он мчался по катку так, что подымались снежные вихри и лёд повизгивал под коньками.

— С дороги, куриные ноги! — кричал Чиркин. — Высший класс показываю!

Однажды, когда Лёнька показывал свой высший класс, Коля попробовал было не уйти с катка. Ничего хорошего из этого, конечно, не получилось. Чиркин сгрёб Колю в охапку, посадил в самый большой сугроб и ещё сверху снегом засыпал: Коля ведь на целых четыре года моложе Чиркина и едва-едва достаёт ему до пояса.

— Не путайся под ногами, — сказал Лёнька, глядя, как Коля барахтается в снегу.

К счастью для наших малышей, Чиркин редко катался во дворе, хотя каток у нас был хороший.

— Разве тут развернёшься по-настоящему? — говорил он и, захватив длинный проволочный крюк, выезжал в переулок. Дождавшись какого-нибудь грузовика, он цеплялся крюком за борт и так, на буксире, выезжал на улицу.

— Высший класс! — вопил он. — Учитесь, пока я жив!

Иногда Лёнька затевал игру в хоккей. Его клюшкой был тот же проволочный крюк, а вместо шайбы мы брали ледышку побольше. Впрочем, «Высший класс» предпочитал играть один, чтобы безо всяких помех забивать голы во все ворота нашего переулка. Лёнька был очень неравнодушен к вниманию зрителей и, если видел, что какой-нибудь прохожий поглядывал на него, старался изо всех сил: бросал в ворота ледышку через голову, катился поперёк улицы вперёд спиной или на одной ноге...

Только одному человеку старался не попадаться на глаза Лёнька — нашему дворнику Федотычу, хотя и производил на него самое сильное впечатление. Едва завидев в переулке Чиркина с проволочным крюком, Федотыч тотчас бросался вслед за Лёнькой, крича на ходу:

— Я тебе сейчас покажу высший класс!

Состязания Федотыча и Чиркина всегда проходили очень напряжённо, как говорят, «в острой спортивной борьбе».

Однажды к нам пришли ребята из соседнего дома и предложили:

— Давайте в хоккей сыграем. У вас команда есть?

Я хотел сказать, что команду мы ещё не организовали, но Лёнька меня опередил:

— Команда? Конечно, есть. Высший класс командочка! Я капитан. А где играть будем: в вашем конце или в нашем? У нас мостовая ровнее...

— А зачем нам мостовая? — сказал капитан соседей. — У вас вон какой каток! Здесь не то что с шайбой, даже в русский хоккей сыграть можно. Вы какой предпочитаете?

— Ну, на катке, так на катке, — согласился Лёнька, не отвечая на последний вопрос. — Вы бегите побыстрее надевать коньки и берите, что там надо...

Пока соседи ходили за коньками, Лёнька быстро распорядился:

— Я буду центр нападения. Ты иди на правый край, ты — на левый, вы оба — в защите, а Колька пусть в воротах стоит. Там всё равно работы не будет. Шайбу они не получат.

Как только началась игра, Чиркин действительно тотчас завладел шайбой и помчался к воротам противника. Двое защитников бросились ему наперерез.

— Пасуй сюда! — кричал я.— Пасуй сюда!

Но Лёнька ничего не слушал, он растолкал кулаками защитников и забил первый гол.

— Не считается! — хором заголосили защитники.

— Всё считается! — откликнулся Лёнька. — Правильный гол! Высший класс!

С каждой минутой Чиркин всё больше входил в азарт. Он гонялся за шайбой по всему полю. Он уже не разбирал, кто здесь свой, кто чужой, и путал нам всю игру.

Вокруг катка собралось много народу, даже Федотыч пришёл. И вот на глазах всего двора мы терпели позорное поражение. Когда шестой раз шайба влетела в наши ворота, Федотыч сунул два пальца в рот и оглушительно свистнул.

— С поля! — закричал Федотыч.— Чиркин всю игру портит!

— Чиркина с поля! — подхватили малыши.

Игра остановилась. Тогда я подошёл к Чиркину и сказал:

— В самом деле, Лёнька, пойди-ка ты лучше на улице покатайся. Не путайся тут под ногами, не мешай!

Лёнька так глянул на меня, что я подумал: не миновать драки. Ребята подошли на всякий случай поближе ко мне. И вдруг Лёнька повернулся, перелез через бортик и зашагал к дому. Он понял, что за меня сейчас все игроки и все зрители.

В этот день произошло крушение лёнькиной славы.

ИГРЫ В ПОХОДЕ

„ВЫРУЧАЙ СВОИХ"

Лыжники, участвующие в этой игре, делятся на две равные команды. Каждая команда выстраивается в колонну по одному и рассчитывается по порядку номеров. За каждым лыжником остаётся его номер до конца игры.

По команде «Марш!» колонны отправляются в путь. Неожиданно ведущий называет какой-нибудь номер. И сейчас же из обеих колонн выходят эти номера. Они пропускают мимо себя колонну и возможно быстрее пристраиваются в её конец. Лыжник, первым присоединившийся к своей команде, выигрывает очко. Чтобы помочь ему, команда, как только назван номер, устремляется с предельной скоростью вперёд. Начинать вызов лучше с маленьких номеров. Состязание кончается, когда ведущий вызовет все номера. Побеждает команда, набравшая больше очков.

„СЛЕДОПЫТЫ"

Часть отряда лыжников уходит с очередного привала минут на десять раньше остальных и прячется в лесу, тщательно запутывая свои следы и маскируясь. Отряд разыскивает эту группу. На это ему даётся определённое время — 15—20 минут.

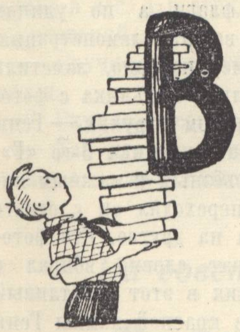
Игру можно несколько изменить. Лыжники отыскивают не группу ребят, а спрятанный ими в лесу какой-нибудь предмет, например, верёвку. Снимать лыжи, когда прячешь предмет, нельзя.

ПОЧЕМУ В ОТРЯДЕ СКУЧНО?

Н. Александрова

Тридцать три поручения

В плане работы пионерского отряда 5-го класса «Г», куда я пришла, чтобы познакомиться с жизнью этих ребят, всё время попадались две фамилии — Фляченко и Гузь. Что бы в отряде ни затевалось, всё поручали им. Стихи читать — Фляченко, беседа о режиме дня — Фляченко... А не Фляченко, так Гузь. Стенная газета — Гузь, стихи читать — опять Гузь... Я просто обрадовалась, когда увидела ещё и другие фамилии в плане, а то казалось, что, кроме этих двух ребят, никого и нет в отряде. Но тут моё внимание привлекла страничка с таким заголовком: «Прикрепление сильных учеников к отстающим». И я прочитала:

«Сами исправятся: Сочивец, Кунашев, Дмитриев, Колюхин. Сальникову будут помогать по русскому языку Липин и Мартынов, Чикину — Труфанов...» А дальше шла уже знакомая фамилия — Фляченко. И тут была та же полная и жестокая несправедливость. Сальникову по одному предмету брались помогать двое, а Фляченко должен был помогать Носову по арифметике и русскому, да ещё и Сачкову — по русскому языку, арифметике, истории, ботанике и географии!

Я тут же поискала и фамилию Гузь. Наверное, ему тоже дали нелёгкое дело. Так и оказалось. Гузь тоже должен был помогать двоим ученикам. И не по одному, не по двум, а по пяти предметам! У меня даже дух захватило, когда я это прочла. По русскому языку, по арифметике, по истории, по географии, по ботанике! «Ну и жизнь у Фляченко и Гузя!» — подумала я.

И я пошла к вожатому отряда Боре Горькову, чтобы разобраться, как и отчего всё это так получается.

И тут я узнала, что Миша Гузь — председатель совета отряда, а Валерик Фляченко — староста класса. Это их главные поручения. А всё остальное — мелочи, так сказать, текущие дела... Поручают же всё только Валерику и Мише потому, что они старательные и честные ребята. И учатся при этом хорошо. Так объяснил мне Боря.

После этого разговора мне захотелось узнать про других мальчиков: про тех, чьё имя ни разу не появилось в плане, про тех, которые в своём родном отряде спокойно стоят в сторонке и лишь поглядывают, как двое ребят безотказно тащат на себе все отрядные дела.

Одним из таких мальчиков, пионером без пионерского поручения, оказался Женя Колюхин.

История Жени Колюхина

Женя Колюхин — уже три года пионер. И за эти три года в отряде сложилось твёрдое мнение, что Жене поручать ничего нельзя: всё равно не сделает. Как-то должен был он выучить стихотворение к сбору. Женя четыре строчки выучил, а потом бросил:

настроение пропало. И другие дела не раз бросал. Нет настроения, да и только! Вот и не стали больше ничего поручать такому ненадёжному человеку. Будто и нет пионера Жени Колюхина в отряде. Рассказали мне ещё про то, что и на пионерских сборах Женя бывает по выбору. Есть настроение,— придёт, а нет настроения,— убежит. Один раз ребята просто силком оставили его на сборе. Заперли перед ним дверь и не выпустили из класса. Вот до чего дошло!

Всё это я слушала со смешанным чувством неприязни к Жене и удивления. Неприязнь была понятна, потому что, по рассказам, Женя выглядел ленивым и дурным мальчиком, который нисколько не любит свой отряд. А чем вызвано чувство удивления, я сама сначала не могла понять. Но потом поняла: видно, что-то неладно и в самом отряде, если вырос здесь такой пионер.

После уроков Женя убежал домой, а мы с ребятами остались, чтобы продолжить наш разговор. И вот один мальчик подтвердил мою догадку. Он сказал:

— Ведь вот какой этот Женя! Со своих сборов бежит, а сам потихоньку ходит на сборы в другие отряды. Его не пускают, а он, незваный, сам приходит...

Многие ребята, видно, не знали об этом. Они удивились и даже немного обиделись. Вот, оказывается, как поступает этот Женька! Но хоть и обиделись ребята, а невольно заинтересовались: что же это за сборы такие, на которые Женя сам просится? Ведь не так это приятно быть незваным гостем!

Невольно подумали о том, что же любит Женя, какие у него склонности. Может быть, и в самом деле не сумели найти Жене дело по душе? Ну, пусть не читает стихов, раз не любит... Решили пойти в другие отряды, узнать, что у них такое интересное на сборах делается.

Конечно, ребята говорили о Жене правильно. Каждому надо найти в отряде дело по душе. Ну, а сам Женя... Что же это за гость в своём отряде? Что за человек? Узнает о чём-то интересном и хранит своё открытие в тайне от ребят, не придёт в отряд и не скажет: «Ребята, и нам так же надо бы сделать».

Что выйдет потом из этого Жени, если пионерский отряд не может ему доверить и самое простое дело? Как поступит Женя, когда по-настоящему будет трудно? Так же бросит всё, как бросал в отряде пионерские дела?

На другой день я встретилась с Женей.

Встретились мы, правда, не сразу. Женя, узнав, что его зовут в пионерскую комнату, решил: «Видно, будут ругать» — и долго не шёл. Один за другим возвращались посланцы с сообщениями: «Женя на втором этаже, но идти не хочет, Женя на третьем этаже, но идти не хочет, Женя на четвёртом этаже...» Наконец он всё-таки пришёл. Когда я спросила Женю, что бы он хотел делать в отряде, Женя нахмурился.

— А что надо делать? — неохотно спросил он, а потом добавил: — Только я стихов читать не буду.

— Да разве других дел нет?

— Так у нас все ребята или стихи читают или беседы проводят.

— Ну почему же! Сколько у вас натуралистов, фотографов, моделистов!

— Это же не в отряде... Они для себя, в кружках или дома мастерят.

Слова Жени заставили меня снова заглянуть в тетрадку, где перечислялись все дела отряда. И действительно, выходило странно...

„Личное“ дело

В праздничный день, когда на домах развевались красные флаги, а по улицам шла весёлая демонстрация, многие, наверно, заметили на улице мальчика с фотоаппаратом в руках — Геню Липина, ученика 5-го «Г». С серьёзным и важным видом переходил он с одного места на другое. Его фотоаппарат словно вбирал в себя всё, что видел мальчик в этот счастливый день. А вечером при свете красной лампы Геня долго проявлял свою плёнку. Снимки получались, может быть, ещё не совсем удачные — то слишком чёрные, то чуть-чуть затуманенные. Но все родные и знакомые мальчика с радостью узнавали: «А, вот где ты снимал». Чуть ли не весь дом обошли эти фотографии. И только в пионерском отряде никто их не видел.

Так было и с юннатами. В 5-м «Г» их было немало. Они всегда спешили на занятия своего кружка. В живом уголке у них было много цветов, ребята следили за их ростом, поливали, ухаживали за ними. Но ни один зелёный росток не украсил голые окна 5-го «Г». Ничто не подтверждало, что здесь за партами сидят юннаты.

Уже летали авиамодели Соломина, с каждым днём всё ближе подходила к завершению серьёзная работа Бородачёва — первый радиоприёмник, который он строил самостоятельно... Но в отряде никто не знал об этом.

У многих ребят ещё и не было своего любимого дела. Они проводили свой досуг порой бестолково, бездельничали, часами торчали у кинотеатра, стараясь попасть на «взрослую» картину, по нескольку раз смотрели один и тот же

фильм, бесцельно слонялись по улице, порой придумывали озорные и глупые игры... А ребята, которые занимались интересным, серьёзным делом, и не думали о своих друзьях. Им, наверное, и в голову не приходило, что в Доме пионеров их учат не только «для себя», но и для того, чтоб они могли научить своему делу других.

А ведь в их же школе двое мальчиков-авиамоделистов Женя Фирсов и Юра Волнов сами ведут кружок. Конечно, эти ребята постарше, они больше знают и больше умеют, но главное то, что эти мальчики думают не только о себе, даже не только о ребятах своего класса. Двадцать ребят из других классов учатся в этом кружке строить модели... Таков ведь пионерский обычай: «Научился сам — научи другого».

А в 5-м «Г» выходило так, что в отряде ребята собирались только на беседы, говорили о режиме дня, о дисциплине, об успеваемости.

На сборах они чинно сидели за партами, словно на уроке. Даже ни разу не поиграли на сборе! Многие ребята бегали на каток, ходили на лыжах в лес, а в отряде не было ни команд, ни соревнований.

— Скучно, пожалуй, у вас в отряде,— сказала я.

— Скучно,— согласились ребята.

— Так кто же виноват, что скучно? Ведь пионеры — сами хозяева в отряде.

На совете отряда

У ребят, собравшихся на совет отряда, был озадаченный вид. Предстояло обсудить один вопрос: что должен делать отряд? Всем казалось, что про это скажет вожатый отряда Боря Горьков, или Елена Васильевна — классный руководитель, или Лидия Дмитриевна — старшая вожатая. Одним словом, кто-нибудь из взрослых. Ребята привыкли к этому. Так было, когда они учились в третьем классе, так было и в четвёртом. Но теперь они уже были не маленькие, и никто не собирался им подсказывать.

— Ну, ребята, кто хочет сказать? — в пятый или шестой раз спрашивал Миша Гузь.

Все молчали.

— Ну, ребята...— в голосе Миши уже слышалось отчаяние.— Давайте, ребята...

Никто не откликался на его призыв.

Тогда Боря сказал:

— Давайте пока не будем думать о плане. Пусть каждый скажет о том, что ему самому больше всего хочется делать. Ну, вот тебе, например, Витя... Чего тебе хочется?

Витя встрепенулся.

— Мне? Мне в Москву хочется съездить.

— Так, в Москву. Это, наверно, и всем интересно. На каникулах, пожалуй, можно и съездить. А тебе, Коля, что хочется?

— Мне хочется на лыжах ходить,— застенчиво признался Коля.— Только я ещё не умею.

— Хорошо бы создать свою лыжную команду,— сказал Боря.

— А ещё хорошо «летающее крыло» построить,— послышался чей-то голос.

— И в театр пойти.

— Миша, ты записывай все предложения,— обернулся Боря к председателю отряда.— Так у нас план и выйдет.

Предложения сыпались градом:

— Выпустить фотогазету!

— Устроить экскурсию на хлебозавод!

— Игру в лесу!

— Самим пьесу поставить!

План разрастался. Ребята уже столько предложили, что не на один — на три месяца хватило бы.

— Вот видите, ребята,— сказал Боря,— сколько интересного вы предложили! И если мы всё это сделаем, у нас в отряде действительно будет интересно.

Когда начали распределять поручения, на мгновение снова наступило молчание. Наверно, по привычке все опять подумали про Валерика и Мишу. Но тут кто-то решительно вызвался:

— Я сделаю!

Почти каждый из ребят охотно брался выполнить то, что он сам предложил.

Расходясь по домам, ребята ещё продолжали придумывать:

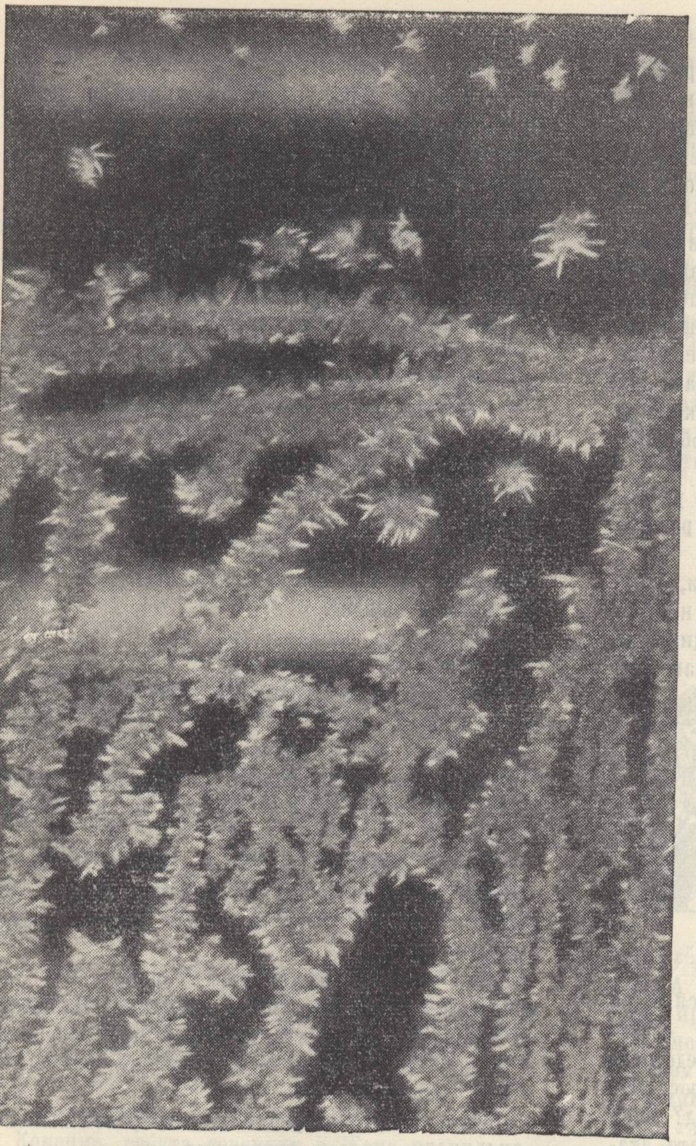
— Эх, забыл я сказать... Знаешь улицу Лебедевой? Вот надо бы узнать, кто эта Лебедева.

— А ещё есть улица Климова. Папа говорил мне, что Климов был революционером... Устроим путешествие по нашему городу?

— И про волейбольную команду ничего не записали,— сокрушался кто-то, спускаясь по лестнице.— А ведь все ребята любят...

И в этих коротких словах: «Все ребята любят...» — чувствовалось, как пробуждается у пионеров забота о своём отряде. Пятиклассники сами начинали строить свою пионерскую жизнь...

Город Ногинск, школа № 14.

РИСУНКИ ХУДОЖНИКА-НЕВИДИМКИ

Что это изображено здесь, на фотографиях? Картины подводного царства — пушистые водоросли и заросли кораллов? Или сад сказочной волшебницы, где у деревьев сверкают алмазные ветви? Как красивы эти узоры и картины, которые рисует на окнах художник-невидимка мороз! Вы просыпаетесь утром и, взглянув в окно, не видите ни знакомой берёзки во дворе, ни крыши соседнего дома.

На стёклах чащи кудрявых серебряных елей или заросли тропических папоротников и пальм, какие-то невиданные птицы, рыбы, звери.

Вы рассматриваете их, вы любуетесь ими и с сожалением думаете о том, что вот растопит мама печку или солнышко пригреет к полудню потеплее, и тотчас исчезнут, пропадут, растают недолговечные морозные рисунки.

Говорят, в старину крепостные кружевницы перенимали у мороза его узоры, и несказанной красотой своей славились плетёные на коклюшках русские кружева.

Но неужели никак нельзя сохранить морозные узоры?

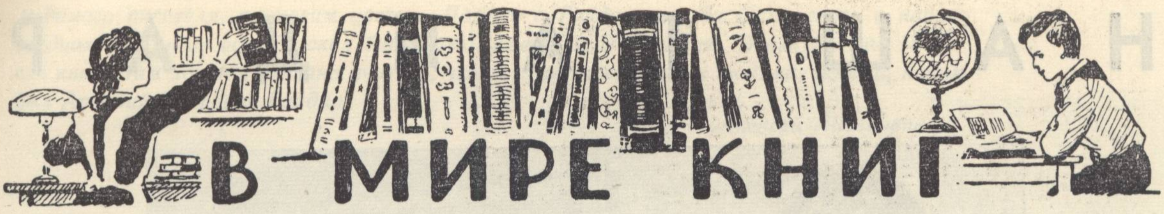
Оказывается, можно. Совсем нечаянно один художник открыл секрет, как заставить мороз рисовать по заказу и не на стекле.

За Полярным кругом, в Хибинских горах, художник этот делал с натуры акварельные наброски. Ему хотелось изобразить и снежные вершины, и тонкие, сумрачные северные ёлки, и зимнее небо — передать все нежные и неуловимые краски суровой природы.

Трудно работать на холоде. Руки зябнут, и краска быстро сохнет. Художник спешил... Вдруг, бросив взгляд на свою работу, он застыл в изумлении. Голубое небо на акварели было всё сплошь покрыто лёгкими и кудрявыми узорами. Их дорисовал шутник-мороз, превращая влажную краску на бумаге в ледяные кристаллы и собирая её в красивые рисунки — совсем такие, как бывают на окнах.

Вы можете и сами заставить мороз рисовать по заказу. Для этого надо лист плотной бумаги ровно покрыть акварельной краской или разведённой тушью и вынести на мороз. Подождав немного, вы увидите, как рождаются ледяные узоры.

Может быть, опыт вам не сразу удастся: если вы недостаточно смочите бумагу, рисунки не выйдут совсем, а если смочите слишком сильно, узоры получатся, но растают и расплывутся, как только вы внесёте листок в тепло. Надо повторять опыты, пока не приладитесь ко вкусу художника-мороза.

ПИСАТЕЛИ РАССКАЗЫВАЮТ

О дружбе мальчиков и девочек

Н. Н. Носов.

Когда я встречаюсь со своими читателями, то часто слышу от девочек упрёк: «Что вы пишете всё о мальчиках да о мальчиках, а о девочках ничего?» Я стараюсь расспросить девочек о том, как они живут, как учатся, какие вопросы волнуют их. И не раз я слышал о том, что даже в школах, где мальчики и девочки учатся вместе, они плохо дружат между собой. Мальчики часто держатся отдельно, девочки отдельно, а в результате в классе нет крепкого коллектива, нет товарищеской помощи друг другу, независимо от того, кто нуждается в помощи — мальчик или девочка. Об этом же некоторые читательницы пишут мне в своих письмах. Ученица четвёртого класса Потёмкинской школы Галя Бурлова рассказывает: «У нас в классе нет такой коллективной дружбы, чтобы мальчики дружили с девочками, у нас только дружат девочки с девочками, а мальчики с мальчиками».

Другая ученица, Люда Матушинская из Романовской школы, пишет в своём письме: «У нас мальчики всегда девочек обижают: то стукнут, то толкнут. Такими являются, например...» Дальше Люда приводит список мальчиков, которые толкают девочек. Отсутствие настоящей дружбы между мальчиками и девочками часто ведёт к тому, что некоторые мальчики начинают смотреть на девочек свысока, а иные даже не прочь испробовать на девочках силу своих кулаков. Жалко девочек, которым приходится терпеть колотушки, но жалко и этих мальчиков.

Что можно сказать о человеке, который обижает более слабого товарища? Силы для этого особенной не требуется,— известно, что у девочек кулаки не такие увесистые, как у мальчиков,— храбрости тут тоже большой не нужно.

Вопрос дружбы мальчиков и девочек очень волнует ребят, а мы, детские писатели, должны помогать ребятам находить правильные ответы на волнующие их вопросы. В настоящее время я закончил работу над своей новой книгой для ребят. Называется она «Приключения Незнайки и его товарищей». Основная тема этой книги — дружба мальчиков и девочек — подсказана мне жизнью.

Главный герой этой книги — сказочный человечек Незнайка. С ним и его товарищами, такими же сказочными героями, происходит множество разных приключений. Хотя Незнайка — и сказочный персонаж, в его характере есть много такого, что встречается у настоящих ребят. Мне думается, что многие ребята сумеют из этой книги извлечь для себя пользу.

В дальнейшем я буду работать над сценариями для детских комедийных фильмов. Среди них будет фильм о хвастунишке Мишке, который говорил, что сварит такую вкусную кашу, что пальцы оближешь, а на самом деле сварил такую, что собака не стала есть. Будет фильм и о том, как Мишка вёз в чемодане своего щенка Дружка, как работал на огороде... Ставить эти картины будет режиссёр В. Эйсымонт, которого вы знаете по фильмам «Четвёртый перископ» и «Жила-была девочка».

Хочется мне также написать сценарий для весёлого мультипликационного фильма. В основу его будут положены события, которые происходят в моей повести «Приключения Незнайки и его товарищей».

Н. Носов

НАШ ГАЙДАР

Аркадий Гайдар среди своих читателей. Май 1941 года.

Вряд ли мы найдём в нашей детской литературе другого писателя, которого бы так неизменно любили читатели, так высоко ценили и так хорошо понимали, как любят, ценят и понимают Аркадия Гайдара его многочисленные читатели.

Судить об этой любви мы можем и по тем письмам, какие приводятся здесь, а также и по тем, какие здесь не приводятся, но какие сотнями и даже тысячами получал Гайдар из всех уголков Советской земли и от читателей — ребят, и от учителей, и от библиотекарей.

В этом году 22 февраля исполняется пятьдесят лет со дня рождения Гайдара. Родился он во Льгове, в маленьком городке Курской области, в семье народного учителя, но всё своё детство до самой юности провёл в Арзамасе, куда переехали его родители...

Здесь, в Арзамасе, Гайдар начал учиться в реальном училище, здесь он нашёл своих первых друзей, здесь писал свои первые стихи, лелеял первые мечты о подвигах, здесь стал комсомольцем и отсюда ушёл в Красную Армию сражаться за Советскую власть, за которую сражался беспрестанно всю свою жизнь: и мальчиком, ещё на школьной скамье, и юношей, будучи красным командиром, и взрослым, уже став известным писателем — автором многих чудесных повестей и рассказов для детей.

Гайдар очень любил детей, хорошо знал и чувствовал силу детской души и трепетность детского воображения. Он верил в его чистоту и смело обращался к своему читателю с самыми сложными, а подчас даже и тяжёлыми картинами, какие встречаются в действительной жизни.

И вера эта никогда не обманывала его.

Читатель ему отвечал таким же доверием и пониманием. Об этом и свидетельствуют многочисленные письма Гайдару.

В 1941 году, 26 октября, в бою с немецкими захватчиками фашистская пуля прервала жизнь Гайдара. Но книги его остаются любимыми книгами детей, и письма говорят нам о том, как неразрывна эта живая связь между маленькими читателями и их любимым писателем Гайдаром.

Р. Фраерман

Много читал я произведений А. П. Гайдара. Герои их стали моими любимыми героями. Книга «Тимур и его команда» понравилась мне больше всех... Книга «Тимур и его команда» учит нас честно дружить, отлично учиться, а в будущем честно трудиться. Жизнь писателя А. П. Гайдара является ярким примером для каждого из нас. У Гайдара было много друзей. Он всегда помогал и старым и малым.

Мы живём в городе Каневе, где похоронен Аркадий Гайдар. Наш город находится на правом берегу Днепра. Летом он весь утопает в садах. Мы часто бываем на могиле

любимого писателя, приносим цветы... Память о Гайдаре всегда будет жить в наших сердцах. В Каневе есть детская библиотека имени А. П. Гайдара. В ней больше 15 тысяч книг. Нам хочется отлично учиться, чтобы стать настоящими людьми, такими, каким был Аркадий Петрович Гайдар.

Алексей Литвиненко,

Канев.

До того времени, пока я не прочитал книгу «Тимур и его команда», я вёл себя совершенно по-другому: нарушал дисциплину, дрался, учился посредственно. Теперь я решил исправиться: быть дисциплинированным, помогать своим товарищам в учёбе, останавливать тех, кто нарушает дисциплину.

Валя Зверев,

Сталинград.

Дорогие ребята, любите ли вы читать повести и рассказы Гайдара? Я уверена, что любите. Но вдумываетесь ли в текст? Раньше я не вдумывалась, а потом со мной произошёл один случай, и я стала глубоко продумывать содержание книги.

Дело было в лагере. Мы готовились к спортивным состязаниям. Однажды после игры ко мне подошёл мальчик из первого отряда и сказал: «Мила, ты подаёшь неверно!». «Если я плохо подаю, то можешь играть вместо меня»,— сказала я на это и пошла прочь. Проходя мимо библиотеки, я зашла туда и взяла повести и рассказы Гайдара, нашла в оглавлении повесть «Военная тайна» и стала читать.

Дойдя до того места, где рассказано, как ребята из четвёртого отряда учили башкирскую девочку Эмину русскому языку, я поняла, что поступила нехорошо. Я сейчас же побежала к Вите и попросила, чтобы он научил меня правильно подавать. На состязании наша команда выиграла. Теперь я поняла, что если бы не прочла Гайдара, то мой плохой поступок остался бы неисправленным.

Людмила Тарасова,

Москва.

Прочитал я книгу «Школа». Это замечательная книжка. В ней А. П. Гайдар показал все хорошие и отрицательные черты характера. Многому можно поучиться в этой книжке. Главное, что мне хочется перенять,— это откровенность, любовь к старшим и младшим товарищам...

Я читал много произведений А. П. Гайдара: «Тимур и его команда», «Военная тайна», «Судьба барабанщика», «РВС», «Голубая чашка» и другие. Во всех произведениях А. П. Гайдар учит нас быть достойными своей Родины, смелыми, смышлёными, ловкими, прямыми...

Анатолий Коротаев,

деревня Бехтеры, Кировская область.

Аркадий Петрович Гайдар — мой самый любимый писатель. Я несколько раз читала его произведения и вновь перечитываю их с таким интересом, как будто читаю в первый раз.

Я читала и его письма к детям. В одном из писем Гайдара пионерам я прочла: «...Вы вместе со мною, а я вместе с вами будем ещё крепче любить и Советскую страну... и зарубежных товарищей, тех, которые брошены на каторгу и в тюрьмы.

И будем ещё больше ненавидеть всех врагов: и своих, домашних, и чужих, заграничных, — всех тех, что стоят поперёк нашего пути, и в борьбе с которыми гибнут наши лучшие, большие и часто маленькие товарищи...»

Сам Гайдар погиб. Война нарушила мирную жизнь и труд советских людей, оборвала жизнь замечательного советского писателя А. П. Гайдара.

Иностранные империалисты хотят нарушить мирный труд советских людей, оставить детей сиротами, убить их отцов и матерей.

Но мир победит войну!

Нина Сержантова,

ст. Якшанга, Костромская область.

Счастье новой Албании

Это было в годы войны. Глубокой ночью по заснеженным улицам маленького албанского городка, скрываясь от фашистских полицейских, пробирается пионер Дьердь. И на стенах домов появляются расклеенные им листовки, в которых говорится о славных победах Советской Армии, освобождающей народы Европы от гитлеровского ига.

Но фашистская пуля настигает отважного пионера. Дьердь смертельно ранен. Ещё минута — и он попадёт в руки врагов. Превозмогая боль, смелый мальчик добирается до своего товарища Мэта. Он передаёт другу оставшиеся листовки.

И снова по улицам городка от дома к дому, минуя полицейские патрули, пробирается мальчик с пачкой листовок в руках.

Вот последнее воззванье
Мэт наклеил и бежит...
В доме тихо. Без дыханья
Лучший друг его лежит.

Мальчик жил немного лет...
Славе смелых смерти нет!

Так заканчивается стихотворение албанского поэта Люана Чафзэзи «Пионеры».

Это стихотворение напечатано в книге «Албанская весна», которую недавно выпустило Государственное издательство детской литературы.

Немало горя и бед испытал албанский народ за свою многовековую историю. Но ни римские цезари, ни турецкие султаны, ни итальянские и немецкие фашисты не смогли сломить его волю к свободе и счастью. Благодаря победе Советской Армии над гитлеровской Германией Албания навсегда сбросила цепи рабства и угнетения и встала на путь новой, счастливой жизни.

В этом году исполняется десять лет со дня освобождения Албании от фашистских оккупантов. Неузнаваемо изменилась за эти годы жизнь маленькой страны. Вместо прежних полукустарных мастерских выросла новая промышленность, на полях появились тракторы и комбайны, горы перерезали железнодорожные линии. Раньше в стране почти не было школ, не было ни одного высшего учебного заведения. Свыше трёх четвертей населения было неграмотным. Сейчас в Албании пять высших учебных заведений, а количество школ выросло более чем в двадцать раз. За годы народной власти издано книг больше, чем за все пять веков существования книгопечатания на албанском языке.

О светлой жизни албанского народа вы прочтёте в книге «Албанская весна». В книге собрано много хороших стихов: М. Ндойя, И. Кадарэ, Л. Силичи, Л. Чафзэзи, Ф. Гьята и других поэтов.

Из них вы узнаете о горе Селите, через которую был пробит тоннель для гидроцентрали имени В. И. Ленина, и о новом текстильном комбинате имени И. В. Сталина, о смелом партизане Бенко, о дружбе Агима — мальчика из Тираны — и ленинградского школьника Вани, познакомитесь со старым тружеником Хасаном и девочкой с гор — Шегой...

Со словами глубокой любви и благодарности обращаются албанские поэты к своему освободителю и лучшему другу — Советскому Союзу. Хорошо выразил чувства албанского народа поэт Фатмир Гьята:

Крепки мы дружбой трудовою.
В борьбе за мир мы сплочены.
Не хочет наш народ войны —
Все наши помыслы с Москвою.

Книга «Албанская весна» открывается вступительной статьёй писателя Георгия Гулиа. В составе советской делегации Г. Гулиа побывал в новой Албании и в своей статье рассказывает много интересного о жизни свободолюбивого албанского народа.

Сергей Баруздин

НА ПУТИ К ЦЕЛИ

«Уметь хотеть!» — эти слова избрала своим девизом героиня повести С. Зельцер «Нина Полозова». Но разве уж так трудно «хотеть»? Ведь это как будто умеют все, даже малые ребята.

Нет, настоящее, глубокое желание непохоже на мимолётный каприз. Оно требует от человека терпения, воли. И чтобы сбылось такое желание, взыскивать нужно не с других, а с самого себя.

Дочь простой работницы Нина Полозова случайно попала на спектакль. Это было в те далёкие, неизвестные вам дореволюционные времена, когда многие дети у нас в стране иной раз и не подозревали, что на свете существует театр. Волшебное зрелище поразило Нину и оставило в памяти глубокий след.

Потом пришла революция. Нина вступила в комсомол. И перед ней, шестнадцатилетней девушкой, открылись новые пути: она смогла осуществить свою тайную мечту — пойти на сцену.

Нина приехала в Ленинград, в театр, о котором мечтала. Её допустили к испытаниям. Но впереди было ещё много трудностей, огорчений и творческих исканий.

И когда мы читаем в конце книги о триумфе артистки Нины Полозовой, сыгравшей роль Зои, мы знаем, какой ценой досталась ей эта победа. Трудности, неудачи бывают у человека любой профессии, но он преодолеет их, если упорно стремится к своей цели.

Ю. Новикова

Словами Грибоедова

Восхищаясь комедией Грибоедова «Горе от ума», Пушкин писал: «...о стихах я не говорю, половина из них войдет в пословицы». Предсказание Пушкина сбылось. Мы повторяем крылатые, острые, иронические словечки из грибоедовской комедии, не думая, откуда они. Мы узнаём их и пользуемся иными из них задолго до того, как прочтём впервые «Горе от ума». И потом, как нечаянно встреченных старых знакомых, с радостью находим на страницах комедии эти словечки, эти выражения:

«Не в своей тарелке»,

«Счастливые часов не наблюдают»,

«Свежо предание, а верится с трудом»,

«Служить бы рад, прислуживаться тошно»,

Силуэт А. С. Грибоедова.

«И дым отечества нам сладок и приятен»,

«Подписано, так с плеч долой»,

«Грех не беда, молва не хороша»,

«Числом поболее, ценою подешевле»,

«С чувством, с толком, с расстановкой»,

«Сюда я больше не ездок»,

«Ну как не порадеть родному человечку»,

«Злые языки страшнее пистолета»,

«Герой не моего романа»,
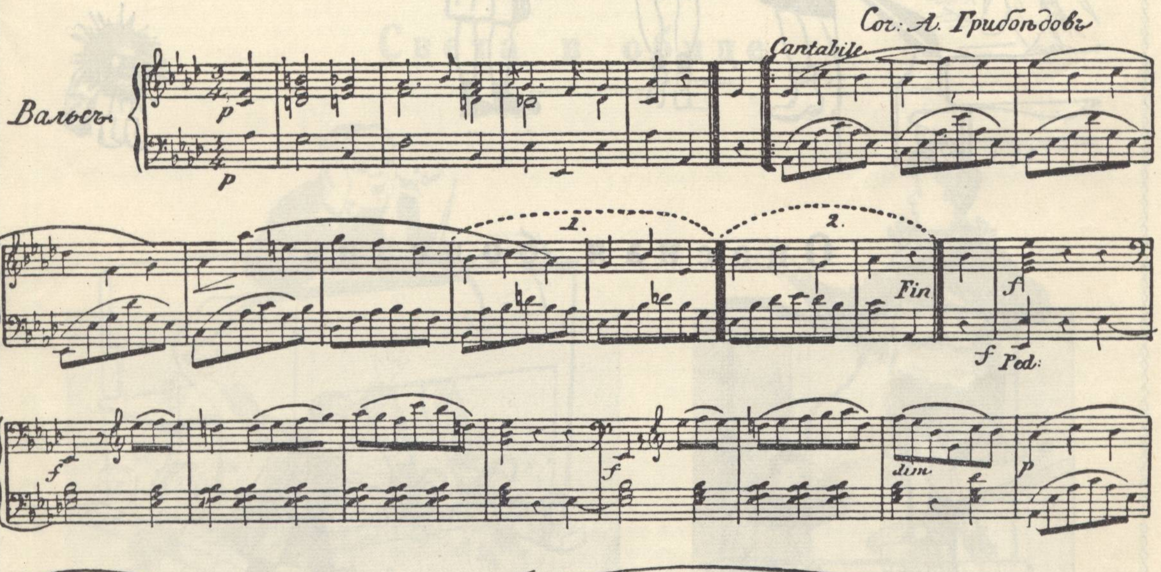
«Не поздоровится от этаких похвал»,

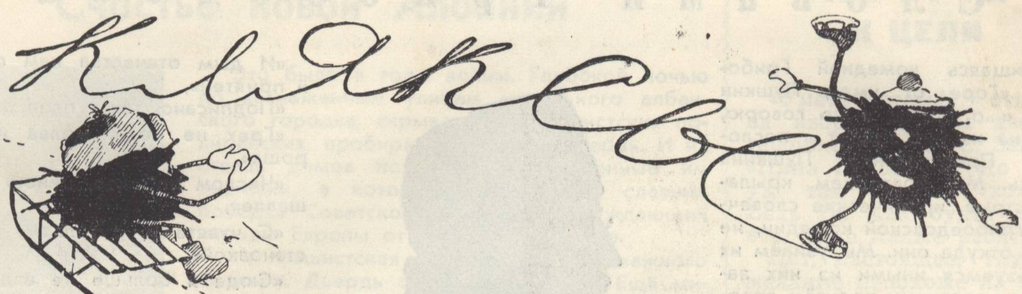
«Рассудку вопреки, наперекор стихиям»,

«Влеченье, род недуга»,

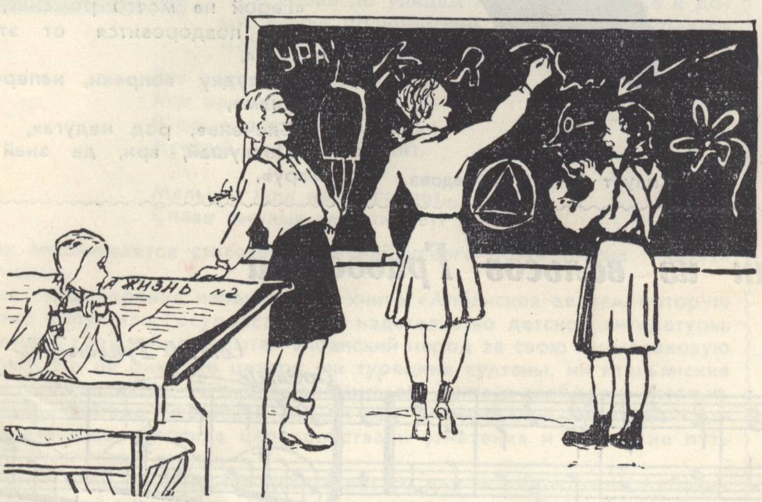
«Послушай, ври, да знай же меру».

Один из вальсов Грибоедова

Пропадающие дарования

Как могли б таланты эти
Развернуться в стенгазете!

Опасная болезнь

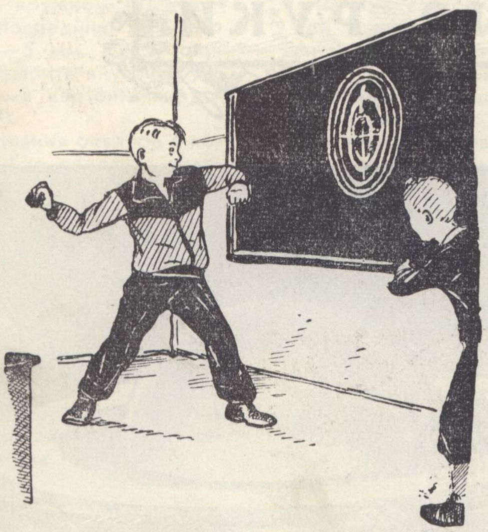

— Уроков сделать не успел...
— А почему?
— Вчера болел.

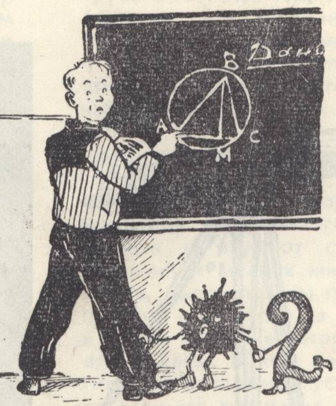

И впрямь, вчера наш Лёня
болел... на стадионе.

Из пяти возможных...

Стрелка искусней не найти:
Пять выбивает из пяти.

Урок же начал отвечать,
Выходит ...двойка, а не пять.

Света в обиде

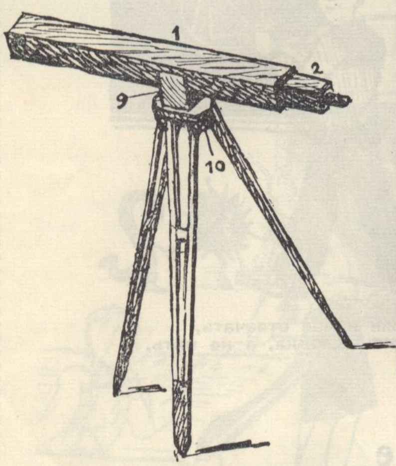
На контрольной, чуть не плача,
Света стонет: «Мал урок.
Я не сделала задачу,
Почему дают звонок?»

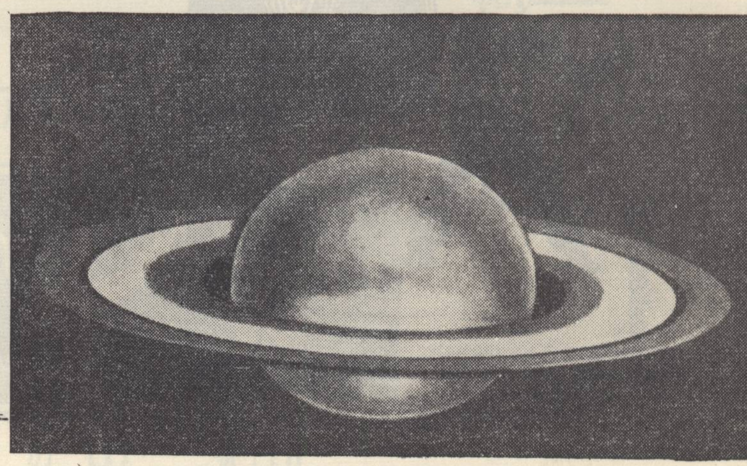

На другом уроке Света
Говорит, надев берет:
«Я давным-давно одета,
А звонка всё нет и нет».

Карикатуры для этого выпуска «Клякс» рисовали московские школьники Вика Битюкова, Володя Недогонов и Володя Семёнов.

Так выглядит Сатурн и его кольца, если на него смотреть в сильный телескоп. Но и в самодельный телескоп вы тоже сможете рассмотреть эту планету и её кольца в виде узкой полоски.

ОПТИЧЕСКИЕ ПРИБОРЫ

Н. Митрофанов

Рисунки П. Рябова

ШКОЛЬНАЯ ОБСЕРВАТОРИЯ

Во многих школах есть астрономические кружки. Юные астрономы изучают строение вселенной и с помощью бинокля или подзорной трубы ведут наблюдения за небесными светилами. Но увеличения этих оптических приборов недостаточны для того, чтобы, скажем, рассмотреть лунные кратеры или кольца Сатурна. Сегодня мы предлагаем вам, ребята, самим построить телескоп для вашей школьной обсерватории.

Обычно для телескопа клеят трубки из бумаги, но бумажные трубки, высыхая, коробятся, и это затрудняет оптическую настройку телескопа.

Поэтому мы даём здесь проверенную на практике простую конструкцию астрономической трубы из дерева.

Для постройки трубы надо приобрести очковую линзу с фокусным расстоянием в 1 метр (одна диоптрия) и стекло от карманной лупы с фокусным расстоянием в 2 или 2,5 см. Первая линза будет объективом телескопа, вторая — окуляром.

Труба телескопа состоит из двух частей: более длинной — для объектива и меньшей — для окуляра. Для трубки объектива надо выстрогать две дощечки длиной в 90 см и шириной в 6 см. Толщина дощечек — 1 см. Они нужны для верхней и нижней стенок трубки. Боковые стороны трубки сделайте из фанерных полосок длиной 90 см и шириной 8 см. С помощью клея и гвоздиков соедините дощечки и фанерные полоски в трубку (1).

Трубку окуляра (2) сделайте так же, как и трубку объектива, но она должна быть короче — длина её 30 см. Наружные её размеры должны быть такими, чтобы она туго входила в трубку объектива.

Внутренняя поверхность трубок должна быть матово-чёрной. Окрашивать готовую трубку трудно, поэтому стороны дощечек, обращённые внутрь трубки, надо окрасить заранее.

Для крепления объектива в трубе надо сделать оправу из картона (3). Прямоугольную трубку сделайте по внутренним размерам трубы. Отогнутые края донышка смажьте клеем и вклейте внутрь картонной трубки. Диаметр круглого отверстия в середине донышка — 22 мм. Очень важно, чтобы донышко и стенки картонной трубки были под прямым углом друг к другу. Оправу объектива изнутри тоже окрасьте чёрной краской. Очковое стекло в одну диоптрию приклейте к донышку четырьмя полосками плотной бумаги. Оптический центр стекла (на новых стёклах центр легко определить: он обозначается точкой) должен совпадать с центром отверстия в донышке.

Оправу с объективом вставьте в один конец длинной трубки на полную длину оправы.

По диаметру линзы лупы склейте картонную трубку (4). Один конец трубки заклейте картонным кружком (5) с отверстием посредине. Диаметр отверстия — 5 мм. Линзу окуляра (6) укрепите внутри трубки (4) двумя картонными колечками (7).

Для крепления окуляра в короткой трубке сделайте квадратную стенку (8) из двух фанерных дощечек, одна из которых должна плотно входить внутрь трубки, а другая равняться внешним размерам её. В середине стенки сделайте круглое отверстие по внешнему диаметру трубки окуляра и с помощью клея закрепите в нём окуляр.

Вставьте короткую трубку внутрь длинной — и труба телескопа готова.

Теперь надо произвести оптическую настройку. Это удобнее сделать, когда у вас будет готова вторая важная часть прибора — штатив, опора телескопа.

Штатив состоит из поворотной головки, в которой крепится труба телескопа, площадки и трёх ножек.

Головку нетрудно сделать из двух фанерных дощечек (9), прибитых к боковым сторонам квадратной дощечки 7 × 7 см и толщиной в 1 см (10). В середине квадратной дощечки шилом сделайте отверстие для оси гвоздя, соединяющего головку с площадкой штатива.

Площадка штатива — это равносторонний треугольник со сторонами в 16 см (11), углы площадки тупые. Её можно сделать из двух слоёв фанеры или доски толщиной в 2 см.

Снизу к углам площадки прибейте упоры (12) из дощечки толщиной в 2 см. Между этими упорами с помощью гвоздей укрепите ноги штатива, сделанные из деревянных брусков 2 × 2 см, длиной в 130 см. Нижние концы брусков каждой ноги соедините фанерными накладками (13), а распорки (14) сделают штатив прочным и устойчивым.

Вставьте трубку в щёчки головки и двумя гвоздиками-осями (15) соедините трубу с головкой. На таком штативе труба стоит устойчиво и свободно перемещается по всем направлениям.

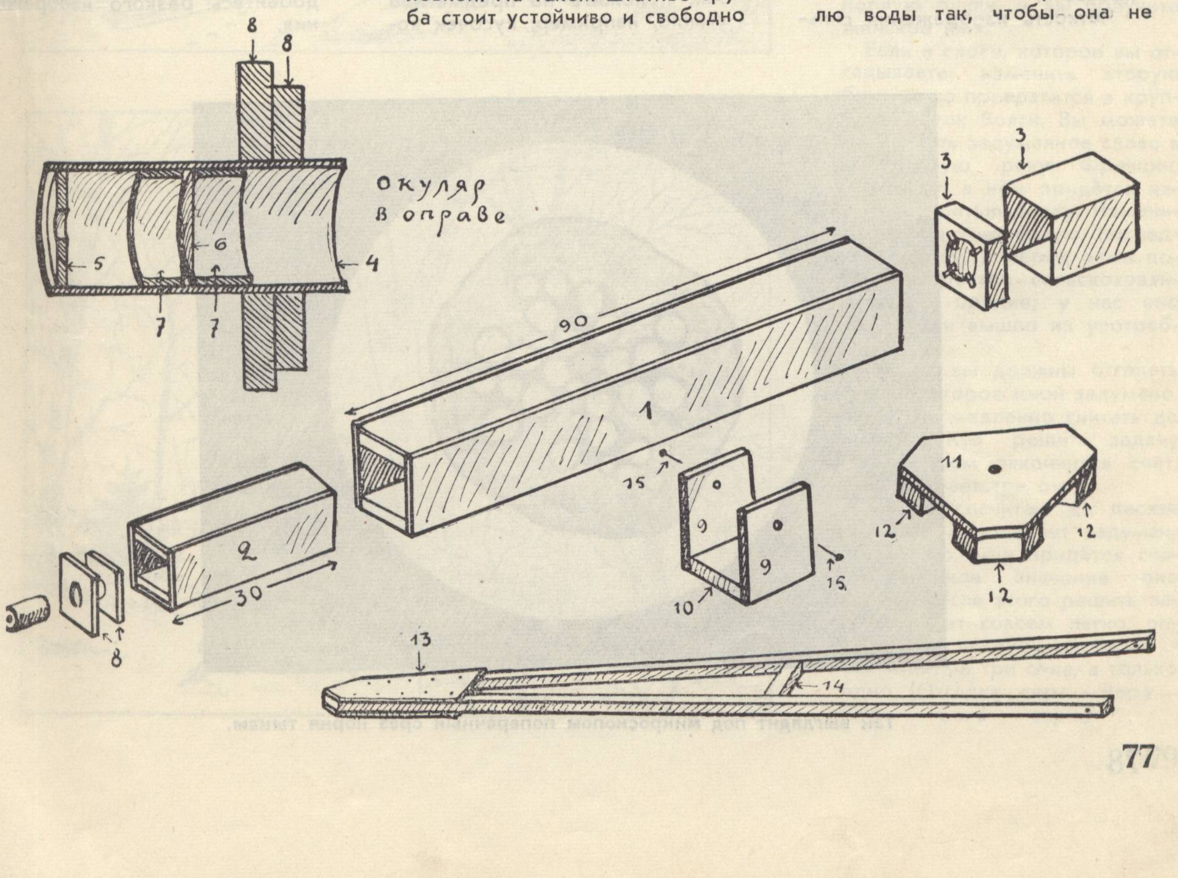
Наша труба при объективе с фокусным расстоянием в 1 м и окуляре с фокусом в 2 см будет давать увеличение в 50 раз. Если взять в том же окуляре объектив с фокусным расстоянием в 2 м, то увеличение, даваемое трубой, будет равно 100. Но при этом длина трубы объектива увеличится до 1 800 мм. Все остальные размеры остаются без изменений.

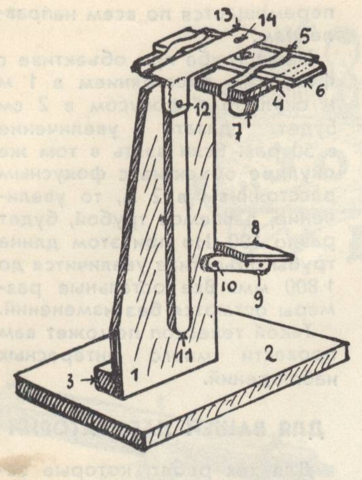
Такой телескоп поможет вам провести много интересных наблюдений.

ДЛЯ ВАШЕЙ ЛАБОРАТОРИИ

Для тех ребят, которые занимаются в биологическом кружке и изучают строение растений и мелких живых существ, много пользы принесёт простой микроскоп из фанеры и жести, описание которого мы здесь даём. В нём нет дорогих линз и сложных устройств, но если его аккуратно сделать, он даёт хорошее изображение при увеличении от 30 до 100 раз.

Обыкновенная капля воды заменит линзу в нашем микроскопе. Если вы возьмёте жестяную пластинку с правильным круглым отверстием диаметром 2—3 мм и осторожно при помощи острой палочки поместите в это отверстие каплю воды так, чтобы она не

растекалась за границы отверстия, то капля примет форму двояковыпуклого увеличительного стекла с очень маленьким фокусным расстоянием и поэтому с сильным увеличением.

Наш микроскоп состоит из фанерного корпуса (1), укреплённого на дощечке основания (2) посредством бруска (3). В верхней части корпуса приклейте предметный столик (4), на котором укрепите пружины из жести (5) для прижимания предметного стекла (6). В предметном столике сделайте отверстие для освещения наблюдаемого предмета снизу — «на просвет».

Чёткость изображения сильно увеличивается, если снизу, около отверстия, к предметному столику приклеить картонную трубочку (7) с донышком, в котором сделано посредине отверстие в 2 или 3 мм диаметром.

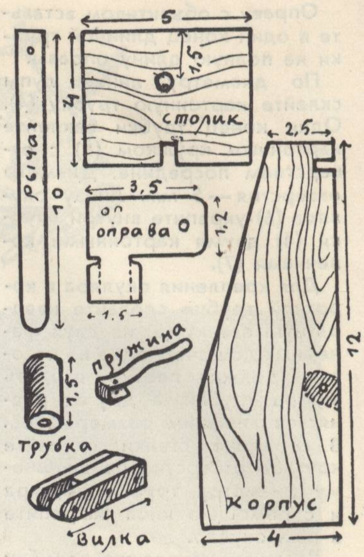
Для направления света на рассматриваемый предмет приделайте к микроскопу отражатель — жестянку или зеркальце (8), приклеенное к вилке (9), сделанной из трёх полосок фанеры. Вилку гвоздиком (10) укрепите на корпусе микроскопа.

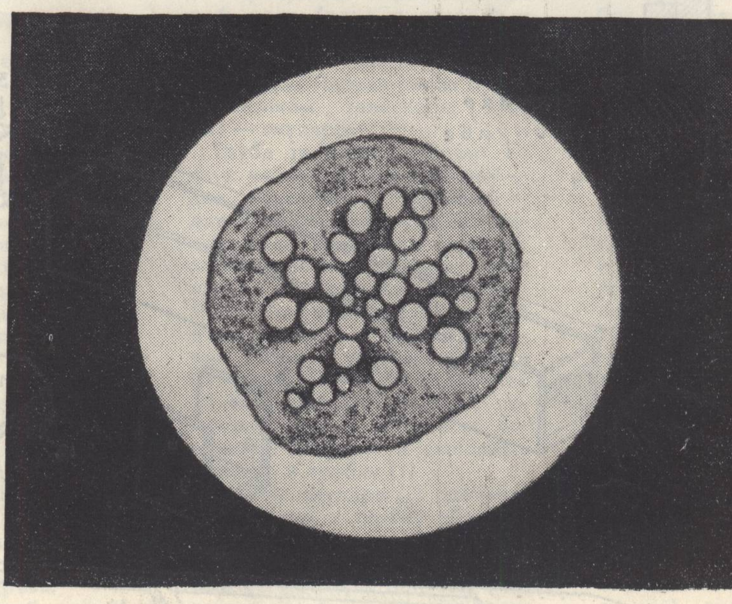
Сбоку к корпусу микроскопа гвоздиком (12) прибейте рычаг (11). На этом гвоздике рычаг должен поворачиваться, как на оси.

Самой внимательной работы требует оправа (13) для объектива — капли (14). Её можно сделать из кусочка жести. Отверстие надо сделать острым квадратным шилом, повёртывая его так, чтобы отверстие было совершенно круглым. Заусеницы зачистите напильником. Боковой выступ оправы надо изогнуть в виде желобка. Этим желобком оправа должна плотно надеваться на верхний конец рычага (11).

Полезно сделать две или три оправы с отверстиями в 1, 2 и 3 мм. Тогда микроскоп будет давать разные увеличения.

Пользуйтесь микроскопом так: положите на предметное стекло, например, кусочек кожицы лука, а предметное стекло задвиньте под пружинки предметного столика так, чтобы кожица находилась над отверстием столика. Поворачивая зеркальце и весь микроскоп, осветите снизу кожицу лука. Теперь заострённой спичкой осторожно вносите каплю воды или глицерина в отверстие оправы так, чтобы она не растекалась за края отверстия. Укрепите оправу на рычаге и, двигая нижний конец рычага, добейтесь резкого изображения.

Так выглядит под микроскопом поперечный срез корня тыквы.

Коля и Толя на охоте

Два приятеля, Коля и Толя, в выходной день отправились на охоту в небольшой лес, который начинается прямо за околицей.

Друзья мечтали убить крупного зверя и поэтому вооружились, как могли.

Медленно пробирались лесом «охотники», зорко всматриваясь в кусты и деревья.

Скоро на снегу они заметили следы, которые уводили в самую чащу. Друзья стали осторожно пробираться по следу. Вышли они на опушку поляны и вдруг увидали страшного зверя... Попробуйте, отыщите его на верхней картинке!

Храбрость, конечно, хороша, но и осторожность необходима. Поэтому «охотники» поспешили укрыться в безопасном месте. На нижней картинке вы увидите, куда спрятались ребята.

Не успели «охотники» придти в себя, как появился маленький мальчик. Он весело засмеялся и бесстрашно бросился к зверю, а зверь прыгнул навстречу мальчику.

Рассмотрели теперь зверя и Коля с Толей. Смущённо вышли они из укрытия, молча подобрали свои грозные доспехи, молча стали на лыжи и повернули к дому.

Не любят вспоминать Коля и Толя, как ходили они на охоту. А почему? Вы поймёте это, рассмотрев картинку, напечатанную внизу.

Загаданное слово

Ведущий игру говорит:

— Задумано имя существительное, оно состоит из четырёх букв. Измените в этом слове первую букву, и вы получите женское имя.

Если в слове, которое вы отгадываете, изменить вторую букву, оно превратится в крупный приток Волги. Вы можете превратить задуманное слово в судоходную реку Франции, для этого в нём придётся изменить третью букву. Измените в слове четвёртую, последнюю букву, и перед вами появится простое сельскохозяйственное орудие; у нас оно уже почти вышло из употребления.

Теперь вы должны отгадать слово, которое мной задумано, а я буду медленно считать до десяти. Кто решит задачу раньше, чем закончится счёт, тот выиграет три очка.

Если я сосчитаю до десяти и никто не отгадает задуманное слово, мне придётся сказать, какое значение оно имеет. После этого решить задачу будет совсем легко, поэтому за правильный ответ я засчитаю не три очка, а только одно. (Отгадка: сера — Вера — Сура — Сена — серп.)

Если ребятам игра понравилась, её можно повторить. Тогда ведущий загадывает другое слово и говорит значения тех слов, которые образуются при поочерёдном изменении букв.

— Измените первую букву, получится большая возвышенность, вторую — река на Кавказе, третью — домашнее животное, четвёртую — площадка для игры в теннис. (Отгадка: кора — гора — Кура — коза — корт.)

Вот ещё несколько слов, которые вы можете загадать.

Ложа — кожа (материал для обуви) — лужа (небольшая впадина, заполненная водой после дождя) — лоза (длинный, гибкий прут) — ложе (деревянная часть ружья).

Лист — аист (крупная птица, которая часто гнездится около жилья человека) — ласт (лапа у моржа или тюленя) — лифт (подъёмная машина в многоэтажном доме) — лиса (хищное животное).

Марс — барс (крупное хищное животное) — морс (напиток из сока фруктов или ягод) — маис (культурное растение, род кукурузы) — март (название месяца).

ОТВЕТ
на задачу „Плетёнка", помещённую в № 1

	И	О	А	Е	А
	Т	Я	О	В	А
	М	Т	Л	Я	Д
	Е	А	Ч	А	Л
	Р	В	И	К	Д

	М	Т	Л	Я	Д
	Т	Я	О	В	А
	Р	В	И	К	Д
	Е	А	Ч	А	Л
	И	О	А	Е	А

Чтобы решить первую задачу, следует расположить горизонтальные полоски, как показано на первом рисунке. Сделайте плетёнку, начав её так, чтобы буква «и» на верхней горизонтальной полоске была закрыта буквой «п», которая написана в верхней клетке первой вертикальной полоски. Вы прочитаете название произведения Б. Полевого: «Повесть о настоящем человеке».

На втором рисунке показано расположение горизонтальных полосок при решении второй задачи. На этот раз букву «п» следует закрыть буквой «м».

Когда плетёнка будет закончена, из букв составятся слова: «Молодая гвардия» (А. Фадеев) и «Два капитана» (В. Каверин).

СОДЕРЖАНИЕ

На обложке:
картина П. Баранова «Салют»

Технический редактор **А. Ефимова.** **Рукописи не возвращаются.**
Адрес редакции: Москва, улица «Правды», 24, комната 235, тел. Д 3-30-73.

А 00714. Подписано к печати 27/I 1954 г. Форм. бум. 84×108 1/16. Бум. листов 2,62. Печ. листов 8,61.
Тираж 200 000 экз. Изд. № 89. Зак. 3460.

Типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

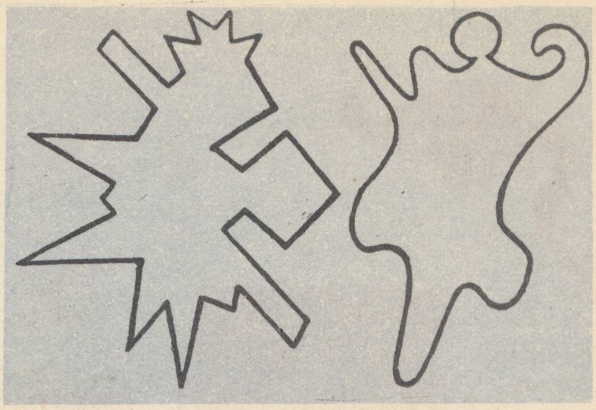
ГРАФИЧЕСКИЙ «ИСПОРЧЕННЫЙ ТЕЛЕФОН»

Здесь помещены игра и рисунок, которые мы взяли из китайской газеты «Чжунгоцинняньбао».

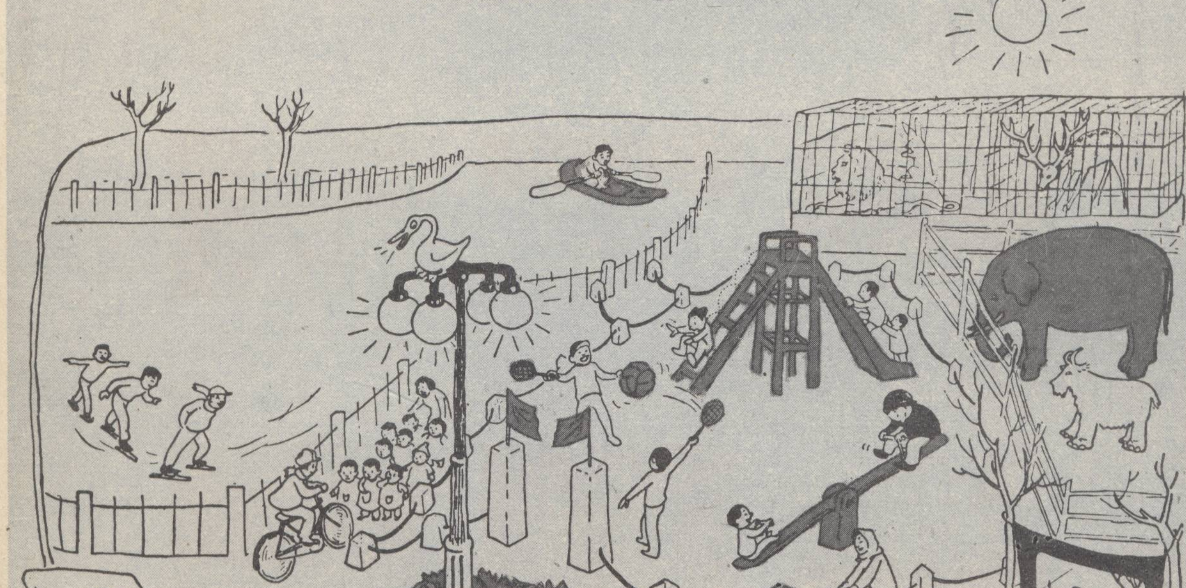
Часто, собравшись, вы играете в «испорченный телефон», вы знаете эту игру. В графический «испорченный телефон» тоже может играть любое количество ребят. Первый играющий рисует на листке бумаги произвольную фигуру, примерно так, как нарисовано здесь, и передаёт следующему. Тот смотрит на рисунок, пока считают медленно до десяти. Потом по памяти повторяет его и передаёт свой рисунок третьему играющему и так далее.

Когда все играющие нарисуют рисунки, сравнивают последний рисунок с первым.

Перевёл с китайского **А. Гатов.**

ЧТО НАПУТАЛ ХУДОЖНИК!

Рассмотрите внимательно этот рисунок и напишите нам, какие ошибки сделал художник.

КИТАЙСКИЕ ЗАГАДКИ

* * *

Что за шустрый старичок,
Восемьдесят восемь ног,
Все по полу шаркают
За работой жаркою.

* * *

На полу растёт цветок —
Спрятан каждый лепесток.
Хлынет дождевой поток —
И раскроется цветок.

* * *

Ростом мал и пузат,
А заговорит —
Сто крикливых ребят
Сразу заглушит.

Из китайского журнала «Шошочанчан».
Перевёл **Л. Черкасский.**

Цена 2 р. 50 к.

Многие ребята спрашивают нас, как выглядят государственные флаги Китая, Чехословакии, Кореи, Вьетнама и других демократических стран. Выполняя просьбу читателей, мы помещаем здесь изображения этих флагов.

Флаг Китайской Народной Республики.

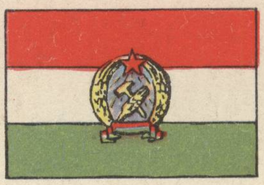
Флаг Польской Народной Республики.

Флаг Чехословацкой Республики.

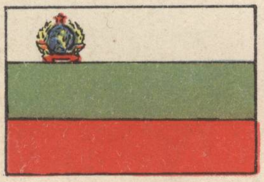
Флаг Германской Демократической Республики.

Флаг Венгерской Народной Республики.

Флаг Румынской Народной Республики.

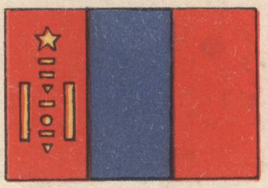
Флаг Народной Республики Болгарии.

Флаг Народной Республики Албании.

Флаг Корейской Народно-Демократической Республики.

Флаг Монгольской Народной Республики.

Флаг Демократической Республики Вьетнам.